
UNIVERSITATEA DE STAT DIN MOLDOVA

MOLDOSCOPIE
(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.3 (L), 2010

REVISTĂ ŞTIINȚIFICĂ TRIMESTRIALĂ

CHIŞINĂU – 2010
CEP USM

MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). – nr.3 (L), 2010. - Chişinău: CEP USM, 2010. – 200 p.

COLEGIUL DE REDACȚIE:
prof. Valeriu Moşneaga (redactor-şef);
prof. Victor Saca (redactor-şef adjunct)
dr. Rodica Rusu (secretar);
conf. Vasile Cujbă;
prof. Vladimir Gutorov (Rusia);
prof. Cristian Haerpfer (Regatul Unit);
prof. Anatoliy Kruglaşov (Ucraina);
prof. Constantin Marin;
prof. Victor Moraru;
prof. Joao Peixoto (Portugalia);
prof. Serghey Reşetnikov (Belarus);
prof. Adrian Pop (România);
prof. Gheorghe Rusnac;
conf. Aurel Sâmboteanu;
prof. Constantin Solomon;
prof. Georg Sootla (Estonia)
conf. Vasile Tabară (România);
prof. Valentina Teosa

Ideile şi opiniile expuse în materialele prezentate aparțin autorilor şi nu reflectă neapărat punctul de vedere al colegiului de redacție

Articolele apar în redacția autorilor, sunt recenzate

versiunea electronică:
http://www.usm.md/?mode=437

ISSN 1812-2566 **© USM, 2010**

S U M A R

SUMMARY

COMPARTIMENTUL
FRISPA – 15 ANI,
CATEDRA POLITOLOGIE – 20 ANI

ŞTIINȚA E CHEIA TUTUROR LACĂTELOR (CATEDRA ŞTIINTE POLITICE LA CEI 20 ANI)

Iulia GORINCIOI
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Ştiințe Politice şi Administrative, Catedra Ştiințe Politice
Doctor în filosofie, conferențiar

The process of real democratization of society inevitably involves key theoretical and practical efforts concerning the analysis of political phenomena and processes. In this context the role of political science and especially of Political Science Department at MSU regarding preparing professional political experts, in promoting a big interest and research of political processes, in raising political awareness represent crucial elements for the Republic of Moldova. The author makes an objective presentation of the evolution process of institutionalization of Moldovan political science, defines the place and future trends and problems in political science which deals the political science in a post soviet society in transition.

Cei 20 ani de la fondarea catedrei Ştiințe Politice marchiază un eveniment important în democrația universitară şi în istoria USM. Este o perioada în care catedra Ştiințe Politice a generat cultură, cunoaştere, curiozitate, echivalînd cu un nucleu ce sprigină dezvoltarea şi maturizarea esenței democratice, oferind calitate şi continuitate, cultivînd inteligență, comportament adecvat şi libertatea gîndirii.

Acum 20 ani, însă democratizarea vieții sociale descoperea un dificit de cadre de politologi şi politicieni profesionişti, necesitatea firească de pregătire a cadrelor calificate în domeniul politologic [1, 3-10].

Dacă în țările occidentale ştiința politică de mult era recunoscută drept una de frunte, importantă, independentă, cu drepturi depline printre ştiințele sociale, fiind predată în instituțiile de învățămînt superior, organizîndu-se în baza ei conferințe si simpozioane ştiințifice şi avînd o influență enormă asupra practicii politice, atunci în spațiul ex-sovietic şi în tînărul stat independent Republica Moldova ea era pentru început desconsiderată şi nerecunoscută oficial. Politologia trebuia să-şi cîştige terenul de activitate şi influență prin aportul deosebit al cunoaşterii proceselor social-politice şi analizei informației ample în proble-

mele puterii şi conducerii la diferite niveluri ale relaţiilor politice. Concluziile şi recomandările trebuiau să devină baza elaborării unei politici concrete în societatea în schimbare.

Nu putem să spunem că în perioada sovietică cercetările vieţii politice pe deplin lipseau, însă ele erau efectuate de către comunismul ştiinţific şi istoria PCUS puternic dogmatizate, politologia fiind socotită de natură burgheză şi dăunătoare regimului comunist. Lucrurile se schimbă puţin odata cu "perestroika" gorbaciovistă şi necesitatea înfăptuirii unor reforme politice radicale, care departinizînd sistemul de învăţămînt şi ştiinţă, creau premizele necesare de constituire a ştiinţei politice în sens propriu al cuvîntului, dar era nevoie şi de o voinţă politică de a realiza acest lucru. Astfel că la Universitatea de Stat din Moldova se face primul pas în 1989, cînd catedra Comunismul Ştiinţific este redenumită în Catedra de Politologie si Teoria Socialismului, iar catedra istoriea PCUS în catedra Istoria Politică. În faţa acestor colective este pusă sarcina pregătirii cursului normativ de politologie pînă la 1 ianuarie 1990 în limbile română şi rusă. La 1 ianuarie 1990 aceste două catedre ale USM se unesc constituind catedra de Politologie. La această etapă lipsa cadrelor performante era una din cele mai esenţiale probleme. Ca rezultat, în 1990 în republică a fost editat unul din primile manuale de politologie în spaţiul ex-sovietic. Necătînd la toate neajunsurile acestui manual, el a constituit totuşi o deschidere esenţială în evoluţia şi constituirea ştiinţei politice moldoveneşti. Ştiinţei politice în Republica Moldova iniţial ia revenit datoria de asigurare intelectuală a tranziţiei şi a deciziilor legate de depăşirea multiplelor macro şi microcrize ale tranziţiei societăţii moldave de la totalitarism la democraţie [2, 121-127].

Treptat interesul faţă de politologie începe să fie activ manifestat de partidele şi formaţiunile social-politice, Parlament, Guvern şi Preşidenţie, de tineret şi masele largi de oameni… (În 1992 este creată Asociaţia politologilor din Moldova, iar la începutul lui ianuarie 2004 este înregistrată de către Ministerul de Justiţie Asociaţia Ştiinţei Politice moldoveneşti. Putem spune că politologia în Republica Moldova are o istorie foarte scurtă, începînd cu 1989, dar a reuşit să realizeze un salt considerabil în dezvoltare, devenind membru cu drepturi depline în comunitatea ştiinţelor sociale.

Se merită de menţionat din această perspectivă, în deosebi eforturile deosebite ale primului şef Catedră de Politologie, A.Zavtur, care prin autoritatea sa de cercetător ştiinţific, pedagog, academician, dar şi ca talentat administrator a ţinut pept tuturor încercărilor timpurilor tumultoase ale tranziţiei şi a reuţit nu numai să păstreze catedra, dar şi s-o promoveze ca una de frunte la nivel de instituţie şi republică.

În această ordine de idei se înscrie şi contribuţia enormă a celui de al doilea şef de catedră, în perspectivă rector al Universităţii de Stat, doctor habilitat, profesor, academician, în prezent ambasadorul Republicii Moldova în Italia, Gh.

Rusnac, care în timpuri grele pentru catedra şi ştiinţa politică moldovenească, pentru întrega societate, a reuşit să le extindă spaţiul de influenţă asupra vieţii şi spiritualităţii politice, contribuind personal la constituirea Facultăţii Relaţii Internaţionale, Ştiinţe Politice şi Administrative, permanent promovînd imaginea catedrei şi facultăţii ca unităţi de frunte ale învăţămîntului universitar.

Dezvoltarea politologiei ca ştiinţă şi ca disciplină ştiinţifică în Moldova a necesitat crearea sistemei naţionale de pregătire a cadrelor în domeniul ştiinţei politice. Universitatea de Stat din Moldova a fost prima instituţie, care în 1993 a înmatriculat o grupă academică de studenţi în bază de buget cu specializarea «istoria şi politologia» în cadrul facultăţii de istorie. Mai apoi, în 1994 în componenţa facultăţii de istorie a fost deschisă secţia «ştiinţe politice», unde studenţii puteau să se specializeze în «politologie şi istorie», «politologie şi drept», «relaţii internaţionale».

In asa mod, la Universitatea de Stat din Moldova apare catedra de politologie (una dintre primile în fosta URSS), se întroduce ca disciplină obligatorie aparte de studiu cursul normativ de Politologie.

Pe parcursul anilor catedra a suferit diverse modificări. Începîndu-şi activitatea ca o specializare în cadrul facultăţii de istorie a USM, va sta la baza unei din cele mai de frunte şi prestigioase facultăţi a USM – Facultatea Relaţii Internaţionale, Ştiinţe Politice şi Administrative, creată la initiativa rectorului de atunci a Universităţii, profesorului Gh.Rusnac la 30 iunie 1995.

In timpul ce s-a scurs au fost pregătiţi un număr considerabil de specialişti de înaltă calitate. Din rîndurile absolvenţilor catedrei au crescut deputaţi, decani, şefi de catedră, diplomaţi, oameni şi analişti politici, specialişti în tehnologii politice. Majoritatea lor lucreaza cu succes în şcolile şi liceele din satele şi oraşele republicii, alţii – în centre universitare, instituţii de cercetări ştiinţifice, analişti politici şi consilieri ai preşedintelui Republicii şi în cadrul partidelor politice, specialişti în tehnologiile politice în campaniile electorale [3, 365-369].

Profesorii au depus un lucru enorm pentru a pregăti cursurile universitare, manuale, monografii originale, suporturi de curs, ghide metodice, programe analitice la cursurile normative şi speciale şi alte materiale didactice. În pregătirea acestor materiale au fost aplicate experienţa facultăţilor din cadrul Universităţii de Stat, dar şi a multor universităţi din Romănia, Rusia, Europa, America etc. Membrii catedrei au desfăşurat an de an o bogată activitate ştiinţifică, care s-a concretizat în sute de lucrări originale, publicate multe din ele în Analele Ştiinţifice ale USM, seria «Ştiinţe socioumane», dar şi în alte reviste de profil din ţară şi străinătate.

În timpul de faţă s-a format un colectiv unit, bine pregătit, în mare parte din foşti absolvenţi ai facultăţii, un colectiv de profesionişti de o înaltă calificare, inclusiv doctori habilitaţi, profesori universitari (Gh.Rusnac, V.Moşneaga, V.Saca şi I.Sandu), doctori în ştiinţă (printre care merită menţionaţi - V.Cujbă,

decanul facultății, Iu.Gorincioi, T.Spinei, T.Turco, V.Stan, A.Solcan, R.Tanasă, R.Svetlicinîi, V.Andrieş, A.Peru-Balan, A.Zubco, D.Bencheci, N.Țveatcov, V.Bevziuc, M.Iațco, I.Bucataru, A.Margarint, A.Morozan, M.Bulova ş.a.), doctoranzii A.Gorban, E.Ceban, N.Putina, O.Burdila, ş. a.

Pilonii pe care se bazează organizarea eficientă a procesului instructiv-didactic la catedra Ştiințe Politice sunt atît publicarea materialelor metodico-didactice, cît şi a rezultatelor cercetărilor ştiințifice. Culegerea «MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)» a devenit deja cartea de vizită a Catedrei Ştiințe Politice a USM, întruchipînd din plin substanța cercetării şi tradiției politologice şi fiind unica în felul său culegere în care se generalizează pe larg practica social-politică a Moldovei, atît în termeni de politică internă, cît şi de politică externă [4, 170-178]. Rezultatul acestor cercetări, după părerea savanților Gh.Rusnac şi V.Saca [5, 148-158] au un caracter triplu: ştiințifico-informativ, instructiv-didactic şi practic, punînd astfel accentul pe îmbinarea potențialului praxiologic şi teoretic al politologiei. Astfel, majoritatea publicațiilor se finisează cu concluzii şi recomandări la adresa factorului politic de decizie, partidelor politice şi altor organisme politice în vederea reevaluării situației social-politice din țară. Se cere de menționat, că aceste intense şi permanente căutări ştiințifice, atitudini creative de valorificare a obiectivelor investigate, entuziasmul ştiințific constant, demonstrat de autorii a revistei «MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)» a fost posibil datorită poziției active a coordonatorului culegerii date, Om emerit al republicii, doctor-habilitat, profesor universitar, şeful catedrei Ştiințe Politice a USM, V.Moşneaga, care a susținut şi a mobilizat în permanență interesul colaboratorilor catedrei față de ştiință, a manifestat o atitudine constantă în perfecționarea culegerii şi a prezentat exemplul viu de urmat ca savant-politolog şi pedagog, ducînd faima ştiinței politice moldoveneşti dincolo de hotarele țării. Munca asiduă a dlui Moşneaga de a «împăingeni» multiple relații de prietenie cu diverse Universități din Europa şi America, Rusia şi țările CSI a contribuit atît la promovarea pozitivă a imaginii Ştiinței Polidice moldoveneşti, cît şi la deschiderea multiplelor posibilități de cunoaştere a rezultatelor cercetărilor politologice internaționale de către cercetătorii moldoveni, de participare a acestora la diverse congrese şi conferințe internaționale. Un pas esențial în recunoaşterea comunității politologice autohtone a fost alegerea profesorului V.Moşneaga, şef-catedră Politologie, Facultatea Relații Internaționale, Ştiințe Politice şi Administrative, USM în calitate de moderator la Masa Rotundă cu Statut Permanent în 2004 [6, 16-26]. Ca pedagog şi cercetător energic, prof. V.Moşneaga neostenit este permanent în căutarea sponsorilor pentru desfăşurarea cercetărilor şi conferințelor ştiințifice, găsind ajutorul filantropic al diverselor fonduri din Germania, SUA, Rusia, Belarusi şi alte țări în desfăşurarea diverselor conferințe ştiințifice şi publicarea rezultatelor cercetărilor ştiințifice, făcîndu-le accesibile comunității politologice autohtone şi internaționale [7, 26].

Tematica cercetărilor ştiinţifice efectuate de personalul didactic al catedrei Ştiinţe Politice sunt foarte largi (mai mult de 40 de teme ştiinţifice abordate) şi sunt îndreptate spre realizarea temelor prioritare condiţionate de problemele stringente ale societăţii moldoveneşti: problemele migraţiei interne şi externe, sistemul şi procesul electoral, raportul drept-politică, problemele renovării naţionale, politicii sociale, conflictului social-politic, interesului şi relaţiei politice, factorului de putere de tip moldav etc.

Dezvoltarea în continuare a cercetărilor politologice a determinat crearea laboratorului ştiinţific «Sociologie politică» (ianuarie 1994) pe lîngă catedra de politologie. Formarea unei structuri organizaţionale unice «catedră-laborator» a permis concentrarea şi aprofundarea cercetărilor politice la Universitate, consolidarea caracterului lor neîntrerupt şi sistematic [7, 14].

O asemenea structurare este în conformitate cu practica mondială în concentrarea cercetărilor în centrele universitare, asigură un dinamism sporit în dezvoltarea ştiinţei, în implicarea tineretului talentat în aceste cercetări.

Procesul de instituţionalizare a politologiei ca ştiinţă politică şi disciplină didactică în Universitatea de Stat din Moldova şi în ţară în genere şi-a atins scopul. Politologia a devenit un fenomen important în sistemul de învăţămînt superior al Republicii Moldova. Analiza politică, marketingul politic, consaltingul şi menedjmentul sunt componente necesare ale activităţii structurilor de stat şi de partid, şi deaceea ştiinţa politică este tot mai mult întrebată şi consultată în statul democratic independent Republica Moldova. În această ordine de idei, un aport deosebit ca pioner dar şi flagman al ştiinţei politice moldoveneşti pe drept î-l are catedra Ştiinţe Politice a Facultăţii Relaţii Internaţionale, Ştiinţe Politice şi Administrative a Universităţii de Stat din Moldova. Parafrazînd cuvintele poetului, Luceafărului poeziei româneşti – M.Eminescu – la cei 20 de ani îi doresc Ştiinţei Politice Moldoveneşti şi în primul rînd catedrei Ştiinţe Politice «La trecutu-ţi mare, mare viitor!» [8].

Acum, cind s-au perindat deja primii ani ai secolului XXI-lea din mileniul trei, civilizaţia umană pur şi simplu nu are alternativă decît să accepte şi să meargă pe o singură cale – cea a progresului social ireversibil, prioritatea revenindu-i, bineînţeles, tineretului, care este cel mai receptiv şi deschis spre o lume pe care şi-o doreşte şi sigur o va edifica [9, 3-8].

Bibliografie

1. Rusnac Gh., Moşneaga V. Ştiinţa politică în Moldova. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). Partea II. – Chişinău, USM, 1993.
2. Strah D. Problema predării ştiinţei politice: aspecte istorice, organizatorice şi metodice. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). Partea V. – Chişinău, USM, 1995.

3. Moşneaga V., Rusnac Gh., Strah D. Studiile politologice în pas cu timpul. // Analele ştiinţifice ale Universităţii de Stat din Moldova. – Chişinău, USM, 1996.
4. Moşneaga V. Cercetări politologice în Universitatea de Stat din Moldova: viziuni generale. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). Partea VIII. – Chişinău, USM, 1997.
5. Saca V., Rusnac Gh. Cercetare şi tradiţie politologică: la 10 ani ai «MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica)». // MOLDOSCOPIE (Problemele analizei politice). Partea XXI. – Chişinău, USM, 2003.
6. Tanasă R. Ştiinţa politică în Republica Moldova. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). Nr.3 (XXVII), 2004. – Chişinău, USM, 2004.
7. Мошняга В., Цуркан В., Руснак Г. Институционализация политологии как учебной дисциплины в Республике Молдова. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). Partea XXIV, 2004. – Chişinău, USM, 2004.
8. Ce-ţi doresc eu ţie, dulce Românie: www.romanianvoice.com/poezii/poeti/eminescu.php
9. Noi dimensiuni ale vocaţiei educaţionale şi ştiinţifice a Universităţii de Stat din Moldova în contextul cunoaşterii şi realizării obiectivelor pro Bologna (Raportul anual al rectorului USM la şedinţa Senatului din 25 octombrie 2005. // Analele Ştiinţifice ale USM, seria «Ştiinţe socioumane”. Vol. I. Chisinau, USM, 2006.
10. Mosneaga V. Political science in Moldova: Beginnings of integration in the European research network. // Political Science in Central-East Europe. Diversity and Convergence. – Leverkusen Opladen, Barbar Budrich Publishers, 2010, pp.193-207

Prezentat la redactie
la 2 iulie 2010

Recenzent **– Valentina STAN,** doctor in stiinte politice, conferentiar

COMPARTIMENTUL
GUVERNAREA POLITICĂ ŞI ADMINISTRAREA PUBLICĂ

POLITICILE PUBLICE DE PROTECȚIE SOCIALĂ ÎN CADRUL UNIUNII EUROPENE: DIFICULTĂȚI ŞI TENDINȚE

Mariana IAȚCO
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Ştiințe politice şi Administrative, Catedra Ştiințe Politice
Lector, doctor în stiinte politice

This article treats the complexity of the public policies in the social protection. Knowing the fact that this process is facing a lot of difficulties, they should be known and avoided by the public actors, involved in social security. At the same time, the implementation of policies consists of the choice of instruments used by the government to realize public policies. The choice of public policy instruments is linked to a diversity of factors and criteria analysed in this article. The purpose of article is to underline the complexity of the implementation of public policies and the choice of public policy instruments. In this article, we tried to bring examples of implementation of public policies in the situation of the European Union.

Obiectivul fundamental a prezentului articol este de a identifica tendințele ce caracterizează politicile sociale la începutul secolului XXI în cadrul Comunității Europene. În opinia autorului G.Rodriguez Cabrero, politicile din ultima perioadă tind spre o diminuare a intensității sistemului de protecție în favoarea capitalizării față de sistemul de redistribuire socială [5, 135-152]. Acest moment se explică prin amplificarea fraudelor şi creşterea exigențile responsabilității individuale, fapt deja evident în unele politici europene care urmăresc consolidarea rolului familiei ca entitate a protecție sociale.

Tendințele de privatizare a sistemului de protecție socială nu a rămas la sfîrşitul agendei europene, deşi sunt limitate din cauza fricii față de reacțiile sociale – conflicte, proteste pe care le poate genera, ceea ce ar presupune delegitimarea politicilor şi nesusținerea politică a acestora.

În ceea ce priveşte sistemul de securitate socială, Uniunea Europea nu pretinde de a armoniza regimurile statelor membre, ci doar se responsabilizează de a coordina diversele regimuri şi de a garanta drepturile persoanelor ce se deplasează pe teritoriul statelor miembre. Deoarece, fiecare stat miembru este responsabil de organizarea şi finanțarea propriului sistem de protecție socială. Adică, de-

cizia cine trebuie sa fie asiguraţi, ce prestaţii sociale le corespund, în ce condiţii, cum se calculează aceste prestaţii şi care este volum de cotizare, este competenţa autorităţilor fiecărui stat miembru.

Actualmente, ar fi imposibilă armonizarea regimurilor, datorită diferenţelor între nivelurile de viaţă ce există între statele membre a Uniunii Europene, precum şi între statele recent încorporate în spaţiul comunitar. În acelaşi timp, există ţări cu un nivel de viaţă similar, dar care au un sistem de protecţie socială diferit, reieşind din tradiţiile culturii naţionale şi de preferinţele diferitor state europene. În faţa dificultăţilor pentru a obţine o armonizare în legislaţia socială, în acest sens rezoluţiile europene adoptă expresia „de convergenţă" iar statele membre trebuie să abordeze măsurile ce se iau spre un punct de vedere comun [3, 166].

În această ordine de idei autorul A.Montoya afirma că „formula europeană a securităţii sociale nu este de a obţine uniformitatea, ci coeziunea, instrumentată nu pe baza unei reglementări unice, ci a unor obiective sociale pe care fiecare ţară să le realizeze conform proprilor criterii şi mijloace tehnice" [4, 31].

Dispoziţiile comunitare în materie de coordonare a regimurilor de securitate socială a statelor membre sunt expuse în Regulamentul 1408/71 şi în Regulamentul de aplicare 574/72, care stabilesc normele şi principiile comune ce trebuie să le respecte toate autorităţile naţionale din statele membre. Acestea garantează că legislaţiile naţionale diverse nu vor penaliza persoanele ce exercită dreptul său la deplasare şi la şedere în Uniunea Europeană, corectează aspectele legislaţiilor naţionale ce pot avea efecte nedorite pentru persoanele migranţi de muncă şi familiile lor. Obiectivul lor principal este de a proteja cetăţenii europeni care muncesc, locuiesc în alt stat miembru. În acest sens, obiectivul dat se centrează pe următoarele momente:

- asigurarea igalităţii în tratarea persoanelor migranţi de muncă cu cetăţenii statutului unde sunt asiguraţi social;
- a evita pierderea avantajelor din drepturile acumulate în perioadele de contribuţii, plecînd la muncă în alt stat miembru, fiind asigurat de legislaţia socială a statului membru;
- a garanta persoanelor migranţi de muncă şi familiilor lor să beneficieze de dreptul la prestaţiile sociale indefirent de statul membru în care se află;

Este cert că organizaţiile ce grupează diverse state europene precum: Comisia Europeană, Parlamentul European, Comitetul Economic şi Social, Comitetul pentru Forţa de Muncă, Consiliul Municipiilor şi Regiunilor din Europa, Federaţia europeană a ONG-urilor, realizează planuri şi recomandări importante cu privire la protecţia socială, ce au o pondere majoră în planificarea politicilor sociale naţionale a fiecărui stat membru.

Expresia „modelul social european" a fost şi este deseori folosit în diverse documente a Uniunii Europene, în pofida faptului ca „socialul" continuie să fie

considerat „ruda săracă” a construcției europene. Amintim că, construirea unei Europe unite s-a proclamat explicit reieşind din interesele economice. Socialul se considera în acest model ca complementar a rezultatului politicilor economice comune [7, 112].

Valorile împărtăşite care fac parte din acest model social european sunt expuse în Cartea Albă şi în mod fundamental sunt: democrația şi drepturile omului, negocierile colective libere, economia de piață, egalitatea şanselor pentru toți, asistența socială şi solidaritatea.

Un element comun a politicilor sociale a tuturor statelor membre a Uniunii Europene este în special protecția socială divizată în două blocuri: cel a *pensiilor* – constituind aproape jumătate din cheltuielile sociale în statele membre şi cel a *prestațiilor de şomaj,* fiind în unele state europene foarte înalt [5, 145].

Efectele redistribuirii sociale s-au observat imediat, fiind evidentă reducerea sărăciei în rîndurilor persoanelor în vîrstă, deşi mai există niveluri scăzute de bunăstare la beneficiarii de pensii necontribuabili, datorită cantității valorice joase. În privința situațiilor de şomaj, rezultatele depind deseori de conjunctura economică a țărilor europene. Astfel, în cazul Spaniei şi Italiei cu un numar mare de şomeri, abordarea politicilor reiese din momentele de criză economică şi politica de asistență.

Anul 2000 a fost marcat de o cotitură importantă în politicile sociale europene, fiindcă la Summitul din Lisabona (iunie, 2000) se adoptă strategia pentru perioada 2000-2010 cu obiectivele de a atinge o economie competetivă şi dinamică, dezvoltarea durabilă, locuri de muncă şi coeziunea socială, determinînd necesitatea de a lupta contra exclusiunii sociale, ceea ce presupune un progres important în politica sociala europeană comună.

Aşa zisa *Strategie de la Lisabona*, se axează pe zece aspecte, dintre care trebuie să evidențiem măsurile îndreptate spre modernizarea protecției sociale, ce se concretizează în obiectivul eradicării sărăciei în cadrul Uniunii Europene înainte de anul 2010, cu acțiuni referitoare la dezvoltarea pieții muncii şi a accesului la resurse pentru toți cetățenii europene, prevenirea riscurilor de excludere socială, activități în favoarea persoanelor vulnerabile şi mobilizarea tuturor agenților sociali implicați [6, 111].

Această nouă Strategie se discută la Summitul de la Nice din dicembrie 2000, unde se aprobă aplicarea Planurilor Naționale de Incluziune Socială ce trebuiau să se aprobe de toate statele membre pînă în iunie 2001. De asemenea se aprobă Agenda Socială Europeană pentru anii 2001-2005 şi se obține statutul juridic formal a Comitetului de Protecție Socială, format din doi membri a Comisiei Europene şi cîte unul din fiecare stat membru, constituinduse ca un organ consultativ pentru promovarea cooperării între statele membre a Uniunii Europene în domeniul politicilor de protecție socială.

Conţinutul Agendei Sociale Europe desemnează obiectivele de bază a politicii sociale europene în domeniul protecţiei sociale, care se vor concretiza mai departe la întîlnirea Consiliului European la Stolckolm. Acestea fiind:

- stimularea pieţii muncii, dînd prioritate politicilor active, încurajînd rentabilitatea muncii, prin subestimarea dependenţii faţă de opţiunea şomajului;
- obţinerea unui sistem de pensii consolidat şi valabil din punct de vedere financiar;
- promovarea incluziunei sociale pentru cei excluşi social, stimulînd acţiuni sociale pentru persoanele dependente;
- garantarea viabilităţii unei asistenţe medicale de calitate, o gestiune mai eficientă a cheltuielilor în această sferă;

Astfel, în acest moment o serie de procese decurg şi se completează în acelaşi sens: Strategia de la Lisabona este un cadru general care se desfăşoară prin intermediul Strategiei de la Luxemburg pentru subiectele referitoare la ocuparea forţei de muncă, Agenda Socială de la Summitul din Nice se referă la protecţia socială şi Strategia de Goteborg care dezvoltă aspectul mediului ambiental de la Summitul din Lisabona, promovând dezvoltarea durabilă.

Paralel la aceste măsuri de tip social, altele cu caracter economic cu transcendenţă în domeniul social sunt motive de recomandare din parte Uniunii Europene aprobate în iunie, 2002, de către Comisia Europeană. În mod concret, de exemplu pentru Spania se evidenţiază ca piloni fundamentali susţinerea sistemului de pensii, diminuarea şomajului, creşterea ocupării forţei de muncă pentru femei, productivitatea şi controlul inflaţiei. Fiindcă, la toate aceste subiecte, Spania are un deficit, referitor la măsurile europene.

În legătură cu măsurile necesare ce vor trebuie să fie luate pentru a asigura bunăstarea socială în ansamblul Uniunii Europene, în continuarea vom presenta două idei importante a autorilor M.Castells şi G.Esping-Andersen.

Astfel, M.Castells în legătură cu noile caracteristici a societăţii informaţionale recomandă o serie de măsuri îndreptate spre combaterea a două probleme principale: stimularea noilor surse de producere economică şi recompunerea stratificării sociale ameninţată de individualismul sălbatic şi de marginalizarea unor sectoare semnificative din societate. Aceste măsuri ar fi:

- intervenţia statului în condiţiile sociale de producere, în sistemul de educaţie şi instruire pentru a face posibil autoprogramarea permanentă în faţa schimbărilor tehnologice;
- reformarea pieţei muncii, prin reducerea orelor de muncă şi prin urmare reducerea salariilor, aceastea fiind compensate prin salarii indirecte, şi crearea locurilor de muncă substituitive;
- o nouă politică pentru ciclul de viaţă şi în special pentru perioada de îmbătrănire: a menţine forţa de muncă pe toată durată de timp posibilă, servicii de îngrijire care să elimine cheltuilile pentru ospitalizare şi medicamente;

• relegitimarea instituțiilor de solidaritatea prin descentralizarea lor şi participarea activă în elaborarea politicilor din partea cetățenilor;

• amplificarea mecanismelor de solidaritate socială în societatea civilă, ceea ce presupune abordarea problemelor din partea proprii societăți, fără dimunuarea responsabilității statului [1].

Aceste măsuri ar ajuta la evoluția Statului bunăstării spre Statul „muncitoresc” precum îl denumeşte autorul. Această recuperare se poate realiza doar în zonele de maxim contact între Stat şi societatea civilă, adică administrația locală şi regională. Aceştea ar fi cei care ar putea articula socialul, cultura teritoriului lor şi geometria variabilă a economiei globale.

Din partea sa G.Esping-Andersen realizează o importantă contribuție prin intermediul unui program de cinci puncte, ce are ca obiectiv garantarea competitivității economiei europene, menținând coeziunea socială. Propunerea sa reiese din armonizarea pieții muncii, o mai bună utilizare a capitalului uman şi o reorganizare a investițiilor în protecția socială, în măsura necesară de a reduce la minim sărăcia şi de a maximaliza posibilitățile indivizilor. Programa sa constă în următoarele:

• A maximaliza rolul femeie. Munca femeii ar aduce două beneficii importante: o îmbunătățire a economiilor familiare ceaa ce ar servi ca suport pentru posibile inseguritații de muncă, şi externalizarea serviciilor pe care femeile le realizează în familie, ceea ce va dezvolta noi forme de ocupare a locurilor de muncă;

• Eradicarea sărăciei infantile. Sărăcia în primii ani din viața persoanelor provoacă o diminuare a educației şi creşte riscul de dependență de prestațiile sociale pentru generațiile viitoare. Politicile de protecție a familiei trebuie sa devină un subiect public;

• Eradicarea pensionării obligatorii. Autorul pledează pentru o pensionare flexibilă, care să contribuie la mai mulți ani de cotizare din partea persoanelor în vîrstă şi să protejeze tinerii care încep mai tîrziu viața de muncă. Preocuparea pentru cheltuielile ce presupun menținerea sistemului de pensii continuie să fie principală în majoritatea țărilor europene: Germania, Franța, Austria, Italia mențin deschise aceste sisteme pentru o ulterioară redefinire a lor, prin flexibilizarea vîrstei de pensionare şi prin mărirea perioadei de calcul a pensiilor. Fără indoială că aceste măsuri deja au unele contestații sociale din partea cetățenilor.

• O combinare nouă a relației muncă-odihnă. Actuala este una rigidă şi impusă, susține autorul. Ar trebuie de lăsat să decidă cînd şi cum să se întrerupe perioada de muncă, aceasta fiind o profundizare a libertații omului. Autorul fiind părtaşul idei relansării sistemului de odihnă în rate, considerând că introducerea pensionării obligatorii la 65 de ani este una învechită;

• O redefinire a egalității. Sărăcia sau excluziunea socială pot fi depăşite, dar totuşi există grupuri de populație care rămîn în starea de sărăcie. Educația,

capacitățile cognitive şi rețele familiare şi solidaritatea sunt cele mai bune garanții în fața „căpcănii sărăciei". Pentru aceasta strategiile de instruire pe parcursul întregii vieți unite la sistemele de garanței a veniturilor şi resurselor de bază, trebuie să fie pilonii principali care să corespundă la restructurarea sistemului de protecție socială în viitor [2].

În legătură cu viitorul şi valorificarea politicilor sociale europene G.Rodriguez Cabrero susține un diagnostic ceva mai pesimist, considerând că le caracterizează depedența de integrarea economică, subordinarea politicilor sociale statale şi reducerea rolului de regulare în statele miembre.

Rolul jucat pînă acum de Uniunea Europeană, chiar dacă a dat rezultate în domenii ca mobilitatea persoanelor, politicile gender, sănătății muncii sau formării profesionale, nu a obținut progrese importante în alte sfere precum descriminarea sau combaterea sărăciei. Persistența diferitor modele de Stat al bunăstării în Uniunea Europeană şi fragilitatea politicii sociale comune lasă de gindit la un viitor, care se prezintă plin de tensiuni şi contradicții, pe care numai prin capacitatea de coordonare şi de învățare reciprocă va putea fi depăşit.

La final, din acest punct de vedere, modelul social european este un obiectiv de lungă durată, a cărui prelungire nu poate rămîne exclusiv în mîinele guvernelor naționale, nici a Comisiei Europene, ci a societății civile europene, a organizațiilor sindicale şi sociale care promovează dezvoltarea unui ansamblu de drepturi sociale care să nu garanteze numai venituri minime, ci şi sa asigure sănătatea publică, locuițe, educația, şi ocuparea forței de muncă într-un sens larg. Toate acestea ar presupune depăşirea unei protecției sociale asistate şi avansarea spre extinderea şi profundizarea drepturilor sociale în cadrul Uniunii Europene.

În acest sens, pentru Republica Moldova, politicile sociale trebuie să avanseze în pasul schimbărilor ce au loc în spațiul european. Numai datorită unei gîndiri strategice şi pragmatice guvernarea autohtonă va reuşi promovarea unor politici sociale reuşite, capabile să răspundă problemelor din cadrul societății Republicii Moldova. Iar politicile sociale europene să constituie o sursă de referință şi de experiență în elaborarea şi implementarea politicilor sociale din Republica Moldova.

Bibliografie:

1. Castells M. Futuro del Estado del Bienestar en la sociedad informacional. // Giner S., Sarasa S. (eds.) Buen gobierno y política social. – Barcelona, Ariel, 1997, p.173-189
2. Esping-Andersen G. La reconstrucción de los Estados del Bienestar en Europa. // Herley J.A., Jimeno J.F. Mercado de trabajo, inmigración y Estado del Bienestar. - Sevilla. Fedea, 2000, p.78-95

3. Estvill J. Políticas sociales actuales y futuras frente a la exclusión en Europa. // Alemán C., Garcés J. (coord.). Política Social. - Madrid, McGraw-Hill, 1997
4. Montoya A. El modelo social europeo y los sistemas de protección social en los países de Latinoamérica y el Caribe. - Ministerio de Trabajo y Asuntos Sociales, Madrid, 2003
5. Rodriguez Cabrero G. El Estado del Bienestar: pautas evolutivas y reestructuracion institucional. – Barcelona, Ariel Ciencia Politica, 1998. p.135-152
6. Rodriguez Cabrero G. El desarrollo de la Política social en la Unión Europea. // Rodríguez Cabrero G., Sotelsek Salem D. (eds.) Apuntes sobre Bienestar Social. - Universidad de Alcalá, 2000
7. Vila L. Política social europea. // Alemán C., Garcés J. (coord.). Política Social. - Madrid, McGraw-Hill, 1997

Recenzent – **Igor BUCĂTARU**, doctor în stiinte politice, conferentiar

COMPARTIMENTUL
SOCIOLOGIA POLITICĂ

EFECTELE COMUNICĂRII ASUPRA FORMĂRII COMPORTAMENTULUI ELECTORAL

Victoria BEVZIUC
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Ştiințe Politice şi Administrative, Catedra Ştiințe Politice
Doctor în ştiințe politice, lector

This article explores the influence of media on elective behavior. Studying the elective behavior phenomena as the expression of the political and democratic pluralism requires a changing of the accent from the everyday reality to the perspectives, from present to future. The tendencies that have been manifested in the contemporary elective system and their legal way of evolution that are shaping up, can stand for a starting point in the process of evaluation regarding the place and the role of the mass-media in developing the public opinion and forming the elective behavior.

Calitatea reprezentării politice depinde de aspecte tehnice precum sistemul electoral, sistemul de partide şi de modul de formare a guvernului. Dar crucial pentru transformarea votului popular în reprezentare la nivelul parlamentelor sau a altor instituții alese rămîne sistemul electoral.

De-a lungul ciclurilor electorale, rolul media în cristalizarea opiniilor şi informarea publicului s-a modificat şi a evoluat constant. Televiziunea publică a deținut pentru un deceniu supremația, din perspectiva monopolului informației. Datorită capacității sale de acoperire națională a semnalului de emisie şi subsecvent notorietății sale în industrie, TVM a asigurat platforma de comunicare cea mai importantă, atît pentru candidați cît şi pentru alegători. Odată cu apariția competitorilor din sectorul comercial, publicul a migrat în decurs de un deceniu spre alte canale TV dedicate comunicării politice, în special în perioada campaniilor electorale. În paralel cu pierderea credibilității şi a monopolului de recapție la nivel național de către TVM, odată cu dezvoltarea tehnologiei, domeniul s-a segmentat şi echilibrat, inclusiv din perspectiva accesului liber la timpii de antenă. În ultimii, potențialul de influențare a conştiinței publice prin intermediul dezbaterilor politice a fost speculat de diferiți investitori economici, preocupați de dezvoltarea business-ului media în interes personal şi, ulterior, politici.

Considerăm 1944 ca fiind anul de naştere a erei moderne pentru abordările sociologice ale comportamentului electoral deoarece în acest an P.Lazarsfeld şi colegii săi de la Bureau of Applied Social Research, Columbia University, au

publicat primul studiu de inspirație academică al unei campanii electorale în care obiectul investigației era constituit de alegătorii individuali [1, 15].

O ideie fundamentală a şcolii de la Columbia a fost că atributele sociale sunt importante nu pentru că ele s-ar traduce direct şi deterministic într-un set de interese şi, în consecință, de preferințe, ci mai degrabă pentru că ele localizează indivizii în structura socială, influențînd astfel modul de expunere al acestora la informația politică [2, 209].

Înțelegerea comportamentului electoral în cadrul contextului politic şi social în care acesta este inclus este o problemă foarte bine înscrisă în tradițiile sociologiei politice descrise de Key, Lazarsfeld şi alții. Un număr semnificativ de lucrări care investighează votul se adresează problemelor contextelor şi rețelelor în care sunt incluşi electorii şi chiar dacă există suprapuneri semnificative în studiul contextelor şi al rețelelor, acestea oferă totuşi instrumente conceptuale diferite în înțelegerea impactului structurii sociale asupra politicului. Studiile mai recente s-au concentrat asupra relațiilor dintre rețele şi contexte, dar aceasta presupune ca ele să fie înțelese ca fiind constructe separate [2, 210].

Un alt punct de interes în primele studii realizate la Columbia University 1-au constituit efectele mediatice asupra cetățeanului şi asupra alegerilor sale individuale. Unul dintre scopurile ştiințelor comunicării, poate cel mai important, este de a cerceta influența comunicării asupra comportamentului indivizilor sau a publicului. Din această perspectivă, putem distinge, la fel cu alte ştiințe, între mai multe dimensiuni ale ştiințelor comunicării. În cazul dimensiunii *descriptive* se au în vedere cazuri concrete de influențare a comportamentului prin thenici de comunicare, cum ar fi investigarea efectelor unei campanii electorale asupra repartiției voturilor. Dimensiunea *explicativă* presupune degajarea parametrilor implicați în relația comunicare – comportament şi formularea unor reguli universale privind raporturile dintre aceşti parametri, aplicabile nu numai cazurilor trecute, ci şi situațiilor viitoare. În plus, ştiințele comunicării au o dimensiune *predictivă*: pornind de la datele acumulate până la un anumit moment şi de la regulile explicative, se urmăreşte anticiparea efectelor tehnicilor de comunicare asupra comportamentului unui subiect individual sau public în viitor [3, 26]. În acest fel, rezultatele ştiințelor comunicării sunt utile în stabilirea strategiilor şi în planificarea campaniilor comunicaționale de cele mai diferite tipuri. În afara acestor rezultate ale ştiințelor comunicării, acțiunea de modelare a comportamentului nu poate fi decât întâmplătoare, haotică şi ineficientă.

Analog celorlalte ştiințe, ştiințele comunicării au nevoie de un *model* al obiectului lor de studiu, în cazul nostru, de un model al comportamentului. Acest model trebuie să delimiteze parametrii cercetați şi să presupună relațiile în care se află aceşti parametri în aşa fel încât să dea seama de datele obținute prin analiza descriptivă cât şi de o serie de principii pe care ştiințele comunicării le acceptă de la bun început. Numai cu ajutorul unui asemenea model pot fi elaborate

explicaţii şi predicţii. De exemplu, astronomul, pentru a explica şi anticipa evoluţia unui corp ceresc, are în vedere diferiţi parametri ai acestuia, cum sunt masa, luminozitatea, spectrul etc., iar apoi construieşte un model prin care parametrii respectivi sunt relaţionaţi. La fel, cercetătorul în ştiinţele comunicării, pentru a fi în măsură să explice sau să formuleze predicţii, trebuie să elaboreze modele al comportamentului subiecţilor avuţi în vedere, fie că sunt indivizi sau publicuri. Ştiinţele comunicării trebuie să admită ipoteza comportamentului *raţional*. Dacă subiectul ar desfăşura acţiunile la întâmplare, atunci orice tentativă de a-l influenţa ar fi sortită eşecului. De pildă, campania electorală nu are rost pentru alegătorul care dă cu banul pentru a vota unul din doi candidaţi. Comportamentul este raţional atunci când subiectul acţionează astfel încât să evite eroarea, respectiv, atunci când allege acele acţiuni care sunt conforme cu interesele sale.

Prin urmare, comportamentul este influenţat de cunoştinţe, opinii şi atitudini sau combinaţii ale acestora, cum ar fi emoţiile şi sentimentele; toate acestea le numim *stări de spirit*. Comportamentul raţional este *conştient*. Acţiunile întreprinse în stare de nonconştienţă nu pot fi considerate raţionale deoarece nu sunt urmarea unor raţionamente care au drept scop evitarea erorii. Asemenea acţiuni nu intră în sfera de preocupare a ştiinţelor comunicării. De pildă, acţiunile întreprinse sub efectul unor substanţe halucinogene sau acţiunile somnambulilor aparţin acestei categorii. Ajungem la concluzia că, un comportament raţional este determinat de stările de spirit în care se află subiectul la un moment dat, care servesc drept fundament al premiselor raţionamentelor în urma cărora subiectul acţionează. De aici urmează că, dacă dorim să modelăm comportamentul cuiva, trebuie să-i inducem acestuia stări de spirit corespunzătoare. De exemplu, dacă dorim să obţinem voturi pentru un anume candidat, trebuie să-i oferim alegătorului informaţii, pentru a-i modela cunoştinţele şi, totodată, prin metode de persuasiune, să-i modelăm opinia şi atitudinea faţă de candidatul avut în vedere. În mod raţional, dacă alegătorul va considera programul candidatului inutil sau chiar dăunător pentru interesele sale, nu-l va vota. Prin urmare, comportamentul raţional al subiectului poate fi influenţat prin modelarea stărilor de spirit ale acestuia. Problema formulată iniţial, a controlului comportamentului, se reduce la problema formării stărilor de spirit.

Astfel, conform celor de mai sus, soluţia acestei probleme presupune admiterea unui model al stărilor de spirit. În această chestiune, ştiinţele comunicării tind să se subordoneze punctului de vedere *determinist* susţinut de *psihologie*, conform căruia, stările de spirit sunt *determinate* de factori externi. Formarea cunoştinţelor, opiniilor sau atitudinilor este văzută ca un proces în care, dacă anumiţi parametri externi au anumite valori, atunci subiectul intră în stări de spirit determinate, care nu depind de libera sa alegere. Totodată, prin determinarea acestor factori şi, în consecinţă, a stărilor de spirit, comportamentul devine determinat, adică *răspunsul este funcţie de factorii psihic determinanţi*: unei co-

nfiguraţii determinate a factorilor psihic determinanţi îi corespunde un singur răspuns sau un comportament specific.

P.Lazarsfeld şi colaboratorii săi au conceput o cercetare prin care se aşteptau să releve puterea propagandei prin radio într-un context democratic: o campanie electorală prezidenţială. Numai că, în loc să confirme ipotezele de plecare, aşa cum cercetătorii se aşteptau, cercetarea a scos în evidenţă o altă realitate, pe baza căreia avea să se constituie noul model al efectelor mesajelor media: *„modelul efectelor minime”* [4, 300]. Suporterii acestei idei afirmă că impactul mass-media asupra politicului este foarte probabil atenuat datorită unei serii de motive [2, 218].

1) Cetăţenii nu dau suficientă atenţie mesajului mediatic, pentru ca acesta să-i afecteze.

2) Mesajele sunt adesea contradictorii şi intermitente, şi au tendinţa să se anuleze reciproc.

3) Procesele de la nivel individual - atenţia selectivă şi memorarea bazate pe predispoziţii politice preexistente - tind să distorsioneze mesajele mediatice şi să le anuleze astfel efectele.

4) Orice mesaj care găseşte o cale către individ a fost prelucrat în cadrul patternurilor de interacţiune şi comunicare socială.

Modelul efectelor minime ale mass-media aducea în plus câteva observaţii foarte importante: alegerile democratice permiteau, chiar încurajau, articularea punctelor de vedere alternative. Lazarsfeld şi colegii săi au insistat asupra importanţei expunerii selective la mass-media. Aflându-se în faţa unei multitudini de surse de informare, cetăţenii nu sunt doar nişte receptori pasivi ai mesajelor media, ci ei sunt capabili să discearnă între mesajele pe care le receptează, să le „filtreze”, ascultând sau citind numai ceea ce îi interesează.

Ideea expunerii selective la media a fost mai târziu dezvoltată într-un nou model al influenţei media: *„modelul consumatorului”* sau *„modelul utilizării şi satisfacţiei”*. Acest model consideră cititorul, ascultătorul şi, în ultimele decade, telespectatorul ca fiind un participant activ în procesul de comunicare. Succint, acest model postulează ideea că nu este suficient să aflăm dacă cetăţenii „s-au expus” la un anume mesaj politic transmis prin mass-media, ci este necesar să aflăm *de ce* s-au expus la acel mesaj şi *ce anume aşteptau* să câştige din această experienţă [4, 301]. Modelul consumatorului se deosebeşte de modelul efectelor minime, prin faptul că nu exclude posibilitatea efectelor mediatice, însă cu menţiunea că:

1. mass-media, prin ele însele, nu sunt de obicei, cauze suficiente pentru efecte asupra audienţei

2. mesajul mediatic este numai una din sursele de influenţă, alături de alte surse. Efectele media sunt explicate aici „în termenii scopurilor, funcţiilor şi utilizărilor controlate de pattern-urile de selecţie ale receptorilor” [5, 159]. Studiile

şi teoriile contemporane sau ulterioare focalizate asupra efectelor comunicării de masă au condus la noi dezvoltări ale modelului consumatorului. Dintre cele mai importante astfel de studii şi teorii amintim: [4, 302-303]

• Studiul realizat de J.G.Blumler şi D.McQuail în 1964 şi din care, de fapt, ulterior a fost dezvoltată teoria propriu-zisă cu numele *„uses and gratification”***.** Ipoteza de plecare a cercetării a constituit-o presupoziția existenței unor efecte diferite ale expunerii la mesajele campaniei electorale în funcție de:

a. tipul de consumator media şi

b. intensitatea opiniilor si atitudinilor politice ale diferitelor grupuri din audiență.

Rezultatele cercetării au evidențiat că grupurile din public mai puțin interesate de viața politică intră într-o relație puternică şi progresivă de schimbare a opțiunilor politice pe măsură ce se expun mai mult la mesajele media; *2.* publicul utilizează „selectiv” media în funcție de preferințele si opiniile preexistente începerii campaniei electorale [6, 185].

• Teoria despre *„agenda setting”* a media, dezvoltată de McComb si Shaw prin studiul campaniei electorale americane din 1972, conform căreia în decursul campaniilor electorale „programul” (agenda) dezbaterilor publice este fixat de media. Această teorie abordează interacțiunea dintre mass-media şi opinia publică, fără însă a lua în considerare conținutul propriu-zis al mesajelor. Ea este centrată pe rolul comunicatorilor în acțiunea şi procesul de mediatizare. S-a pornit de la ideea că influența mediatică nu înseamnă doar a spune oamenilor cum să voteze, ci este mai degrabă o influență asupra percepțiilor cetățenilor despre importanța pe care o au diferite probleme. Mai exact, ideea este că subiectele care se regăsesc în relatările mediatice ajung să fie considerate importante, şi astfel legătura dintre peisajul politic real şi obiectiv al subiectelor şi politicilor publice, pe de o parte, şi percepțiile oamenilor asupra acestui peisaj, pe de altă parte, depinde în mod fundamental de ceea ce este relatat în mass-media.

Erbring şi colaboratorii săi au avut o contribuție remarcabilă la dezvoltarea cercetărilor interesate de stabilirea agendei politice, prin încercarea sa de a demonstra existența unor „efecte mediatice condiționate de auditoriu şi care sunt înglobate într-un model al relevanței, specific pentru fiecare problemă” [7, 201]. Ei au arătat că percepțiile cetățenilor asupra problemelor naționale include o importantă componentă locală, explicată prin variația relatărilor din media. Chiar dacă luăm în considerare variabilitatea condițiilor locale, tratarea diverselor probleme de politică publică de către mass-media locale are un impact puternic asupra a ceea ce oamenii consideră ca fiind important. În acelaşi timp, autorii arată că receptivitatea față de agenda mass-media depinde de cei care primesc mesajele, de preocupările şi preferințele personale ale oamenilor. Această ultimă observație este deosebit de importantă pentru că vine în sprijinul unei tendințe noi din sociologia politică - interesul pentru intersecția dintre informația ofe-

rită de mediu şi preferinţele individuale ale cetăţenilor. În cazul comunicării sociale, cetăţenii încearcă să construiască patternuri de interacţiune socială care minimizează şansele lor de a fi expuşi unor mesaje politice dezagreabile, iar în alte situaţii, mesajele comunicate social sunt fie deghizate, fie percepute eronat pentru a exagera congruenţa acestora [2, 220].

• Teoria *„spiralei tăcerii"*, formulată de E.Noelle-Neumann [8, 21], conform căreia opinia publică se formează pe baza observării şi evaluării de către indivizi a mediului lor social, prin gruparea opiniilor în două categorii: opinie majoritară şi opinie minoritară. Această teorie susţine că, atunci când îşi exprimă opţiunea, oamenii încearcă să se identifice şi să se alinieze opiniei pe care o consideră majoritară, din temerea de a nu rămâne izolaţi de restul oamenilor şi de a nu fi respinşi social. În acest proces, mass-media constituie principalul element de referinţă în exprimarea şi distribuirea opiniilor. Media sunt concepute ca un fel de „martori" ai distribuirii„opiniilor legitime", fiind utilizate de indivizi ca indicatori selectivi pentru a determina cine este în drept să vorbească public (opinii legitime) şi cine trebuie să rămână tăcut. Comunicatorii (media) sunt cei care au puterea de a decide şi de a defini ceea ce este „important" şi „legitim" în judecarea diferitelor evenimente sau situaţii ale vieţii publice. Exilul în mijlocul oamenilor Poate nu vă aşteptaţi ca o teorie despre comportamentul electoral să surprindă fragilitatea umană.

La mijlocul anilor '60, cercetătoarea germană E.Noelle-Neumann a observat că, deşi intenţiile de vot sondate prin chestionare au rămas aproape neschimbate de-a lungul campaniei electorale, în ultimul moment s-a constatat ralierea unui procent mic de alegători, indecişi, de partea formaţiunii pe care ei o percep ca fiind votată de cei mai mulţi. Acest comportament (care a dus la interzicerea prezentarii sondajelor de opinie în preajma alegerilor) este considerat "vârful", manifestarea cea mai vizibilă a unui fenomen care a fost denumit "spirala tăcerii". Comportamentul electoral este exponenţial pentru ceea ce numim opinie publică: este public, are loc în cadrul unor dezbateri publice şi este poate singurul prilej al omului de a se exprima în privinţa problemele de stat. "Votul tău contează" este sloganul prin care sunt invitaţi cetăţenii la vot, deşi la o aritmetică sinceră adevărul este că "votul tău contează, deşi n-are nici o importanţă". Din fericire, oamenii nu suferă de luciditate. Nu raţiunea îl îndrumă la urne, ci mecanisme mult mai rafinate, care ţin de domeniul psihosociologiei: votul nu exprimă doar legătura dintre cetăţean şi clasa politică, cât mai ales relaţiile acestuia cu restul societăţii, cu semenii săi. Ne exprimăm convingerile în mijlocul oamenilor, ne alăturăm unor tabere, suntem ţinta influnţelor, părerile noastre politice sunt supuse aprobării sau criticii celorlalţi. Tocmai la această componentă psihosociologică se referă teoria spiralei tăcerii. Succint, cercetătoarea explică ralierea de partea taberei percepute ca învingătoare prin teama noastră de izolare. Oamenii sunt preocupaţi permanent de opiniile celorlalţi.

Receptarea unui anumit climat al opiniilor depinde de “semnele” (opiniile şi comportamentele exprimate în public) pe care indivizii le percep la cei din jur sau în mass-media. Atunci când nu sunt de acord cu majoritatea, oamenii preferă să tacă (inhibându-şi unele comportamente şi renunţând la convingerile proprii), în timp ce tabăra adversă îşi manifestă fără reţineri convingerile. Se creează în acest fel o spirală a tăcerii: cei din tabăra mai puternică tind să se exprime tot mai curajos, în timp ce tabăra aflată în minoritate se exilează tot mai mult în tăcere, astfel rezultând învingători şi învinşi. E.Noelle-Neumann consideră că teama de izolare stă la baza acestui fenomen: *„dacă are impresia că ceilalţi se îndepărtează de el, individul suferă atât de mult, încât din cauza acestei sensibilităţi poate fi condus cu uşurinţă, ca de un căpăstru”* [8, 25].

Cercetătoarea efectuează o incursiune în istoria conceptului de opinie publică, insistând pe funcţia ei de ”instanţă de judecată a comportamentelor”. *“Omul se scindează, după Rousseau, în două fiinţe, în acela care este el cu adevărat, conform naturii sale, şi într-altul care se formează sub jugul opiniei publice”*. Aşadar, omul nu este doar cel al propriilor gânduri, convingeri şi sentimente pe care ne place să ni-l închipuim, ci şi cel permanent deschis spre societate, expus capriciilor celorlalţi, având nevoie de simpatia şi afecţiunea lor şi, fireşte, se teme de oprobiu şi izolare. Vulnerabilitatea este condiţia socială a omului.

Autoarea îl aminteşte pe J.Locke cu a sa „lege a opiniei”, care (spre indignarea contemporanilor săi) sublinia că dintre cele trei legi care guvernau societatea timpului său (cea divină, cea civilă şi cea a opiniei) oamenii se tem cel mai mult de cea a reputaţiei, a opiniei. Pornind de la această concepţie asupra omului, Noelle-Neumann dă următoarea definiţie opiniei publice: *„acele opinii asupra unor teme controversate pe care le poţi exprima public fără a te izola”* (atunci când opinia publică este încă în faza controverselor, când doar se conturează tabăra învingătoare), respectiv *„în domeniul deja consolidat al tradiţiilor, al moravurilor, dar mai ales al normelor – de opinia publică ţin acele convingeri şi comportamente pe care* ***trebuie*** *să le exprimi sau să le adopţi public dacă nu vrei să te izolezi”*. Spirala tăcerii apare în faza de dezvoltare a unei opinii publice şi duce la crearea unei tabere câştigătoare (prin reducerea la tăcere a minorităţilor) şi apoi la apariţia unor norme [8, 47].

Observăm că, după definiţia autoarei, opinia publică nu mai este doar domeniul unor indivizi anume desemnaţi să critice, al “sferei publice cu implicaţii politice”; în ea suntem implicaţi cu toţii, iar puterea sa nu constă în funcţia intelectuală, ci în cea de autoritate morală, coercitivă. În continuare, E.Noelle-Neumann surprinde alte aspecte legate de acest concept, menţionându-l pe A. de Tocqueville, care se referă la “tirania opiniei publice” şi la condiţia de egalitate pe care o presupune ea în democraţie: *„Tocmai egalitatea care îl face independent pe fiecare dintre concetăţenii săi îl expune pe om, lipsit de apărare, influenţei marelui număr de oameni asemenea lui”*. Egalitatea, standardizarea, nivela-

rea stilurilor de viață, a aspirațiilor, a gusturilor, a accesului la informații, dar mai ales spectacolul acestei egalități şi nivelări oferă, pe de o parte, siguranță individului, dar pe de altă parte îl face să se simtă nediferențiat, lipsit de însemnătate sau trăind într-un ocean de ostilitate. Orice diminuare a alternativelor în a gândi, trăi şi a se exprima este o amenințare pentru societate şi democrație. Ce se întâmplă însă cu cei tăcuți? Este teama de izolare adevărata cauză care îi face pe oameni să „urmeze turma"? Autoarea dedică un capitol celor *„care sfidează opinia publică: eretici, avangardişti, outsideri"*. Citat de Noelle-Neumann, Rousseau face următoarea remarcă: *„Mi-e teamă că acea dragoste de neînvins pentru virtute, care îi dă puterea de a disprețui opinia publică, l-ar putea mâna spre cealaltă extremă, l-ar putea face să sfideze şi legile sfinte ale bunei cuviințe şi moralității"*.

Personalitatea poate înfrunta presiunile normative, în unele societăți (cum este cea a noastră) excesele şi originalitatea devenind chiar patologice, deoarece nu mai exprimă nimic, sunt doar o modă. *„Trebuie, nu-i aşa, să am dreptul de a mă realiza conform bolilor şi disperărilor mele. Am nevoie de libertate pentru a reflecta în public la mine însumi"* – sunt cuvintele unui regizor german controversat pentru un film, citat de autoare. Libertatea la care se referă regizorul este curajul de a se sustrage presiunii unor valori împărtăşite de o majoritate. Opinia publică este şi o fascinație pentru mulți, iar „a reflecta în public la mine însumi", ce poate fi mai măgulitor pentru un individ?

Dincolo de personalitate, se poate vorbi şi despre o cultură a nonconformismului specifică fiecărei societăți. De pildă, psihosociologul american S.Milgram (recunoscut pentru cercetarile sale privind obediența) a demonstrat că norvegienii sunt mai conformişti decât francezii (Franța promovând o cultură a controversei, pe când Norvegia una a integrării), aşadar se poate vorbi despre societăți mai tolerante decât altele. Americanii au chiar o cultură a nonconformismului (în idei, cercetari, literatură, muzică), spre deosebire de noi, românii, care avem mai mult o cultură a conformismului. Experimentele autoarei nu au edificat în privința temerilor de izolare ale celor care nu respectă opinia publică. În urma cercetărilor s-a demonstrat că oamenii tind să evite implicarea într-o controversă cu adversari majoritari numeric dispuşi să-şi exprime fățiş punctul de vedere sau că le este teamă de sancțiuni când sunt în conflict cu o majoritate activă. Teama de izolare este dificil de operaționalizat [8, 65].

Totuşi, cercetările au relevat sensibilitatea oamenilor la părerile celorlalți. In spațiul românesc V.Pavelcu (1900-1991) a demonstrat că emoțiile noastre au un fundament social, deşi obişnuim să le consideram ceva intim, personal. E.Noelle-Neumann a amintit, referindu-se la o studentă, că se simțea ruşinată purtând insigna unui partid care nu avea susținători majoritari. Ruşinea (pe care V.Pavelcu a definit-o ca sentiment vizând o presiune a societății asupra individului, fără ca acesta să se considere responsabil, vinovat) joacă un rol important în „tă-

cerea” celor aflați în minoritate, dar nu explică ralierea de partea majoritătii [8, 95]. Teama de izolare pare mai plauzibilă, potrivit autoarei: *„Cei care se simt izolați în relațiile cu ceilalți – şi care pot fi recunoscuți după răspunsul <> – sunt cei susceptibili să ia parte la acest last minute swing, lucru constatat în 1972 prin chestionarea repetată a aceloraşi persoane înainte şi după alegeri. Cei care o slabă încredere în sine şi un interes redus pentru politică au participat în mai mare măsură la balansul de ultim moment”*.

Pentru cei „tăcuți” nu există însă soluții în afara societății. Condiția avangardiştilor, eroilor, ciudaților – cei care sfidează opinia publică – este şi ea una ciudată, deoarece nu se pot ascunde de ceilalți. Ei trebuie să trăiască într-un fel în lume, iar condiția lor se aseamănă atunci cu un exil în mijlocul oamenilor.

• Cercetarea lui Th.Patterson efectuată cu ocazia alegerilor din Statele Unite din 1976, cercetare al cărei punct de pornire 1-a reprezentat testarea ipotezei conform căreia „o campanie electorală există doar ca un construct al media” [9, 9], cu alte cuvinte una din ipotezele constitutive ale teoriei „agenda setting”. Pentru a verifica această presupoziție, Patterson a utilizat două tipuri de metode sociologice: *a*. o analiză de conținut a „acoperirii” de către media a alegerilor şi *b*. o cercetare longitudinală bazată pe un studiu panel, realizată pe un eşantion alcătuit din 1236 de votanți. Prin această a doua metodă folosită, el a reuşit să evidențieze, spre deosebire de studiile transversale, „cât” din schimbarea în gândirea oamenilor se datorează campaniei electorale.

• Studiul-panel realizat de J.G.Blumler [10, 86] asupra comportamentului electoral al tinerilor care votează pentru prima dată, întreprins în perioada 1970-1974. Importanța acestui studiu rezidă în încercarea de a identifica, printr-o analiză longitudinală, factorii care determină schimbările reale în intențiile de vot. Printre cei mai importanți factori menționați de Blumler amintim:

a. Intensitatea discuțiilor interpersonale despre campanie (probabilitatea de vot creşte direct proporțional cu frecvența discuțiilor interpersonale);

b. frecvența citirii presei scrise (lectura unor publicații în care sunt exprimate opinii opuse celor împărtăşite de subiect duce la o diminuare a probabilității de vot);

c. intensitatea şi tipul de apreciere (pozitivă sau negativă) asupra desfăşurării campaniei electorale (o apreciere pozitivă a campaniei determină o creştere a probabilității de vot).

• Cercetarea-panel „American National Election”, a cărei ipoteză de plecare a fost aceea că votanții care au sprijinit un candidat la începutul campaniei electorale îşi vor menține opțiunea de vot pe tot parcursul acesteia, până la alegeri. Rezultatele au demonstrat că opțiunile politice anterioare începutului campaniei electorale stau la baza deciziei finale de vot, iar campania nu determină o schimbare în opțiunea şi actul de vot, ci „întăreşte” hotărârile deja existente [11, 18]. Acestea sunt, desigur, numai câteva din teoriile şi studiile consacrate rolu-

lui şi efectelor comunicării asupra opiniilor politice şi a comportamentului de vot.

O concluzie a acestor teorii amintite aici - pe care le-am considerat a fi cele mai relevante pentru obiectivul lucrării mele - poate fi formulată astfel: cea mai mare parte a corpusului lucrărilor dedicate procesului comunicării o reprezintă analiza efectelor comunicării de masă, care încearcă să surprindă modalităţile prin care mass-media (şi comunicarea, în general) pot fi folosite pentru a „pre-determina" comportamentul oamenilor expuşi la un anume tip de mesaje. De asemenea, o observaţie importantă care poate fi făcută este aceea că dimensiunea temporală este un factor determinant care trebuie luat în considerare atunci când sunt studiate efectele comunicării [4, 303].

Opiniile şi atitudinile sunt stări *conştientizate* ale subiectului, aşa încât, ele există simultan cu momentul conştientizării, adică *în prezent*. Prezentul este propriu fiecăruia, nu există nici o cale de acces din afară la prezentul cuiva, de aceea, prezentul nu poate fi cunoscut decât de cel care îl trăieşte. Prin urmare, este imposibil ca altcineva să poată cunoaşte opiniile şi atitudinile celorlalţi. De aceea, pretenţia psihologului de a cunoaşte stările proprii ale altuia nu are nici un temei. Oricâte teste ar imagina psihologul, indiferent cât de amănunţit ar investiga starea în care se află subiectul, ar fi imposibil să cunoască opiniile şi atitudinile celuilalt [12, 68]. Aşa-numitele anchete sau sondaje de opinie nu ne oferă cunoaşterea opiniilor şi atitudinilor, ci numai a repartiţiei răspunsurilor la anumite întrebări. Subiecţii au libertatea de a da orice răspunsuri, aşa încât, nu există temei pentru pretenţia de cunoaştere în acest caz. Din aceea că opiniile nu pot fi cunoscute cu certitudine din exterior, rezultă că ele nu sunt constrânse de fapte din trecut. Dacă ar fi determinate de trecut, opiniile ar fi *necesare*, deoarece trecutul nu poate fi schimbat. De aceea, prin cunoaşterea trecutului, am putea cunoaşte cu *certitudine*, în mod *justificat*, opiniile cuiva la un moment dat, ar însemna că avem acces la prezentul acestuia, ceea ce este imposibil. Urmează că opiniile se formează pe deplin *liber* adică, în orice moment, orice subiect poate avea orice opinie cu privire la valoarea unei propoziţii.

Nu există nici un mijloc prin care cineva ar putea să-i restrângă libertatea de opinie [13, 98]. Astfel, trebuie să acceptăm *teza lui Sartre* conform căreia omul este condamnat la libertate, în orice moment el trebuie să aleagă între mai multe variante, deoarece nimic exterior *nu poate limita aceste alegeri*. De fapt, efectele comunicării pot fi explicate numai sub această teză; prin transmiterea de mesaje, emitentul dă subiectului mijloace de decizie sau mijloace de selecţie între variantele care i se înfăţişează, nicidecum nu *reduce aceste variante*. Varietatea nu poate fi redusă fără a încălca *principiul conservării informaţiei* [14, 21].

Alegerile parlamentare din 2009 rămîn a fi considerate drept alegeri de importanţă majoră pentru consolidarea şi dezvoltarea democraţiei moldoveneşti şi au fost condiţionate de un proces electoral transparent şi corect. Asigurarea res-

pectării drepturilor politice ale cetățenilor şi egalitatea de şanse pentru toți concurenți electorali, în alegerile parlamentare din 2009 începe de la calitatea legislației electorale, care trebuie să se încadreze în standardele internaționale şi să corespundă principiilor şi bunelor practici în materie electorală. Legislația electorală a Republicii Moldova are un şir de carențe la acest capitol, care au fost scoase în evidență de experți [15] şi organizații internaționale şi naționale, specializați în materie electorală. Deficiențele legislative vizează în principal sistemul electoral, organele şi procedurile electorale, care pot fi considerate drept factori decisivi în determinarea rezultatelor scrutinului. Astfel, operarea modificărilor cu care s-a intervenit în Codul electoral în anii 2007 şi 2008, au adus atingere sistemului electoral şi creează impresia că drepturile electorale sunt doar un instrument cu care operează guvernarea, iar votul alegătorului nu mai este elementul esențial care decide rezultatul scrutinului [16, 63-65]. Stabilitatea dreptului este un element important al credibilității procesului electoral şi este esențială pentru consolidarea democrației.

Prin urmare, modificarea frecventă a normelor sau caracterul lor complex pot dezorienta alegătorul. Alegătorul poate conchide, în mod corect sau incorect, că dreptul electoral este doar un instrument cu care operează cei care sunt la putere şi că votul alegătorului nu mai este elementul esențial care decide rezultatul scrutinului. Necesitatea de a garanta stabilitatea nu priveste, în practică, atât principiile fundamendale a căror contestare formala este greu de imaginat, cît cea a unor reguli mai precise ale dreptului electoral, în special a celor care reglementează sistemul electoral propriu-zis, componența comisiilor electorale şi constituirea teritorială a circumscripțiilor. Aceste trei elemente sunt frecvent – în mod corect sau incorect – considerate a fi factori decisivi în determinarea rezultatelor scrutinului. De aceea, trebuie evitate nu numai manipulările în favoarea partidului la putere, ci chiar tentativele de manipulare. Ceea ce trebuie evitat, este nu atât modificarea sistemelor de scrutin - ele pot fi întotdeauna îmbunătățite – ci modificarea lor frecventă sau cu puțin timp (mai puțin de un an) înainte de alegeri. Chiar în absența unei intenții de manipulare, modificările vor fi dictate de interesele iminente ale partidului politic" continuă să pună la îndoială sinceritatea majorității parlamentare de a organiza alegeri libere şi corecte.

Instituțiile media neafiliate politic, membre ale Asociației Presei Independente (API), îşi declară31 angajamentul de a reflecta desfăşurarea campaniei electorale nepărtinitor şi echidistant. Membrii API subscriu Cartei Alegerilor Libere şi Corecte, elaborată de Coaliția Civică pentru Alegeri Libere şi Corecte „Coaliția-2009" şi îndeamnă toate instituțiile mass-media din Republica Moldova să facă acelaşi lucru. *Consiliul Coordonator al Audiovizualului a lansat proiectul Concepției reflectării campaniei electorale pentru alegerile parlamentare de către instituțiile audiovizualului din Republica Moldova* CCA a lansat proiectul Concepției reflectării campaniei electorale pentru alegerile parlamentare de căt-

re instituțiile audiovizualului din Republica Moldova care urmează să instituie reglementări privind reflectarea prin intermediul instituțiilor audiovizualului în perioada electorală a campaniilor electorale ale concurenților electorali, elaborarea şi difuzarea programelor şi buletinelor de ştiri, modalitatea plasării publicității electorale etc. Activitatea instituțiilor media nu asigură diversitatea de opinii şi este grav periclitată de tendințe părtinitoare şi învinuiri reciproce, fapt ce nu se încadrează în cadrul legal stabilit de Codul audiovizualului. Lipsa unei informări corecte cu respectarea pluralismului de opinii, deformează opinia publică şi lipsesc cetățenii de dreptul de a avea acces liber la o informație veridică şi corectă. O astfel de situație conduce la subminarea întregului proces electoral şi poate influența rezultatele alegerilor, fapt ce face să punem la îndoială corectitudinea organizării alegerilor.

Dacă analizăm acțiunea mass-mediei înainte de referendumul din 5 septembrie atunci concluzionăm că deşi audiența dezbaterilor finale a fost foarte mare şi a cuprins segmente cât se poate de variate impactul în sensul schimbării intenției de vot sau a cooptării de nehotărâți pare să nu fi fost cel intenționat sau proiectat de consultanții politici care au antrenat candidații pentru confruntare. Contextul social şi politic din Republica Moldova pare să fie vulnerabil şi afectat de violență simbolică şi incertitudine, încât distorsionarea mesajelor este extrem de intensă. Suspiciunea şi neîncrederea generală fac ca receptarea actorilor politici, a mesajelor şi chiar a cadrelor de manifestare să se facă printr-un filtru dens care negativizează orice acțiune încă din pragul intenției, prin denaturarea conținutului şi a scopurilor. Intențiile de vot sunt determinate de elemente concertate şi contextuale care par să fie mai curând legate de emoționalul colectiv, şi mai puțin de nivelul manifest al acțiunii politice şi comunicaționale.

Bibliografie:

1. Lazarsfeld P.F. et all. The People's Choice. - New York, Columbia University Press, 1944.
2. Carmines E.G., Huckfeldt R. Comportamentul politic: o perspectivă de ansamblu. // Manual de ştiință politică. - Iaşi, Editura Polirom, 2005, pp.205-231.
3. Fiske J. Introducere în ştiințele comunicării. - Iaşi, Polirom, 2003.
4. Ştefănescu S. Mutații în structura electoratului românesc. Profiluri şi tipologii în anul electoral 1996. // Revista Română de Sociologie, 1997, nr.3-4, pp.295-318.
5. Fisher B.A. Perspectives on Human Communication. - New York, Macmillan, 1978.
6. Negrine R. Politics and the Mass Media in Britain. - London, Routledge Publications, 1991.

7. Erbring L., Goldenberg E.N., Miller A.H. Front-page news and real-world cues: a new look at agenda setting by the media. // American Journal of Political Science, 1980, nr.24, pp.16-49.
8. Noelle-Neuwmann E. The Spiral of Silence: Public Opinion - Our social skin. - Chicago, University of Chicago Press, 1984.
9. Patterson Th.A. The Mass Media Election. - New York, Praeger Publications, 1980.
10. Blumler J.G. Political Communication and the Young Voter, 1970-1974, E.S.R.C. Data Archive.
11. Finkel S.E. Causal Analysis with Panel Data. - London & New York, Sage Publications, 1995.
12. Flichy P. O istorie a comunicării moderne. - Iaşi, Polirom, 1999.
13. Hickson M. Nonverbal Communication. - Boston, C.Brown Company Publ., 1985.
14. Lohisse J. Comunicarea. - Iaşi, Polirom, 2002.
15. Boțan I., Creangă I., Gurin C. Contextul preelectoral. Cadrul legislativ şi contextul electoral din Republica Moldova în preajma alegerilor parlamentare din 2009. - Chişinău, Editura Bons Offices, 2008.
16. Codul bunelor practici în materie electorală. Linii directoare şi Raport explicativ, aprobat de Comisia de la Veneția, 18-19 octombrie 2002. CDL-AD (2002)23rev." pp.63-65.

Prezentat la redactie
la 24 septembrie 2010

Recenzent – **Aurelia PERU-BAL:AN**, doctor in stiinte politice, conferentiar

ATITUDINEA ETNIILOR MINORITARE DIN REPUBLICA MOLDOVA FAȚĂ DE PRINCIPALELE INSTITUȚII ALE PUTERII DE STAT

Lilia GRIBINEȚ
Republica Moldova, Chişinău, Academia de Ştiințe a Moldovei, Institutul Integrare Europeană şi Științe Politice, Secția Politologie
Doctorand

Par leur activite, les institution de pouvoir d'etat conditionnes l'attitude de societe par rapport a celles. Les ethnies minoritaires representes un composant important de societe et leur confiances dans cettes institutions peut-etre changee, fait conditionne d'enterpretation differente par les minorites respectives a certaines actions, effectuees par les institutions visees.

Cet fait est visible dans la Republique de Moldova, les minorites ethniques (les ukrainiens, russes, gagauses? et bulgares) en avent des vues diverses concernant l'activite de Parlement, Presidence, Gouvernement et partis politiques. Mais les vues respectives souvent coincides, evidents, en etent les memes criteres d'apreciations de l'activites efectuees par les institutions enumerees.

Apres l'elections de 29 juillet 2009, le changement de pouvoire a eu un rol primordial dans la grandeur / diminution de la confiance des ethnies minoritaires dans les principales institutions de pouvoire d'etat, preuve eloquente en etent le pourcentaje inclus dans le Barometre d'Opinion Publique de 2005 et 2009, le pouvoire politique de 2009 en etent deja diferent (democratique). Cette situation decrie eloquemment le changement de mentalite de la population en generale.Les opinions des ethnies minoritaires sont tres importantes, la representation de cet fait en etent le but de cet travail.

Într-o societate dezvoltată cetățenii nu se află des în contact direct cu statul şi cu organele sale de conducere, relațiile cu acestea întreținîndu-se doar prin reprezentanții lor, pe cînd în cele mai puțin democratice situața este contrară. Astfel, în primul caz este specifică supremația societății civile asupra statului, iar în cel de-al doilea caz statul este superior, societățile totalitare fiind în acest sens un exemplu elocvent.

Referitor la starea, locul şi rolul societății civile în Republica Moldova, putem constata că aceasta evoluează destul de lent, iar unele din componentele sale (formațiuni social-politice, asociații obşteşti şi alte organizații neguvernamentale şi necomerciale, întreprinderi de stat şi private etc.) sunt instabile, inactive, blocate, ceia ce favorizează predominarea instituțiilor de stat asupra acestei entități.

Republica Moldova face parte din categoria țărilor în care accentul este pus mai mult pe stat decît pe societata civilă, cetățenii fiind ferm convinşi de necesitatea unui stat puternic centralizat [1, 184]. Cu toate că odată cu proclamarea independenței Republicii Moldova s-a extins activitatea societății civile, s-au schimbat structura, formele şi metodele de funcționare a organelor obşteşti, oferta de serficii sociale, protecția şi reprezentarea intereselor cetățenilor, a drepturilor omului, totuşi societatea continuă să încredințeze şi să solicite instituțiilor puterii de stat rezolvarea tuturor problemelor. Astfel este evidentă capacitatea redusă a organizațiilor neguvernamentale de a veni cu anumite soluții proprii de ameliorare a situațiilor dificile, de apărare a intereselor vitale şi de influențare efectivă a procesului decizional la nivelul organelor de stat în favoarea societății.

Atitudinea societății moldoveneşti față de instituțiile puterii de stat depinde şi de componența etnică a populației, opinia principalelor etnii minoritare (ucrainenii, ruşii, găgăuzii şi bulgarii) față de instituțiile respective fiind diferită. Faptul dat este condiționat, pe de o parte, de ideologia, programele acestor instituții, iar pe de altă parte, de interesele şi aspirațiile minorităților etnice concrete. Nivelul încrederii este diferit şi în diverse perioade de timp, ceia ce depinde de schimbarea puterii, adoptarea unor noi legi şi modificarea altora, deciziile adoptate la momentul respectiv în stare să sporească sau să diminueze nivelul protecției drepturilor etniilor minoritare. Comparația este mijlocul prin care putem determina analogia şi diferența situației în domeniu în diverse perioade de timp. În cazul dat sunt luați spre examinare anii 2005 şi 2009, ani în care au avut loc alegeri parlamentare – 6 martie, respectiv 29 iulie, cele din urmă ducînd la schimbarea puterii în stat. Faptul dat, şi nu numai, poate contribui la modificarea atitudinii principalelor etnii minoritare din țară față de instituțiile puterii de stat: Preşedenție, Guvern, Parlament, Justiție, armată, primărie, partide politice, bănci şi poliție. În acest mod instituțiile date pot avea o altă forță de impunere în fața întregii societăți, datele sondajelor de opinie argumentînd acest fapt.

În acest studiu vor fi examinate principalele instituții ale puterii de stat - Preşedenția, Parlamentul, Guvernul, Justiția şi partidele politice. Astfel, în ordine descendentă, în 2005 încrederea societății în Preşedenție era cea mai înaltă, procentajul acesteia în preşedintele țării – V.Voronin fiind în proporție de 43,4%. În 2009 situația este însă contrară odată cu schimbarea conducerii şi intrarea în funcție a preşedintelui interimar M.Ghimpu, Partidul Comuniştilor aflîndu-se deja în opoziție. Contradicția constă în încrederea mult mai mică a electoratului în preşedinte, după datele Barometrul de Opinie Publică din noiembrie 2009, acesta fiind plasat pe ultimul loc (35%). Dar în ambele cazuri procentajul neîncrederii este mai mare: V.Voronin – 53,6%, M.Ghimpu – 44,5%.

Referitor la încrederea minorităților etnice în preşedinte, ucrainenii, în comparație cu celelalte etnii minoritare, sunt cei mai încrezuți în ambele perioade de

timp analizate: 56,5%, respectiv 28,2%, cu toate că procentajul încrederii s-a micşorat practic în jumătate. Situaţia e similară şi în cazul ruşilor, încrederea lor s-a redus însă mai mult: de la 50% în 2005, la 19,3% în 2009. Starea de lucruri nu diferă nici la găgăuzi şi bulgari – dacă în 2005 ei credeau în preşedinte în proporţie de 41%, în 2009 au devenit mult mai rezervaţi – 18,2%.

O explicaţie a diferenţei prea mari între datele expuse constă în faptul că în 2005 şi 2009 preşedintele ţării este reprezentat de persoane diferite, şi ideologia acestora diferenţiind-se (cu toate că comuniştii erau calificaţi în ultimul timp ca ,,comunişti democraţi"). În plus, vizibilă este nostalgia după fosta Uniune Sovietică, aceasta şi fiind cauza obţinerii puterii de către Partidul Comuniştilor în 2001, ca şi, de fapt, piederea încrederii în democraţi de către etnia majoritară. Forţă de impunere au avut minorităţile slave în speranţa că revenirea comuniştilor la putere va fi o favoare pentru acestea din toate punctele de vedere, ca în timpul URSS, şi odată se ex-preşedintele V.Voronin era predispus să pună în practică unele din aceste favoruri incluse în planul de acţiuni al partidului (calificarea limbii ruse ca a doua limbă de stat şi introducerea ei ca disciplină de studiu oblicatorie în şcoli, oferirea unor avantaje instituţiilor de învăţămînt cu predare în limba rusă etc.), minorităţile etnice aveau în acesta o încredere destul de mare.

În cazul actualului Preşedinte al ţării, suficientă este aflarea Partidului Comuniştilor în opoziţie pentru a explica încrederea mult mai redusă a minorităţilor, însuşi calificativul ,,conducere democrată" echivalînd pentru acestea cu ignorarea lor, ceia ce, de fapt, contravine ideologiei democratice.

În concordanţă cu cele menţionate se află încrederea etniei majoritare în preşedinte, care, în 2005, în comparaţie cu cea a minorităţilor etnice, era practic cea mai redusă (41,5%), iar în 2009 – cea mai mare (37,5%). De aici se subînţelege că democraţii au revenit la putere mai mult datorită moldovenilor, care au încetat să fie atît de încrezuţi în comunişti ca în 2001.

În ambele perioade de timp examinate şi Guvernul se bucură de o încredere ascendentă – 37,9%, respectiv 44,4%, avansînd cu o treaptă, cu toate că şi în cazul său neîncrederea este mai mare – 58,4% în 2005 şi 46,6% în 2009. Însă face de menţionat că procentajul încrederii s-a mărit, ca şi în cazul preşedintelui, doar datorită etniei majoritare, care devine mai încrezută, pe cînd minorităţile etnice din contra – mai rezervate.

Minoritatea ucraineană şi în cazul de faţă, în ambele perioade de timp examinate, în comparaţie cu ruşii, găgăuzii şi bulgarii, şi în Guvern crede mai mult, cu toate că procentajul respectiv e în descreştere – de la 49,2%, la 34,1%. Ea este urmată de către ruşi (30,6%), încrederea cărora nu constituie o excepţie, fiind în scădere cu 14,4%. Aceiaşi situaţie e şi în cazul găgăuzilor şi bulgarilor – dacă în 2005 ei credeau în puterea executivă în proporţie de 34,3%, în 2009 au devenit mai rezervaţi – 27,2%.

Încrederea ascendentă a moldovenilor şi descendentă a minorităţilor se explică prin aceiaşi reluarea a puterii de către democraţi. Etniile minoritare, care îi susţineau în mare parte pe comunişti, credeau destul de mult în Guvern odată ce acesta se afla la discreţia fostului partid de guvernămînt şi a ex-preşedintelui ţării. Mai puţină importanţă avea faptul că autorităţile dădeau dovadă de lipsă de transparenţă şi se limitau la invocarea unor motive generale şi fără prezentarea anumitor detalii în baza cărora opoziţia şi societatea civilă ar putea verifica dacă măsurile de răspundere ministerială corespund acţiunilor comise. Limitarea răspunderii Guvernului şi restrîngerea şanselor opoziţiei în realizarea funcţiilor de control asupra procesului de guvernare contribuie astfel la proasta gestionare a afacerilor publice. Faptul dat a fost înţeles de către etnia majoritară şi odată ce ideologia democrată include transparenţa acţiunilor instituţiilor puterii de stat, încrederea acesteia în Guvern e în ascendenţă. Însă minorităţile etnice în mare parte încă nu conştientizează cele menţionate, prioritatea Partidului Comuniştilor în preferinţele acestora explicînd micşorarea încrederii în actuala putere executivă.

Cu toate că Parlamentul reprezintă una din principalele instituţii ale puterii de stat, încrederea societăţii în acesta este mai mică decît în Guvern atît în 2005 (34,4%), cît şi în 2009 (41,3%), chiar dacă ea se află în creştere (în Barometrul de Opinie Publică din 2005 puterea legislativă se afla pe al treilea loc, iar în cel din 2009 – pe al doilea). Şi în cazul acestuia neîncrederea este mai mare, dar în 2009 ea este mai redusă cu 12% (49,5%).

Şi în puterea legislativă ucrainenii reprezintă cea mai încrezută etnie minoritară în ambele perioade abordate: 45,2%, respectiv 30,8%. Ruşii, în proporţie de 28,3%, iar dau dovadă de mai puţină încredere în comparaţie cu anul 2005 – 41,7%. Deosebire nu e nici în cazul găgăuzilor şi bulgarilor, încrederea lor în Parlament reducîndu-se de la 30,5%, la 24,3%. Astfel, ca şi în cazul puterii executive, ascensiunea încrederii se datorează etniei majoritare, în 2009 aceasta crescînd pînă la limita de 44%.

Cauza este aceiaşi schimbare a puterii. Ca organ suprem reprezentativ al poporului, Parlamentul are şi funcţia de supraveghere a modului de realizare a politicilor statului. În cazul Republicii Moldova controlul parlamentar s-a manifestat ca un mijloc deficient, limitat în utilizare privind perfecţionarea implementării politicilor de stat şi promovării reformelor democratice. În timpul conducerii comuniste instituţia controlului parlamentar şi-a format imaginea unei instituţii profund marcate de interesele politice ale fracţiunii majoritare. Astfel, dimensiunea redusă a controlului respectiv a creat impresia în rîndul minorităţilor că autoritatea abilitată şi în drept să aplice sancţiuni la adresa Guvernului o posedă numai Preşedintele ţării (atunci V.Voronin). Faptul dat, odată ce actualul partid aflat în opoziţie în mare parte era susţinut de către etniile minoritare, a fost suficient pentru ca acestea să aibă o încredere destul de mare în Legislativ, indife-

rent de faptul că nu erau clare criteriile după care se aplica controlul, acesta în genere fiind blocat de către fracţiunea majoritară [2].

Însă, odată cu schimbarea puterii în 2009, s-a schimbat şi atitudinea minorităţilor etnice faţă de Parlament, aceasta fiind mult mai rezervată. O dovadă constă răspunsurile lor la întrebarea ,,Dacă duminica viitoare s-ar organiza alegeri pentru Parlamentul Republicii Moldova, cu ce partid aţi intenţiona să votaţi?”, acestea practic fiind unanime atît în Barometrul de Opinie Publică din 2005, cît şi în cel din 2009. Astfel, Partidul Comuniştilor deţine prioritate, cu toate că deja în limită mai redusă – 53,4%, respectiv 38,9%, etniile minoritare optînd cel mai mult pentru acesta, iar moldovenii – cel mai puţin.

După nivelul încrederii, următoarea instituţie a puterii de stat este Justiţia, care, în 2009 se bucură de o încredere mai mare din partea societăţii cu 5,3% (36,9%), ridicîndu-se cu o treaptă mai sus, cu toate că şi în cazul său neîncrederea este mai mare: 59,5%, respectiv 51%. Însă ascendenţa respectivă se datorează iarăşi etniei majoritare, încrederea căreia s-a ridicat de la 30,6%, la 39,3% şi cu toate că s-au înregistrat unele evoluţii pozitive în domeniu (crearea Departamentului de administrare judecătorească; implementarea Programului comun al CE privind sporirea independenţei, transparenţei şi eficienţei justiţiei; aprobarea Codului de etică a judecătorilor etc.) [3, 82-84], încrederea etniilor minoritare în sistemul judecătoresc s-a redus. Astfel, dacă în 2005, ruşii, în comparaţie cu ucrainenii, găgăuzii şi bulgarii, credeau cel mai mult în justiţie – 36,7%, în 2009, în proporţie de 28,8%, ei devin mai puţin creduli. Aici găgăuzii şi bulgarii deţineau locul secund, care, în 2005, faţă de sistemul judiciar nu erau cei mai pasivi ca în cazul celorlalte instituţii (34,4%). Dar în 2009 situaţia devine contrară – încrederea lor e în scădere cu 13,8%, ei devenind iar cei mai reţinuţi. Referitor la minoritatea etnică ucraineană, încrederea acesteia în Justiţie era cea mai redusă în 2005 (29,8%), dar în 2009 ei sunt mai activi, urmîndu-i pe ruşi (26,6%), în ciuda faptului că faţă de perioada precedentă procentajul este mai mic. Aici vizibilă este stabilitatea ruşilor privind cea mai înaltă încredere în Justiţie, cu toate că aceasta e în scădere, precum şi încrederea mai mare a găgăuzilor şi bulgarilor, cu toate că pe o perioadă scurtă de timp şi faptul că ucrainenii se dovedesc deja mai reticenţi.

Şi în acest caz motivul micşorării încrederii minorităţilor etnice în Justiţie îl constituie schimbarea puterii. Pentru acestea puţină importanţă avea subminarea independenţei politice şi responsabilităţii publice ale organelor judiciare şi procuraturii după anul 2001, Partidul Comuniştilor preluînd controlul asupra acestora şi folosind sistemul judecătoresc în scopuri personale. Aceasta denotă influenţa obiceiurilor sovietice de ,,aliniere socială” şi ,,disciplină politică” [4, 15] în mentalitatea şi comportamentul minorităţilor vizate. Moldovenii au conştientizat însă influenţa negativă a precedentei politici asupra puterii judecătoreşti, acum ei fiind mai încrezuţi în Justiţie odată ce de jure şi de facto nu mai domină frica

de Executiv, nu este imposibil de cîştigat un dosar în instanță împotriva voinței Guvernului, nu se fac procese şi dosare la comandă, nu se aplică sentințe nemotivate etc. [5], acestea fiind unele criterii ale acțiunii în domeniu incluse în ideologia actualei conduceri democratice.

Partidele politice constituie următoarele instituții ale puterii de stat în care societatea civilă are încredere, ele în ambele perioade plasîndu-se pe ultimul loc – 20,4% în 2005, 29,4% în 2009. Încrederea în acestea astfel se dovedeşte a fi mai redusă şi decît cea în primărie (56,1%), armată (53,9%), bănci (38,8%) şi poliție (37,5%) [6]. Cu toate că electoratul crede deja mai mult în aceste instituții, neîncrederea la fel se dovedeşte a fi mai mare. Aceasta însă se află în descreştere – de la 70,8%, la 58,6%.

Dacă în 2005 ucrainenii credeau cel mai mult în partide (26,6%), peste patru ani ei devin mai puțin creduli (24,5%), întîietatea fiind preluată de către găgăuzi şi bulgari (27,6%), din partea cărora partidele politice în 2005 aveau cea mai mică încredere – 22,9%. Contrară e situația etniei ruse – dacă anterior încrederea ei în partide era mai mică decît a ucrainenilor şi mai mare decît a găgăuzilor şi bulgarilor (23,3%), în 2009 ruşii devin cei mai rezervați – 22,2%.

În acest top al încrederii minorităților etnice din Republica Moldova în instituțiile puterii de stat, plasarea partidelor politice pe ultimul loc se explică prin lupta dură între acestea în scopul cuceririi puterii, precum şi ignorarea în mare parte a promisiunilor făcute în timpul campaniei electorale odată cu obținerea acesteia.

În ceia ce ține încrederea minorităților etnice în partide concrete, Partidul Comuniştilor continuă să fie prioritar, avînd un avantaj evident în regiunile locuite compact de acestea – Unitatea teritorial-administrativă Găgăuzia şi raionul Taraclia. Aici s-au înregistrat cote maxime: 80,7%, respectiv 77,8%. Dar procentajul voturilor acordate de alegători partidului dat în alegerile din 29 iulie 2009 a scăzut față de cel înregistrat în alegerile din aprilie, practic în fiecare raion partidul pierzînd din electorat, cu excepția regiunilor menționate. În celelalte raioane locuite preponderent de moldoveni, ruşi şi ucraineni, prioritatea Partidului Comuniştilor se află într-o continuă scădere în favoarea opoziției [7]. La ultimile alegeri partidul dat a mai obținut în jur de 10% în localitățile dominate de minorități, însă a pierdut practic în aceiaşi limintă în satele locuite de etnia majoritară. Astfel partidul menționat devine tot mai impopular printre moldoveni şi riscă să se transforme într-un ,,partid al minorităților” [7]. Dacă în 2005 atît moldovenii, cît şi etniile minoritare votau pentru acest partid în proporție de 50%, atunci în aprilie 2009 raportul a devenit 70% / 47%, pentru ca în iulie să ajungă la aproximativ 80% / 38% [7]. Deci, evidentă devine diferența crescîndă de opinii între moldoveni şi minorități asupra acestui partid, etnia majoritară fiind cea care în limita cea mai mare pledează pentru partidele de dreapta. Astfel cele din

urmă obțin teritoriu în lupta pentru putere, dar numai prin aliere, Partidul Comuniştilor continuînd să fie prioritar, însă numai pentru minoritățile etnice.

După cele expuse, ca concluzie putem califica fenomenul schimbării conducerii în țară ca factor decisiv în modificarea concomitentă şi a atitudinii societății civile față de principalele instituții ale puterii de stat. Evidentă este primordialitatea încrederii populației în calificarea instituțiilor respective ca fiind apte să contribuie în mod cert în evoluția ascendentă a statului. Faptul dat condiționează obțiderea încrederii de către aceste instituții din partea societății. Însă, odată ce orientările politice ale acesteia sunt diferite datorită factorului etnic, şi atitudinile față de acestea diferă. Astfel, odată cu schimbarea puterii în stat, şi încrederea minorităților etnice în Preşedenție, Parlament, Guvern şi partide politice a suferit schimbări primordiale, şi anume: principalele etnii minoritare din țară (ucrainenii, ruşii, găgăuzii şi bulgarii) cred mult mai puțin în instituțiile menționate şi cu toate că neîncrederea în acestea este mai mare, ea treptat se reduce. Faptul dat mai evident este în cazul moldovenilor. Ca urmare, în comparație cu minoritățile etnice, atitudinea lor față de aceste instituții este contrară – majorarea încrederii odată cu preluarea puterii de către democrați.

De aici rezultă supremația mentalității sovietice în prim plan în rîndul etniilor minoritare şi ,,redemocratizarea" orientărilor politice ale moldovenilor. Aceasta oferă putere actualei conduceri, cu toate că şi opoziția posedă forță de impunere, ceia ce constituie, de fapt, un punct forte al ideologiei democratice.

Bibliografie

1. Fruntaşu P. Sistemele politice contemporane. - Chişinău, USM, 2001.
2. Comuniştii resping ancheta parlamentară a implicațiilor în traficul de droguri. (http://www.e-democracy.md/parties/docs/amn/200804101)
3. Grosu V., Guzun I., Şalvir M. 100 cele mai presante probleme ale Republicii Moldova în 2008. – Chişinău, Institutul pentru dezvoltare şi Inițiative Sociale (IDIS) ,,Viitorul", 2008.
4. Prohnițchi V., Oprunenco A. Moldova 2009: Raport de stare a țării. – Chişinău, ,,Bons Offices" SRL, 2010.
5. Avădani I., Cândea Ş., Chiriac M. Moldova la răscruce. (http:// consultantapolitica.ro/wp-content/uploads/2009/10/ro_87_Moldova.La-rascruce).
6. Alegerile parlamentare anticipate sub lentilă. (http://artificii.wordpress.com /2009/08/01/alegerile-parlamentare-sub-lentila/)
7. PCRM, victimă a propriei polarizări etnice. (http://www.curaj.net/ ?p=22273)
8. Barometrul de Opinie Publică, noiembrie 2009. – Chişinău, Institutul de Marketing şi IMAS-INC, 2009.

Recenzent – **Alexandru ROSCA**, doctor habilitat in filosofie, academician

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА

Иван РАДИКОВ
Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, кафедра теории и философии политики
Доктор политических наук, профессор, заместитель декана

Ensuring of national security is a prerequisite for progressive development of any country. This article analyzes a system of general-theoretical requirements for cognition and explanation of the national security issues in the context of globalization. Actualization of philosophical and politological apprehension of the security issues is conditional upon entering of the contemporary society in the zone of the so called "mega-risks", multifactor nature, complexity of dangers and threats. The article discusses problems of the efficiency of strategy and policy of national security, features of functioning of the national mechanism of ensuring security in Russia with due account for both objective and subjective circumstances that appeared in the last decade and conditioned by the complexity of the transition from the traditional for Russia state security system to a new system of ensuring national security. Ever increasing interrelation and complementarity of national, regional and international spheres of security is stressed in the article. It concludes that there is a lack of definite approaches to the assessment of the threat level of transnational problems; a necessity for the creation of a new architectonics of security; and changes in methods and means of its maintenance, priorities of objects.

Key words: national security; policy, strategy and conception of national security; system and mechanism of ensuring security

Обеспечение национальной безопасности является необходимым условием для поступательного развития каждой страны. В статье анализируется система общетеоретических требований к познанию и объяснению проблем национальной безопасности в условиях глобализации. Актуализация философско-политологического осмысления проблем безопасности обусловлена вхождением современного общества в зону так называе-

мых «мегарисков», многофакторностью, комплексностью опасностей и угроз. Рассматриваются проблемы эффективности стратегии и политики национальной безопасности, особенности функционирования национального механизма обеспечения безопасности в России, с учетом объективных и субъективных обстоятельств, появившихся в последнее десятилетие и сложностью перехода от традиционной для нашей страны системы государственной безопасности к новой системе обеспечения национальной безопасности. Подчеркивается все более возрастающая взаимосвязь и взаимозависимость национальной, региональной и международной сфер безопасности и делается вывод об отсутствии ясных подходов к оценке степени опасности транснациональных проблем и необходимости создания новой архитектуры безопасности, изменении методов и способов ее обеспечения, приоритетов объектов.

Ключевые слова: национальная безопасность; политика, стратегия и концепция национальной безопасности; система и механизм обеспечения безопасности.

Безопасность, в широком понимании, в последнее время начинает играть все большую роль как фактор, объясняющий поведение и отдельных этнических групп, и целых наций, и даже больших расово-культурных и цивилизационных объединений. Вообще, чувство безопасности - это сильнейший мотив национального поведения. Оно обусловлено не только прямой и явной угрозой, но, в немалой степени, общей ситуацией в регионе и в мире. Именно чувство безопасности побуждает субъекта к поиску путей повышения безопасности, достижения ее приемлемого уровня, или же позволяет переключить его активность и ресурсы на иные цели, если оценки безопасности велики, что свидетельствует о низком уровне опасности. Чувство безопасности (опасности) определяют те оценки, которыми располагает субъект, т.е. его знания об уровнях опасности, а также степени готовности системы обеспечения безопасности к их парированию. Они могут быть получены на основе опыта и интуиции, либо вырабатываются на базе всестороннего исследования ситуации с помощью специалистов.

Современный период развития человечества характеризуется целым набором катаклизмов, угроз и опасностей. Часть из них носит природный характер. Во всем мире, в том числе, и в России, в последние годы наблюдается рост числа возникающих катастроф природного и экологического характера, масштабов ущерба от них. Это

обусловлено, прежде всего, прогрессирующей урбанизацией территорий, увеличением плотности населения Земли, и как следствие, антропогенным воздействием и наблюдающимся глобальным изменением климата на планете. На поверхности Земли и в прилегающих к ней слоях атмосферы идет развитие множества сложнейших физических, физико-химических и биохимических процессов, сопровождающихся обменом и взаимной трансформацией различных видов энергии и создающих природную опасность для человека и окружающей среды. Наибольшее распространение имеют явления, связанные с эндогенными, гидрометеорологическими, экзогенными и геокриологическими процессами. К числу первых относятся различные тектонические явления, землетрясения и горные удары. Среди гидрометеорологических явлений наиболее широкое распространение имеют наводнения, ураганы, смерчи, тайфуны, сильные ливни, снегопады, морозы. Экзогенные явления связаны с гравитационными процессами (оползни, сели, обвалы, снежные лавины), действием поверхностных (эрозионные, абразионные) и подземных (карстовые, суффозионные, набухания, просадки) вод. Геокриологические процессы приводят к развитию таких опасных природных явлений как солифлюкция, каст, морозные пучения. На территории России, обладающей чрезвычайно большим разнообразием геологических, климатических и ландшафтных условий, встречается более 30 опасных природных явлений. Среди природных опасностей наиболее разрушительными являются: наводнения, подтопления, эрозия, землетрясения, оползни, сели, карст, смерчи, сильные заморозки, различные мерзлотные явления. Ежегодно в России происходит 230-250 событий чрезвычайного характера, связанных с природными опасными явлениями. Основные потери при этом приносят: наводнения (около 30%); оползни, обвалы и лавины (21%); ураганы, смерчи и другие сильные ветры (14%); сели и переработка берегов водохранилищ и морей (3%). Последовательность процессов в порядке уменьшения экономического ущерба несколько иная: плоскостная и овражная эрозия (около 24% всех потерь), подтопление территорий (14%), наводнения и переработка берегов (13%), оползни и обвалы (11%), землетрясения (8%). В связи с этим проблема обеспечения безопасности населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного, техногенного и, как правило, обусловленного ими экологического характера стала весьма актуальной. Она сформирова-

лась в последние годы в системе государственного регулирования как насущная и объективная потребность и определяется как функция государства и его механизма обеспечения национальной безопасности.

Качественно иную природу имеют опасности и угрозы, носящие социальный характер. К ним отнесем проблему новой бедности, демографические угрозы, энергетические и экологические опасности, агрессивный этнонационализм и сепаратизм, ведущие в ряде случаев к развязыванию вооруженных конфликтов, распространение ядерного оружия, расползающийся терроризм. Эти и другие угрозы и опасности присущи как глобальному, так и региональному и локальному уровням.

С учетом этого обеспечение национальной безопасности является центральной, стратегически значимой для развития каждой страны задачей. Без ее решения всякая человеческая деятельность оказывается бесцельной. Низкий уровень безопасности оборачивается большими бедами: крушением государств, уничтожением народов, массовыми кровопролитиями, разрушением и гибелью материальных ценностей. Государства, общества, люди, не проявляющие должной заботы о своей безопасности, как правило, оказываются нежизнеспособными.

Важно отметить также существование различий между понятиями *концепция* и *стратегия* национальной безопасности. Концепция национальной безопасности - это в первую очередь философское видение позиции страны в системе глобальной политики. В методологическом плане концепция национальной безопасности должна теоретически обосновывать пути достижения наиболее предпочтительного места страны в системе глобальной безопасности на основе строгого учета ее интересов и возможностей в тот или иной исторический период.

То, что часто отождествляется со стратегией национальной безопасности, является, по существу, тактическим видением предпочтительных вариантов обеспечения интересов страны на перспективу от одного года до нескольких лет. Фактически в этом случае речь идет об обосновании конкретного политического курса. О стратегии национальной безопасности можно говорить только тогда, когда имеет место последовательность и преемственность различных эта-

пов политики в рамках одного курса на протяжении длительного периода.

Концепция национальной безопасности представляет собой производную от концепции национальных интересов, а в более широком смысле - от общего видения руководства того или иного государства его места в мировом сообществе. Так, концепция (стратегия) национальной безопасности США является, по существу, теоретической основой американской внешней политики. Эта концепция вырабатывается общими усилиями правящей политической элиты США и широким кругом ученых и отражает в концентрированном виде взгляды на сущность, содержание и пути обеспечения (защиты) национальных интересов государства [7, 319, 328].

В современной отечественной и зарубежной научной литературе нередко предпринимаются попытки представить идею национальной безопасности в несколько архаизированном виде. «В прошлом, под национальной безопасностью чаще всего понимали государственную безопасность. Современная мысль расширяет толкование национальной безопасности в нескольких направлениях:

- от безопасности государства - к безопасности групп, общества и отдельных личностей;
- от безопасности государства - к безопасности региональной и международной системы;
- от исключительно военной безопасности - к политической, экономической, социальной, экологической, информационной и т.д.;
- политическую ответственность за национальную безопасность возлагают теперь не только на национальные государства, но и на международные институты, органы местного самоуправления и негосударственные организации [16, 54-55].

Учитывая всю широту употребления термина «национальная безопасность» в отечественной и зарубежной литературе, становится трудно понять: до какой же степени «современная мысль» способна произвести радикальную переоценку идеи национальной безопасности как таковой и насколько сам концепт национальной безопасности вступает в противоречие в эпоху глобализации, например, с концептами региональной, международной, государственной или даже личностной безопасности?

Национальную безопасность следует рассматривать как триаду, включающую национальное выживание, национальное благополу-

чие или национальное процветание и национальное развитие. Иными словами, это не состояние защищенности, как довольно часто считают, а прежде всего, способность сохранять определенные качественные параметры нации - способность к самосохранению, самовоспроизводству и самосовершенствованию.

Безопасность является философской категорией. Она не является чем-то предметным, материальным и выступает некой абстрактной формой выражения жизнеспособности и жизнестойкости различных объектов. Проблема философских основ безопасности человечества и человека наряду с аксиологическим аспектом имеет онтологическую сторону. Последняя коренится в фундаментальной проблеме выживания как самого человечества, так и живой природы нашей планеты.

Философско-политологический взгляд на безопасность нужен и потому, что сейчас в социокультурном измерении наблюдается кризис духовно-личностного ценностного устоя западной цивилизации. Приоритет потребительских ценностей, гедонизм и другие соблазны Запада, внедряемые в современную жизнь, апеллируют к низменной стороне природы человека, разрушают нравственные основы функционирования общества. Сложившаяся ситуация в современном мире такова, что именно нравственность выступает стратегическим ресурсом выживания человечества, и поэтому на повестке дня стоит весьма непростая проблема безопасности человеческой нравственности. Все это в полном объеме относится ко всем государствам, включая и Россию.

В связи с этим представляет интерес безопасность социума как философско-методологическая проблема. Особую опасность для социума представляет использование новейших информационных технологий, поэтому исследователи обращают внимание на место искусственного разума в системе информационной безопасности, на перспективность космических систем связи как элемента генетического оружия, на проблемы психотронного оружия и психотронной войны, неотъемлемым элементом которой является информационное противоборство, на отсутствие четкой и внятной государственной политики в области разработки и применения оружия несмертельного действия (ОНД) как основного средства противодействия террористическим проявлениям, а также недопонимание и недооценку степени опасности информационного противоборства [3; 11; 14; 1].

Исследование новых источников угроз и опасностей, связанных со стремительным научно-техническим прогрессом, становится поэтому одной из важнейших задач механизма обеспечения национальной безопасности. Начало XXI столетия характеризуется нарастанием процессов информатизации и глобализации, формирования основанной на знаниях экономики и развития биологических, генетических, телекоммуникационных и иных технологий, что связано с инновационной деятельностью человека [6]. Возрастание потенциала знания, генерируемого наукой и осваиваемого человеком, ведет к хрупкости общества, к его неустойчивости. С инновационной деятельностью связана безопасность экономических и правовых аспектов использования интеллектуальной собственности как предприятий, так и физических лиц.

Особым объектом является психический мир личности, который сейчас находится под колоссальным прессом электронных масс-медиа. Не случайно в научной литературе особое внимание обращается на «промывание мозгов», когда на психику индивида воздействуют путем нейролингвистического программирования, средствами трансактного анализа и гештальт-терапии [5]. Поэтому заслуживают внимания новые эффективные интегральные технологии обеспечения безопасности личности, объекта и информации, а также управление социумом и поведением человека.

Актуализация философского осмысления проблем опасности и безопасности обусловлено вхождением современного общества в зону так называемых «мегарисков». Некоторые исследователи (У.Бек, Э.Гидденс, Н.Луман и др.) квалифицируют его как «общество риска» [2; 4; 9].

Весь этот круг вопросов имеет непосредственное отношение к проблеме национальной безопасности каждого государства. Для России, с ее убывающим населением, сохраняющейся сырьевой направленностью экономики, сомнительно боеспособными Вооруженными силами и коррумпированным управлением национальная безопасность становится условием ее дальнейшего существования.

Сама концепция национальной безопасности любой страны должна принимать во внимание спектр новых угроз, вызовов современности, учитывать динамику их изменений. В этой связи необходимо, в первую очередь, ответить на два принципиальных вопроса: как современные, быстро меняющиеся условия влияют на складывающу-

юся систему опасностей и угроз во всех сферах жизнедеятельности и каким образом можно противодействовать этим опасностям и угрозам. При этом, важно знать не только, что и как делать в области национальной безопасности, но и во имя чего.

Отметим, что обеспечение безопасности конкретного объекта (в том числе государства) носит двойственный характер: а) обеспечение безопасности объекта в его существующей определенности; б) обеспечение безопасности в его качественной определенности. С учетом этого можно выделить два типа обеспечения безопасности конкретного объекта: 1) обеспечение безопасности как борьба с конкретными опасностями, следствием чего является поддержание существования объекта; 2) утверждение безопасности как развитие и укрепление самого объекта и поддержание его природы. Иными словами, обеспечение безопасности как отрицание опасностей и как развитие и укрепление самого объекта не тождественны.

Вследствие этого могут реализовываться две стратегии обеспечения безопасности: а) стратегия защиты (отрицание отрицания, отрицание опасностей), при которой основание деятельности составляет обнаружение опасностей и их отрицание, а утверждение объекта в его безопасности является результатом отрицания опасностей; б) стратегия утверждения, укрепления безопасности, основывающаяся на самоутверждении природы самого объекта.

Глубинные постсоветские преобразования российской жизни существенным образом изменили систему обеспечения безопасности страны. Вместе с тем функционирование национального механизма обеспечения безопасности в России определяется рядом объективных и субъективных обстоятельств, появившихся в последнее десятилетие.

К их числу относятся:

1. Так и не преодоленный консерватизм в представлениях о сущности национальной безопасности не только в СМИ, менталитете политической элиты, но и в фактической реализации политики ее обеспечения. Если отбросить словесный камуфляж, то можно увидеть, что категория «национальная безопасность» по-прежнему в России понимается не как состояние, при котором гарантируется беспрепятственное и успешное развитие всех социальных организмов и общественных структур, создаются оптимальные условия для су-

ществования и развития личности, общества и государства, а в традиционном смысле - как безопасность в военной сфере.

Национальная оборона отождествляется с национальной безопасностью. Например, 10 мая 2006 г., Ф.Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», и И.Сафранчук, глава российского представительства американского Центра оборонной информации, комментируя Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию на радиостанции «Эхо Москвы», сделали вывод, что у России не четыре национальных проекта, а один плюс четыре. Этот «один» - это национальная оборона, национальная безопасность. Вот это, по их мнению, и есть самый главный национальный проект России. Подобный вывод сделан лишь потому, что Президент Российской Федерации сказал об обороне больше, чем обо всех остальных национальных проектах, вместе взятых, и, соответственно, о расходах на оборону и безопасность. Этот тезис подтверждает структура федерального бюджета, где самостоятельными строками выведены национальная оборона, национальная безопасность и правоохранительная деятельность (!). Подобный подход пропагандируется и в российских СМИ.

Понятно, что не военные опасности и угрозы в последние годы были приоритетными. Опасная дезинтеграция государственных институтов, системный экономический кризис, издержки приватизации в сочетании с политическими спекуляциями на естественном стремлении людей к демократии, серьезные просчеты при проведении экономических и социальных реформ - первоочередные проблемы страны. Последнее десятилетие XX в. стало периодом катастрофической демодернизации страны и социального упадка. За чертой бедности оказалась значительная часть населения. Массовым явлением стали многомесячные задержки с выплатой пенсий, пособий, заработных плат. Люди были напуганы дефолтом, потерей в одночасье своих сбережений. Не верили уже и в то, что государство сможет исполнять даже минимальные социальные обязательства.

Противопоставление тех сфер жизнедеятельности, в которых реализуются национальные проекты, национальной безопасности недопустимо. Дело в том, что заявленные и реализуемые сегодня национальные приоритеты в области образования, здравоохранения, доступного жилья и повышенного внимания к сельскому хозяйству, затрагивающие каждого человека и определяющие качество жизни,

формируют «человеческий капитал» - образованную и здоровую нацию. От состояния этих сфер зависит социальное самочувствие общества, демографическое благополучие страны. Поэтому именно качество жизни в конечном итоге и определяет эффективность системы национальной безопасности.

Есть все основания заявить, что у России был, есть и будет всегда лишь один стратегический национальный проект - национальная, интегральная безопасность как непременное условие не только ее существования, но развития. Еще раз подчеркнем, не военная, а национальная! В свою очередь, национальная оборона - *это тактический национальный проект*. Если тактические проекты становятся приоритетными в зависимости от конкретной обстановки, то стратегические существуют всегда.

2. Все более возрастающая взаимосвязь и взаимозависимость национальной, региональной и международной сфер безопасности. Решение проблем национальной безопасности составляет суть международной безопасности. Иногда эти две сферы столь тесно связаны и основаны на одних и тех же интересах, что трудно провести различимую грань между ними. Например, проблема энергетических, сырьевых и продовольственных ресурсов. С одной стороны, каждая страна заботится об обеспечении себя сырьевыми ресурсами и необходимым набором продовольствия, следовательно, это проблема национальной безопасности. С другой стороны, такие понятия, как «нефтяная дипломатия», «продовольственная дипломатия», становятся привычными атрибутами внешней политики и международных отношений. Реальность современного мира такова, что ревностная забота только о национальной безопасности вряд ли идет на благо безопасности международной. По мнению С.Панарина, заинтересованность только в национальной безопасности похожа на стремление к этнокультурной безопасности: оно скорее разделяет, чем объединяет. Ревностное отстаивание этнокультурной идентичности все чаще превращается в источник угрозы для личности и общности, подрывает региональную и международную безопасность [15, 9].

Существует масса проблем, которые одинаково угрожают как национальной безопасности отдельного государства, так и всей международной безопасности. Хотя это две разные сферы, они постоянно пересекаются, а иногда совпадают. Особенно это становится очевидным в связи с появлением вызовов нового поколения, с появ-

лением различных проблем, представляющих реальную и потенциальную угрозу как для национальной, так и для международной безопасности. Для противодействия растущему числу вызовов в области безопасности в новом тысячелетии недостаточно по-прежнему придерживаться старой политики и практики. В современных условиях необходимо эффективно заботиться не только о сохранении своих, национальных границ, но главное - это развивать международные институты, совершенствовать международное право, сотрудничать с другими странами с целью поддержания мира и безопасности во всем мире или по крайней мере в большей его части.

3. Разрушение старой архитектуры международной безопасности и отсутствие нового прочного механизма ее обеспечения, отсутствие ясных подходов к оценке степени опасности транснациональных проблем (таких, как терроризм, наркобизнес, распространение оружия массового поражения (ОМП), нелегальная торговля оружием и др.) и в целом размытость и неопределенность будущего мироустройства. С окончанием «холодной войны» исчез биполярный мир, выстроенный на равновесии супердержав СССР и США, что привело к возникновению совершенно иных видов угроз безопасности. Теперь ученые и политики обсуждают вопросы политической, социальной, экономической, военной, информационной, концептуальной, психологической, культурной и пр. безопасности, которые следует решать, исходя из нелинейной природы мироцелостности. Но как обеспечивать национальную безопасность в таких условиях? Неясно, сложится ли в обозримой перспективе хоть какой-то миропорядок. Или международные отношения и глобализация вошли в длительный этап неопределенности, когда мировая политика и ее силовые компоненты определяются неформальным прочтением различными государствами и группами государств стихийно складывающегося мироустройства и столь же стихийно возникающими в нем фактическими (в отличие от нормативно-правовых) стандартами и критериями взаимоотношений участников такой системы? Ведь если США позволительно не обращать внимания на сложившиеся правовые ограничения, то почему так же не могут действовать и другие государства? В целом процесс формирования новой системы международных отношений после окончания «холодной войны» приобрел затяжной и во многом неуправляемый характер. Создалась ситуация, несущая в себе большой кризисный потенциал и одновременно

мало приспособленная к предотвращению и урегулированию глобальных проблем безопасности на коллективной основе.

4. Фактическую неспособность ядерного оружия, рассматриваемого после Второй мировой войны эффективным средством сдерживания, главной или одной из главных опор безопасности и стабильности в мире, гарантировать появление новых вызовов и угроз.

Применительно к России вопрос заключается в том, как долго сумеет она сохранить свой ядерный потенциал на уровне, позволяющем сдерживать Соединенные Штаты и НАТО, или он обретет иные военно-политические функции? Останется ли ядерное сдерживание в долговременной перспективе актуальным для обеспечения национальной безопасности и обороноспособности страны? Или на первый план выйдут проблемы и угрозы, ядерным сдерживанием в принципе не решаемые? И если ядерное сдерживание сохранится как главная или одна из главных опор безопасности и стабильности в мире, то насколько автономной сможет быть Российская Федерация в использовании и возможном применении ядерного и термоядерного оружия?

В условиях возможного развала ДНЯО и системы контрольных функций МАГАТЭ, резкого повышения риска применения в локальных операциях высокой интенсивности малых ядерных боеприпасов (МЯБ) уже в самом ближайшем будущем характер будущего глобального миропорядка явно уступит по значимости проблемам безопасности вообще и защищенности от «принуждающего ядерного сдерживания» в частности.

Проблема осложняется и тем, что многие государства, понимая невозможность обеспечения своей национальной безопасности в рамках существующего международного права, стремятся к обладанию оружием массового поражения в любых его формах и приобретения его любым путем. Более того, потенциальная возможность приобретения оружия массового поражения террористами, образовавшими, по сути, международный террористический интернационал, еще более усложняет этот вопрос. К тому же очевидный прогресс в области современного вооружения (увеличение радиуса действия новых ракет, авиационных и морских систем доставки зарядов, возросшая разрушительная сила конвенциональных боеприпасов и внезапность их применения) создает условия, провоцирующие упреждающее применение военной силы.

5. Так называемый «упадок государств», вызванный процессом глобализации. Глобализация изменяет прежние представления о национальной безопасности, а государство перестает быть достаточным ее гарантом. Глобализация оказывает противоречивое воздействие на эволюцию отношений государств в обеспечении безопасности. С одной стороны, глобализация содействует ускоренному развитию производительных сил, научно-техническому прогрессу, все более интенсивному общению государств и народов. Она объективно способствует созданию человечеством ресурсной базы и интеллектуального потенциала для обеспечения как национальной, так и международной безопасности на качественно новом уровне. Рост взаимозависимости стран и народов во всех сферах бытия помогает и формированию новых политических подходов, нацеленных на создание демократических многосторонних механизмов управления международной системой, а значит, и надежного решения проблем безопасности. С другой стороны, процессы глобализации, в основном развивающиеся стихийно, без коллективного направляющего воздействия мирового сообщества, усугубляют целый ряд застарелых проблем международной безопасности, порождают новые риски и вызовы для государств.

Из-за различий в финансово-экономической мощи взаимозависимость между странами приобретает все более асимметричный характер. Если узкая группа ведущих индустриальных государств играет в основном роль субъектов глобализации, то огромное большинство остальных превращается в ее объекты. В результате усугубляется неравномерность социально-экономического развития мира. Очевидно расслоение мировой экономики на «зоны роста» и «зоны застоя». Нарастающая неравномерность развития различных стран и регионов способствует усугублению неустойчивости мирового экономического роста, накоплению кризисного потенциала в международной финансовой и торгово-экономической системе. Закономерным результатом такой «модели» глобализации является усугубление ее негативных социальных и политических последствий для большей части человечества. Рост ксенофобии на одном, относительно благополучном, «полюсе» человеческого общества сопровождается радикализацией требований более справедливого мироустройства на другом, бедствующем. Возрождается - уже на новой основе - тенденция к глубокой идеологизации международных отно-

шений, казалось бы, отошедшая в прошлое вместе с «холодной войной».

Риски утраты национальной идентичности и культуры малочисленных народов, проявления международной преступности, коррупции, терроризма, нарушение авторских прав на интеллектуальную и промышленную собственность, преступления в информационных сетях и т.п. - все это обратная сторона медали глобализации. По мере развития технологического и общественного прогресса отрицательные явления глобализации распространяются все быстрее, а борьба с ними требует все больших и более сложных усилий. Усиливая взаимозависимость государств в сфере безопасности и экономики, глобализация ведет к глубоким изменениям приоритетов их курса на мировой арене, заставляет по-новому взглянуть на арсенал внешнеполитических средств, способствует быстрым изменениям повестки дня мировой политики.

В этих новых условиях национальные организмы стали гораздо более проницаемы для невоенных методов воздействия. Стремительное развитие индустриальной, технологической, финансовой и информационной базы современного общества сделало возможным применение ряда невоенных средств в качестве самостоятельных факторов силового воздействия, зачастую играющих большую роль, чем традиционные вооруженные силы.

Факторы, облегчающие или, напротив, затрудняющие доступ государств к благам глобализации, все активнее включаются в арсенал стратегий обеспечения национальной безопасности. Глобализация и манипулирование ее ходом все чаще используются в качестве орудия политического давления. Инструменты такого воздействия многообразны. Это и «инвестиционно-кредитная дипломатия», использующая острую потребность большинства стран мира в зарубежных капиталовложениях и займах, и информационная дипломатия, нацеленная на доминирование в глобальном информационном пространстве, и «политическая инженерия» - комбинированное использование экономических, информационных и военно-политических рычагов для «конструирования» нужных «партнеров» - правительств, готовых принять навязываемые им извне условия решения международных и внутренних проблем.

Опасности и угрозы национальной безопасности под воздействием глобализационных процессов начинают носить все более компле-

ксный, «синтетический» характер. Но чем значительнее и все более комплексными являются опасности и угрозы, тем труднее становится организовать эффективное им противодействие, потому что оно (в соответствии с законом необходимого разнообразия) должно быть не менее комплексным. В большей безопасности находится не тот, кто располагает большим объемом ресурсов, а тот, кто сможет более системно организовать свои ресурсы для решения своей задачи.

6. Значительное снижение эффективности национального механизма обеспечения безопасности страны формируемым на Западе негативным имиджем России, неким трендом международного на нее давления. В одном из интервью накануне саммита G8 Президент Российской Федерации прямо сказал, что США организовали кампанию по дискредитации России, чтобы влиять на ее внутреннюю и внешнюю политику. Чем активнее Россия демонстрирует свою силу, тем больше осуждаются ее действия. Так, в материалах зарубежных средств массовой информации Грузия, Молдавия, Латвия, Польша «пострадали от санкций Роспотребнадзора», операторы проекта «Сахалин-2» пошли на «унизительную мировую с Газпромом под давлением государственных экологов», сбои и взрывы в нефтепроводах, ведущих в Литву и Грузию, интерпретированы не только в прессе, но и рядом европейских бюрократов как «диверсии российских спецслужб». Сколько менеджеры Газпрома ни твердили про несанкционированный отбор газа и про то, что виноватых в срыве европейских поставок следует искать в Киеве, Брюссель и Вашингтон переложили ответственность на Москву. О России заговорили как о политическом шантажисте. У западной публики с первых минут не было сомнений в том, кто является убийцами А.Политковской и А.Литвиненко…

Параллельно с этими «изысканиями» на Западе выстраиваются сценарии развала Российского государства. Например, по заказу Пентагона норвежский Институт стратегических исследований расписал, как лучше оккупировать натовскими войсками европейскую территорию России. РЭНД-корпорейшн, мощнейший мозговой центр США, выполнил работу под названием «Упадок России и роль ВВС США», где стратеги этой организации ставят задачу вести активную авиационную и космическую разведку территории России, потому что первыми в атаке на территорию распадающейся страны будут

участвовать ВВС США. Эта задача ставится в виде конкретного, а не мифического плана. Россия, по мнению РЭНД, раскачается до такого состояния, что будет не в состоянии контролировать свое ядерное оружие. Поэтому предлагается создать крупный международный проект по контролю за русским оружием [17, 69-70; 13].

Директор Национальной разведки США Д.Негропонте («НВО», 2007) утверждал, что «быстрорастущая экономика и ощущение политических успехов внутри страны и за рубежом повысили уверенность России, дали возможность наращивать расходы на оборону и придали Кремлю смелости в преследовании политических целей, не всегда соответствующих целям западных институтов». И далее: соперничество между Москвой и Западом мешает сотрудничеству в таких важных сферах, как «противодействие терроризму и распространению оружия массового уничтожения, а также продвижение демократии на Ближнем Востоке». В числе «негативов» называется «обеспокоенность США в связи с антидемократическими и направленными против свободного рынка тенденциями». Другие зоны напряженности: российское вмешательство в Грузии, Молдавии и на Украине, а также строительство Россией ядерного реактора для АЭС в Иране и ее нежелание поддержать санкции для того, чтобы убедить Иран не осуществлять незаконную ядерную деятельность.

Подчеркнем, что в драматических крушениях мировой системы люди исподволь начинают искать козла отпущения, некое всеобщее зло, виновное во всем на свете. Таким «виновником» между мировыми войнами были объявлены евреи и большевики. Сегодня Россия часто оказывается в этой опасной роли «необходимого» врага. Так называемая проблема негативного имиджа России - это симптом неуместности России в полуразрушенной архитектуре ялтинско-потсдамской системы международной безопасности.

7. Непрекращающиеся попытки ближнего окружения России использовать территориальные, исторические и прочие претензии для паразитирования на российских ресурсах. Именно такую политику проводит подавляющее число бывших братских республик. Прибалты (вместе с Польшей) стараются использовать свое членство в евроатлантических структурах для давления на Россию и выбивания себе преференций, а также подчеркивать собственную значимость для Запада в надежде получить побольше выгод. Сложными за пос-

леднее десятилетие были отношения с Украиной, Грузией, Белоруссией.

8. Актуализацию термина национальная безопасность лишь в критических ситуациях или в процессе принятия политических решений в качестве последнего довода. О национальной безопасности, как правило, вспоминают не в повседневной жизни, в процессе кропотливой работы по анализу существующих опасностей в различных сферах жизни России, а тогда, когда эти опасности уже превратились в реальные угрозы, то есть в критических или близких к тому ситуациях. Употребление термина «безопасность» обычно направлено на то, чтобы подчеркнуть неординарность возникшей ситуации и указать на вытекающую из этого необходимость в принятии чрезвычайных мер по ее устранению. Так, в декабре 2006 г. на заседании Совета безопасности России В.Путин заявил, что нынешнее положение на Дальнем Востоке угрожает национальной безопасности страны. «Дальний Восток слабо привязан к общероссийскому экономическому, информационному, транспортному пространству. Естественные конкурентные преимущества округа, включая транзитные коридоры, используются крайне неэффективно. Президент России назвал одним из самых сложных вопросов убыль населения. В среднем каждый день с Дальнего Востока уезжает 274 человека, а за 15 лет количество населения уменьшилось на 20%. С 1991 г. Дальний Восток покинули более 2 млн. постоянных жителей (из 10 млн.) [1, 4].

Все это представляет серьезную угрозу для наших политических и экономических позиций в АТР, для национальной безопасности России без всякого преувеличения в целом», - сказал глава государства. Но это состояние есть результат несовершенной региональной политики России последнего пятнадцатилетия. Невзирая на то, что Совбез уже обращался к вопросам национальной безопасности на Дальнем Востоке в ноябре 2002 г., качественного изменения ситуации на Дальнем Востоке пока не произошло.

Категорию «национальная безопасность» вспоминают и тогда, когда нужно принять непопулярное, но важное для власти решение. Но решение, вызванное сиюминутными потребностями, хотя и задуманное в целях укрепления национальной безопасности, как правило, влечет за собой новые опасности и угрозы для страны в будущем. Напомним, что масштабные политические преобразования,

связанные с образованием вертикали власти, изменением способов избрания руководителей субъектов Федерации и Государственной Думы, обосновывались в первую очередь соображениями национальной безопасности.

Действительно, в конце 1990-х годов прошлого века главной угрозой национальной безопасности России стала угроза распада страны. Такие планы разрабатывались международными террористическими центрами и даже спецслужбами некоторых иностранных государств. В случае тех или иных неблагоприятных событий, ослабления центральной власти могли быть реанимированы «замороженные» амбиции ряда региональных лидеров. Возникла бы проблема территориальной целостности страны. Поэтому принятое Президентом России решение создать единую вертикаль исполнительной власти, поставить региональную власть под контроль федеральной, объяснялось, в первую очередь, соображениями национальной безопасности. Понятно, что обеспечить безопасность, отразить террористическую угрозу проще в государстве унитарном, централизованном, следовательно, более управляемом, тем более что опыт такого управления в России велик. Отсюда и соблазн.

Сложнее было объяснить возникшей угрозой переход к пропорциональной системе выборов Государственной Думы. По мнению идеологов этого решения, избрание Думы только по партийным спискам сделает парламентское большинство настоящим «законодательным отрядом Президента»: он сможет провести все необходимые стране законы в том виде, в котором они наиболее соответствуют государственным интересам и обеспечат необходимые стране реформы. Гражданам страны в праве на создание такой силы, поддерживающей реформаторские устремления Президента, а также выборе главы региона в силу политической малообразованности, было отказано. Но выборы - это школа, в которой гражданское общество воспитывается. И то, что Россия делает лишь первые шаги в своем «демократическом образовании», совершая при этом иногда ошибки, не повод для «превращения десятилетки в начальное образование». Нужно дать гражданам страны возможность поучиться в каждом классе демократической школы. При несложившейся многопартийности и управляемом ЦИКе «пропорциональные» выборы в России становятся абсолютно предсказуемой процедурой, которая не имеет ничего общего с реальным волеизъявлением народа. Партия

власти будет «разбавлена» в Государственной Думе ровно тем количеством оппонентов, которое власть сочтет одновременно и безопасным для себя, и позволяющим сохранить демократические приличия. А демократические приличия и реальная свобода суть разные вещи.

Сегодня основной задачей представительской демократии в России является политическое образование населения. Со временем ситуация стабилизируется и политические настроения станут более четкими, но для этого оно должно учиться мыслить политически и делать разумный выбор. Сужение возможности участия в политической жизни страны для населения может привести к разочарованию в парламентаризме, и именно это представляет собой большую опасность для страны, которая может стать реальной угрозой.

9. Фактическое сохранение государства как приоритетного объекта безопасности и в условиях демократических преобразований. Слабость государства приводит к тому, что оно в современных условиях приоритетным объектом безопасности считает не личность, не общество, а самого себя. Так, в Стратегии Национальной безопасности Российской Федерации (2009) зафиксировано, что национальные интересы Российской федерации на долгосрочную перспективу заключаются: в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики; в обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации; в превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира. И далее: … основными приоритетами национальной безопасности Российской Федерации являются национальная оборона, государственная и общественная безопасность.

Мы должны исходить из того, что потребности безопасности России существуют объективно. На каждом этапе ее исторического развития они не должны выходить за пределы неких границ при любой внутриполитической структуре. Но высшим критерием этих потребностей, национальных интересов в демократическом обществе должны быть потребности каждого человека, ибо только их гарантия способна дать государству и обществу подлинные стабильность и безопасность. Поэтому интересы, связанные с реализацией прав и

свобод человека и, добавим, гражданина, мы вправе отнести к жизненно важным (или значимым) национальным интересам. Защита конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности, установление политической, экономической и социальной стабильности, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества в сущности своей являются с позиции конкретного человека способами обеспечения главного, жизненно важного, значимого интереса государства - всестороннего развития личности. Это тем более справедливо, что государственный суверенитет России провозглашен «во имя высших целей - обеспечения каждому человеку неотъемлемого права на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, а каждому народу - на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах» [12, 3].

10. Сложность перехода от традиционной для нашей страны системы государственной безопасности к новой системе обеспечения национальной безопасности. Хотя в настоящее время именно с институтом государства связываются основные исходящие угрозы, только оно способно системно решать проблему безопасности личности, общества и нации (которые в комплексе принято определять как «национальная безопасность»), лишь государство обладает способностью создать, организовать необходимые для этого силы и средства. Государство не утратило своего ключевого значения на мировой арене и по-прежнему является главным субъектом системы международных отношений. Вместе с тем датский политолог Г.Сёренсен отмечает, что необходимо проанализировать изменения в статусе государств. Именно государства обеспечивают необходимые условия для защиты индивидуума и общества. Однако очевидны различия между сильным и слабым государством. Если первое способствует защите индивидуума и общества, то последнее создает условия, угрожающие их безопасности. Таким образом, желательно укрепление национальных государств [12, 384-385].

11. Искусственное сдерживание темпов демократического строительства в России. Возникновение и обострение ряда угроз (терроризм, проигрыш в экономическом соревновании, утрата экономической самостоятельности страны, парламентский хаос, приход к власти в отдельных субъектах федерации религиозных радикалов) объ-

ясняется не поспешностью с развитием демократии в России, как это считает В.Сурков, один из главных идеологов Кремля, а непродуманностью принимаемых политических решений, непросчитанностью их последствий. Спору нет, осторожность в движении России к демократии необходима, чтобы к государственному штурвалу не прорвались силы разрушительные, неподготовленные. Представляется, что искусственное сдерживание демократии в стране вызвано другой причиной: ныне действующая власть (как когда-то «направляющая и руководящая сила советского общества») считает себя единственно разумной и способной политической силой, способной возглавить реформаторские процессы в России, отказывая в этом праве другим. И если уж утверждать, что общество не готово к демократии, то надо признать, что к ней не готова и политическая властвующая элита. Демократия станет действительно возможной в стране, когда правила жизни, законы будут приниматься не под конкретную политическую силу. В нее войти можно органическим путем: не силовым навязыванием сверху, а взаимодействием власти и разных слоев общества, увязывая высокие интересы страны в целом и приземленные интересы населения.

12. Возрастание опасностей и угроз личности и обществу как объектам национальной безопасности. При этом надо отметить то обстоятельство, что вся российская система обеспечения национальной безопасности за все годы и века своего существования действовала по неизменному правилу: конкретный человек мог становиться объектом защиты соответствующих государственных органов в случае, если опасность ущерба снижала жизнеспособность нации в целом. Только если ущерб существенно затрагивал нацию в целом, он мог быть признан как неприемлемый и подлежащий отражению усилиями служб национальной безопасности. Этим и объясняется особая схема обеспечения безопасности части государственной элиты. В то же время ущерб какому-либо человеку или даже этносу мог быть признан незначительным или несущественным перед фактом полученного преимущества для нации в целом и тогда его защитой должны были заниматься правоохранительные органы. Государства сегодня фактически теряют способность защищать жизнь своих собственных граждан. Во многих странах государство осознанно отказывается защищать своих граждан, передоверяет эту функцию частным структурам. Например, защита жилищ от воров передается час-

тным охранным предприятиям. Во всем мире мы наблюдаем рост фирм, обеспечивающих безопасность на частном уровне. Например, крупнейшая израильская корпорация, где работает больше всего сотрудников, - это фирма, которая занимается обеспечением частной безопасности. Это организация крупнее, чем авиационные и электроэнергетические компании Израиля. В Соединенных Штатах частные охранные фирмы просто повсюду. Утверждают, что ежегодно бюджет охранных фирм превышает в три раза бюджет правоохранительных органов на национальном уровне и уровне штатов. Итак, число частных охранных фирм растет, это происходит потому, что государство заявляет своим гражданам: мы за вас не отвечаем, вы сами должны отвечать за свою безопасность. В качестве субъектов обеспечения национальной безопасности на уровне негосударственной системы в современной России можно рассматривать органы местного самоуправления, частный нотариат, адвокатуру, негосударственные охранные службы и детективные агентства, общественные объединения и отдельных граждан.

13. Утрату веры в государство как субъекта безопасности у значительной части населения России. Сейчас мало кто верит, что государство может или готово защищать своих граждан. И если оно не может и не готово защищать своих граждан, то кому такое государство будет нужно? В лучшем случае, мы будем принимать государство как неизбежное и необходимое зло. Можно ли рассчитывать, что российские граждане сегодня, как 60 лет назад, будут погибать, чтобы спасти российское государство, которое говорит, что не может их защитить, которому все равно, чем они занимаются, как они живут?

Подавляющее большинство россиян (81%) не верят в возможность вовремя получить необходимую помощь от властей в случае возникновения в их жизни опасности и надеются только на себя и своих близких. Таковы данные опроса, представленные Всероссийским центром изучения общественного мнения в мае 2006 г. При этом две трети (66%) опрошенных социологами россиян считают, что жизнь в стране становится год от года все опаснее, и только 29% - что опасностей становится меньше. Лишь 5% россиян ничего не боятся в современной жизни. Немногим больше граждан – 7 - «вполне уверены в своем будущем». Как отметили социологи, более оптимистично в этом вопросе настроены в основном молодые респон-

денты, в то время как зрелое поколение видят все больше опасностей вокруг. Только 18% участников опроса, который социологи ВЦИОМ провели в середине апреля 2006 г. в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России, заявили, что их безопасность смогут обеспечить органы власти. При этом 8% респондентов из всех органов власти указали на президента как на источник надежды в случае опасности. Как отмечают социологи, люди с достатком полагают, что от опасностей их убережет государство, власть, а бедная часть населения больше уповает на Бога [18].

14. Завуалированность субъекта военных опасностей и угроз для России. Во всех сферах, кроме военной, источник опасностей и угроз, их субъект достаточно конкретен, или, по крайней мере, понятен. В военной сфере политическое руководство России последнее десятилетие исходило из того, что у России нет прямых противников. Речь шла о неопределенности, появилось понятие эвентуального противника. Оценка угроз непосредственно связывалась с анализом баланса сил и интересов, сложившегося по периметру государства. Однако военное строительство не может быть абстрактным, так как всякое силовое сдерживание, которое, в первую очередь, и обязаны осуществлять национальные вооруженные силы, связано с проблемой защиты вполне определенных интересов страны и ее союзников. Поэтому оно всегда конкретно и ориентировано на потенциального противника. Если потенциальные угрозы, значит, и потенциальный противник не определены политическим руководством, то этого противника сначала находят, а затем, как правило, и получают сами военные. Это дает лишний повод задуматься о состоянии и перспективах военной безопасности в мире.

Надо сказать, что в отличие от нас США открыто заявляют, что в перечне угроз для них военные и экономические вызовы России следуют за опасностью, исходящей от терроризма. Выступившие перед сенаторами 11 января 2007 г. на очередных ежегодных открытых слушаниях в Комитете по разведке верхней палаты Конгресса Соединенных Штатов по теме «О современных и будущих угрозах США» руководители основных ведомств американского разведывательного сообщества (директор Национальной разведки, шефы ЦРУ, РУМО, ФБР, помощник госсекретаря по разведке и исследованиям») изложили свои взгляды на обеспечение национальной безопасности страны, фактически подтвердив, что Москва продолжает

оставаться в числе главных потенциальных противников Вашингтона. По мнению докладчиков, гипотетическую опасность для Америки и Запада в целом теперь представляют не только стратегические ядерные силы Российской Федерации, но и ... российские нефть и газ, от которых серьезно зависит экономическое благополучие многих стран Старого и Нового света.

15. Пониженную чувствительность нового поколения россиян к опасностям и угрозам и неадекватное, иногда доходящее до легкомыслия, отношение к ним. Современный человек просто не чувствует никакой «ценностной» опасности. Он опасается заболеть СПИДом, боится, как бы к нему в квартиру не забрались воры, а парламентское большинство на выборах не досталось нежеланной партии, но в нем нет реального страха перед духовно-нравственной деградацией. Как не вспомнить Сенеку, заметившего в «Письмах к Луцилию» о нравственности, что человек тем слабее ощущает болезни, поражающие его душу, чем более те прогрессируют!

Каковы же пути решения проблем безопасности в эпоху глобализации? В принципиальном плане возможны два пути решения проблем безопасности в эпоху глобализации. Первый - путь односторонних действий. Сторонники такого выбора считают, что целесообразнее «выплывать в одиночку», создавая с помощью протекционистских мер и односторонних, часто силовых, решений некие «островки экономической и политической стабильности». На основе совместимости ценностей, регулирующих поведение в сфере безопасности, таким образом, формируется сообщество безопасности. Сегодня часто можно встретить точку зрения о том, что «сообщество безопасности» включает в себя страны Северной Америки и Западной Европы. Как представляется, подобный вариант ответа на вызовы современности неприемлем как по этическим, так и по прагматическим соображениям. Соблазн односторонних действий для получения максимальных выгод от глобализации и для защиты от ее негативных последствий провоцирует рост соперничества, пренебрежение международным правом и многосторонними институтами. Такой путь может дать краткосрочную выгоду, но ущерб будет долгосрочным: возрастет опасность расшатывания основ международного правопорядка, падения управляемости развития мировой политики, «расползания» гонки вооружений. Другой путь - коллективный поиск решения двух взаимосвязанных задач. Первая, неотложная –

обезопасить себя от множащихся угроз и рисков политического, экономического, криминально-террористического характера. Вторая, на длительную перспективу - разработка стратегии управления глобализацией, с тем чтобы расширить ее позитивное воздействие на все народы, а не только на ограниченный круг «избранных».

Ключ к поиску эффективных решений проблем безопасности видится в создании Глобальной системы противодействия современным угрозам и вызовам. Лишь солидарный ответ мирового сообщества на ключевые проблемы современного развития может быть по-настоящему эффективным [8]. Такая система должна быть предназначена для решения реальных проблем в сфере безопасности, отвечать жизненным интересам каждого государства, обеспечивать международную стабильность и устойчивое развитие на длительную перспективу.

Совершенно очевидно, что создаваемая система должна быть:

– глобальной, так как современные вызовы представляют собой планетарную опасность, и ответы на них необходимо давать на общемировом уровне;

– всеобъемлющей по охвату, так как каждая из современных угроз несет в себе колоссальный разрушительный потенциал, поэтому все эти проблемы без исключений должны находиться в сфере деятельности системы;

– обеспечивающей принятие комплексных решений, так как между новыми угрозами и вызовами зачастую имеется прямая взаимосвязь;

– универсальной по составу участников, поскольку современные угрозы направлены против безопасности и благополучия всех членов мирового сообщества в целом и каждого в отдельности;

– наконец, создаваемая система должна стать эталоном международной законности, так как ее сила - в опоре на принципы и нормы международного права, прежде всего Устава ООН.

Среди современных моделей обеспечения безопасности можно выделить:

- модель обеспечения безопасности с опорой на США, включив свою территорию в зону их жизненно важных интересов;

- модель, основывающаяся на создании коллективного, регионального механизма противодействия опасностям и угрозам.

В этих условиях следует изменить акценты в обеспечении национальной безопасности. Главным способом, препятствующим превращению опасностей в угрозы, должно стать упреждение. Но, следует подчеркнуть, что это упреждение не есть синоним «упреждающей интервенции». Упреждение должно быть правовым, санкционированным. Представляется необходимым создание и развитие как национальных, так и наднациональных институтов мониторинга национальной безопасности, например региональных. Исключив двойные стандарты в понимании опасностей и угроз, сделав этот мониторинг постоянным, региональные организации могли бы принимать рекомендации по упреждающим действиям, создавая тем самым превентивную безопасность.

Императивами обеспечения устойчивой безопасности должны стать открытость, гласность и прозрачность [10]. Их следует понимать в нескольких контекстах:

• военная прозрачность, позволяющая взаимное наблюдение за учениями и военными планами;

• информационная прозрачность, то есть доступность официальной информации о состоянии экономики, экологии, преступности (включая вопросы отмывания денег и коррупции), финансовых потоков;

• политическая прозрачность, то есть подотчетность публичных властей различных уровней институтам гражданского общества. Это - важнейшее условие «демократическо-ориентированного порядка безопасности».

В государстве, где острые кризисы изжиты, центр тяжести по обеспечению национальной безопасности должен переноситься в сферу внешней политики и задач, связанных с обеспечением динамичного развития экономики. Внешнеполитические задачи должны служить упреждению возможных кризисов, способных нанести ущерб государству и обществу извне, а экономическое развитие – расширению ресурсной базы для решения тех задач в области национальной безопасности, которые могут возникать в будущем. Изменяется и приоритет субъектов национальной безопасности: на первый план выдвигается личность и общество.

Библиография

1. Актуальные проблемы информационного противоборства. // Аргументы неделі. №21, 2006, 28 декабря.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. - Москва, 2000
3. Белянцев А.Е. Международная безопасность в условиях информационной революции. // Международные отношения в XXI веке: Новые действующие лица, институты и процессы. – Москва, 2007
4. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность. // Thesis. 1994. №5
5. Колесникова Т.И. Психологический мир личности и его безопасность. - Москва, 2001.
6. Контуры инновационного развития мировой экономики. Прогноз на 2000–2015 гг. / Под ред. А.А.Дынкина. - Москва, 2000
7. Кривохижа В.И. Некоторые методологические основы выработки концепции национальной безопасности России. // Внешняя политика и безопасность современной России. Т.1. Кн.1. – Москва, 1999
8. Лавров С. Внешнеполитическая самостоятельность России – безусловный императив. // «Московские новости», 2007, №1
9. Луман Н. Понятие риска. // Thesis, 1994, №5.
10. Макарычев А, http://megaregion.narod.ru/articles_ text_2.htm
11. Некляев С. Информационно-психологическая война. // Военное образование, 2009, №3
12. О государственном суверенитете. - Москва, 1991
13. Sorensen G. Individual Security and National Security. The State Remains the Principal Problem. // Security Dialogue. 1996. Vol. 27(4)
14. Панарин И. Информационные войны – реальный фактор геополитики. Системы информационного противоборства. // Центразия, 2008, №10;
15. Панарин С. Безопасность и этническая миграция. // Pro et contra. – Москва, Московский центр Карнеги, 1998, Т.3, №4.
16. Rothschild E. What is Security? // Daedalus. Summer 1995.
17. Русский журнал, 2006, ноябрь
18. http://president.org.ua/news/news-107452/.

Поступила в редакцию
2 октября 2010 года

ПОНЯТИЕ И КОНЦЕПТ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»

Александр ШИРИНЯНЦ
Россия, Москва, московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, факультет политологии, кафедра истории социально-политических идей,
доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой

Author treats political culture as integral characteristic of human's subjective relation to politics. The advantage of the concept of political culture is that it applies to all manifestations of such relation.

The article proposed a distinction between functional (procedural-operational) and orientation (normative value) ideas about political culture, its structure and functions.

Associating with scientists who accentuate «activity-related side» of political culture that allows to interpret adequately the mechanisms of emergence of social movements «for changes», conservatism, revolutionism and reformism, author, however, focuses on the ideological component of political culture.

In this context, political culture is defined as a set of political ideas and value orientations, attitudes and style of action (political involvement) of different social communities and individuals in their relations with government and political system.

Политическая культура является одним из самых сложных и многофункциональных концептов в современном политическом знании.

Приоритет в «изобретении» самого понятия «политическая культура», по-видимому, принадлежит И.Г.Гердеру, который в своей знаменитой работе «Идеи к философии истории человечества» (1784-1791) сравнил политические культуры греков и евреев. В современной же политологии впервые термин появился в работе Х.Файера «Системы правления великих европейских государств» (1956), на что указывает А.И.Соловьев [21, 47]. Понятие «политическая культура» по-разному трактуется в современном западном политическом знании. Эволюция концепта и концепции политической культуры начинается с XIX века. Этапами в генезисе этого понятия признаются теории «национального характера», коллективного сознания (Э.Дюркгейм), «идеального типа» М.Вебера, ориентацию на «референтные рамки действия» Т.Парсонса и др.

Понятие политической культуры, предложенное Г.Алмондом и С.Вербой признается классическим; с их книги «The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations» в западной политологии начинается новый, современный этап развития концепции политической культуры, сог-

ласно которой политическая культура - это специфические формы ориентации на реальную политическую систему конкретного общества и на собственную политическую деятельность (т. е. позиции относительно роли каждого индивида в данной политической системе). В политической науке и до упомянутых авторов широко употреблялись такие понятия, как «консенсус», «терпимость» («толерантность»), «ценности», «конформизм», «позиция» («установка» по отношению к тем или иным политическим объектам), но все эти понятия никак не складывались в целостную концепцию субъективного отношения людей к политике.

Только благодаря новому понятию, т.е. понятию политической культуры, удалось преодолеть неопределенность и фрагментарность перечисленных выше и им подобных понятий. Этим понятием Г.Алмонд и С.Верба выделили ориентации на политику и роль индивида в сфере политики как ключевую переменную для уяснения сути «национального этоса», субъективного отношения людей к политике. «Ориентации» - это интериоризованные аспекты «политических объектов» и «политических отношений». Исходный мотив при разработке концепции политической культуры сводился, в первую очередь, к тому, чтобы создать матрицу отношений ориентации к политическим объектам: (1) политической системе в целом; (2) политической коммуникации как она осуществляется в самом обществе и между институтами, в рамках которых принимаются политические решения; (3) результатами политического процесса - решениями парламента, правительства и пр.; (4) собственно политической идентичностью участников политического процесса - социальных групп, индивидов, общества в целом.

В российской литературе из многочисленных подходов к анализу политической культуры можно выделить следующие: 1. Политическая культура рассматривается как идеологическое явление. 2. Политическая культура рассматривается как степень политической зрелости и активности граждан по отношению к политической системе и ее функционированию. 3. Политическая культура рассматривается как элемент духовной жизни общества, как сфера реализации ценностей, характеристика политических норм, образцов, поведения, социально-политический опыт и своеобразная социально-политическая память. Взгляд на политическую культуру как на часть духовной наиболее распространен при культурологическом подходе к анализу, когда политическая культура рассматривается, с одной стороны, как часть, фрагмент исторически определенного типа культуры, а с другой – отождествляется с культурой духовной. С методологической точки зрения игнорировать взаимосвязь духовной и политической культуры некорректно, но это никак не дает оснований для включения политической культуры в духовную, лишения ее специфичности и определенности. Политическая культура в статусе духовной тождественна политическому сознанию.

В рамках культурологического подхода, на наш взгляд, продуктивной может быть методологическая позиция, рассматривающая культуру как целостное явление, с которым политическая культура соотносится, как вид с родом. В этом случае политическая культура исследуется и развивается на основе общих закономерностей культуры с учетом ее относительной самостоятельности, которая определяется влиянием политических и других сфер жизнедеятельности человека и ее собственным системным характером.

Наличие различных подходов к исследованию политической культуры породило и обилие ее определений, в которых фиксируются ее специфические черты, функции, способ существования, указание на связь с политической идеологией и т. д. Политическая культура как «синтез» политики и культуры не означает их механического соединения. Это качественно новое общественное явление, не сводимое ни к той, ни к другой его составляющей. Глубинная связь политики и культуры лежит в осознании и реализации социальных интересов. Категория политической культуры может быть раскрыта через выявление сущности политики, а также приведения в систему всех политических категорий по схеме: политика - политическая система - политическая жизнь - политическая культура. Политика - это всеобщий, универсальный способ поддержания целостности социально-структурированного общества. Политическая линия вырабатывается, конкретизируется, реализуется в рамках политической системы, являющейся ее основной формой функционирования и развития. Политика определяет содержание политической системы - обмен деятельностью между субъектами по поводу власти и управления. Структурные элементы политики – политическое сознание, политические отношения, политическая деятельность, политические институты - создают основу для структурирования политической системы. В понятии «политическая система» аккумулируется сущностное понимание политики. Однако реальный процесс функционирования политической системы включает в себя как сущностный уровень политики, так и его проявления. Политика как разноуровневое бытие, таким образом, трансформируется в политическую жизнь - очередную ступень ее конкретизации. Политическая жизнь олицетворяет все многообразие политического бытия. Содержательное обогащение политики требует ее сведения к общему знаменателю - политической культуре, которая «очищает» политику от деятельностных, нормативных, гносеологических, институциональных форм бытия, акцентируя внимание на человеке как главном действующем лице общественно-политических процессов. Восхождение от политики к политической культуре означает преодоление «раздвоенности» человека, когда в одном случае он является целью, в другом – средством для достижения поставленной цели. Развитие политической куль-

туры (развитие гражданских качеств человека) придает функциональную направленность политизированному обществу.

Следует признать, что сегодня политологическая литература чаще всего тиражирует определение Г.А.Алмонда, предпринявшего попытку концептуального обобщения исследований социокультурного аспекта политического процесса и предложившего в качестве обобщающего основания понятие «политическая культура».

По его мнению, всякой политической системе присущ определенный образец ориентаций (когнитивных, аффективных, оценочных) субъекта на политическое действие. Эта совокупность и была названа Алмондом «политической культурой». Правда, повсеместно политологи отмечают излишне широкое содержание, скрывающееся за этим понятием и явно присутствующую в нем аксиологическую и психологическую окраску. Стремление операционализировать (все чаще этот термин в политологии используется для того, чтобы подчеркнуть функциональный аспект той или иной категории, возможность применить ее как в теоретическом, так и в прикладном анализе) концепт политической культуры далеко не случайно: проблема политической культуры государства, цивилизации, социального слоя - самых различных акторов (субъектов-участников политической практики) политики оказывается центральной для большинства авторов, исследующих духовную мотивацию политического процесса. Поэтому общепризнанным в современной теоретической политологии является представление о политической культуре как особой форме ориентации субъектов и акторов политики на политическую систему. Следовательно, говоря о политической культуре, нельзя уйти от анализа ее как совокупности ориентаций. Политическая культура включает: 1) познавательные ориентации (т.е. знание о политической системе, ее ролях и носителях ролей, ее функционировании, «входах» и «выходах»); 2) эмоциональные ориентации (т.е. чувства, испытываемые к политической системе, ее функционированию и тем, кто ее олицетворяет); 3) оценочные ориентации (т.е. представления и суждения о политических объектах, опирающиеся на ценностные стандарты и критерии в сочетании с информацией и эмоциями) [1, 36]. Объектом ориентации выступают: политическая система как целое; структурно-функциональные элементы политической системы, т.е.: функции системы и ее институты (законодательные, исполнительные, судебные); носители функций (монарх, президент, депутат, министр и т.д.); направления государственной политики, политические решения, правительственные программы.

Политическая культура выступает и как сфера и как процесс коммуникации между обществом и теми центрами политической системы, в которых принимаются решения; в рамках политической культуры трансформируются в политические программы и лозунги требования общества (через

институты партий, групп интересов, выборов и т. д.). И одновременно она выступает как способ контроля над обществом.

Ориентации, являющиеся базовыми компонентами политической культуры, можно разделить по группам:

1. Ориентации относительно институтов государственного управления включают: а) ориентации относительно режима: как индивид оценивает и реагирует на основные государственные институты, их нормы, символы, официальных лиц. Операциональная характеристика этих ориентаций - вера в легитимность режима; рациональных и эмоциональных оценок основных политических учреждений и символов режима; включенность (мера участия) в политическую деятельность по поддержке или противостоянию режиму; б) ориентации относительно коммуникативных и институциональных успехов политической системы: как индивид оценивает и реагирует на различные требования по адресу государственной политики и на политические решения, принимаемые властями. Это предполагает, что индивид обладает знаниями о том, как проистекают процессы, какие требования он может выставлять правительству, насколько и как, по его мнению, может быть эффективной государственная политика.

2. Ориентация относительно всех других форм мотивации отношений и действий в рамках политической системы включает: а) политические идентификации, представляющие процессы «интериоризации» (сознательная установка «принять», сделать «своим») с нормами тех политических институтов, по отношению к которым индивид чувствует лояльность, обязательство и долг; политические образования и группы, относительно которых индивид настроен позитивно или негативно; политические образования и группы, в которые индивид вовлечен наиболее глубоко; б) политическая вера показывает, какой степени открытости и толерантности индивид достигает в своем самоощущении, участвуя вместе с другими в гражданской жизни; политическая вера отражает, прежде всего, убежденность индивида в своем знании о том, что другие индивиды или группы означают для него в рамках политических отношений или взаимодействий. На практике политическая вера проявляется в готовности сотрудничества, в членстве в партиях, в движениях, в декларации своего доверия к этим партиям и движениям; в) правила «игры в политическую культуру» требуют от индивида понимания, какие нормы должны соблюдаться в гражданской жизни; эти субъективные предпочтения могут совпадать (или не совпадать) с господствующим правопорядком и другими нормативными системами функционирования общества и предполагают сложившееся отношение к высказываемым мнениям по поводу политики; т.е. речь идет о концепции политических обязательств для самого себя и для других.

3. Ориентации индивида относительно своей собственной деятельности как участника политических процессов и акций включают (подразумевают): а) политическую компетентность - знание и понимание политических событий и их влияния на мир человека, интерес к политике, собственную политическую активность независимо от способа участия в общественной жизни; б) убежденность в значимости собственного политического действия индивида в возможности влиять на политический процесс, предполагающую веру в то, что власть ответственна за свои действия; такая убежденность неразрывно связана с верой в то, что политические изменения возможны.

Такое представление о политической культуре, сформировавшееся в рамках «ориентационной» парадигмы, выглядит действительно обоснованным и, главное, операциональным: оно позволяет представить динамику политических предпочтений общества, группы, даже отдельных индивидов. Несомненным достоинством созданной Г.Алмондом и С.Вербой (его многолетним соавтором) концепции является то, что она преодолевает разрыв между уровнями микро- и макроанализа политической жизни.

Трудности в разработке новой концепции политической культуры, с которыми столкнулись Г.Алмонд и С.Верба, были связаны с попыткой определить уровень политической культуры в соответствии с качеством и способами оценки и реакции индивида на политические решения, из которых Г.Алмонд и С.Верба стремились вывести «формулу» включенности, участия индивида, группы в политическом процессе. В дополненном и обновленном издании своей работы «The civic culture» - «The civic culture revisited: An analytic stady» [3, IX], авторы скорректировали свою позицию. Во введении Алмонд предлагает более совершенную матрицу для концепции политической культуры: он выделяет три объекта ориентации: политическая система; политический процесс; политическая власть (политические механизмы государственного аппарата власти и управления, функционирования и отправления власти). Г.Алмонд описывает три типа политической культуры: «культуру политической системы» («system culture»), «культуру политического процесса» («process culture») и «культуру политического управления» («politicy culture»). Совокупность этих трех типов политической культуры и являет собой то, что составляет гражданскую политическую культуру. «Политическая система», например, включает в себя: национальное сообщество, политические структуры, форму правления, политические авторитеты (авторитет - власть, которая узаконена и институционализирована).

Ориентация на перечисленные субобъекты позволяет выделить такие элементы политической культуры, как «национальная идентичность», «поддержка (или неподдержка) режима власти», «отношение к полити-

ческим авторитетам», «легитимность системы» и т.д. «Политический процесс» как объект ориентации - это, прежде всего - «другие», как акторы политики, а также отношение к себе как политическому актору. В данном случае оказывается возможным выделить такие компоненты политической культуры, как «политическая вера в других», «политическая компетентность», «коллективная («kooperative») компетентность» и т.д. Именно на основе последних компонентов как типов ориентации становится возможным вычленение трех типов политической культуры: парохиальной, подданнической, партисипаторной и различных их комбинаций. «Политическая власть» как объект ориентации, как направления государственной политики и управления, включает в себя цель политического действия, способ принятия решений и эффективность управления.

Ориентации на эти субобъекты формирует такие компоненты политической культуры, как «ожидания от политической системы», «ответственность власти». Таким образом, отношение между «объектами» политики и «ориентациями» на эти объекты порождает три основных измерения политической культуры: «культуру системы», «культуру процесса» и «культуру управления». Субъективное (психологическое) отношение к «объектам» политики как социальному феномену формирует комплексную структуру основных измерений и субизмерений политической культуры. Между тем это отношение еще не является исчерпывающим в цельной и комплексной структуре политической культуры индивида, социальных групп и национальных сообществ.

На самом деле отношение гораздо сложнее, и оно обуславливается еще одним аспектом политической культуры, а именно - способом анализа системных связей между основными измерениями и субизмерениями политической культуры. Однако даже эти уточнения не снимают вопроса об отношении политической культуры и политической идеологии – системы ценностей и пристрастий в их отношении к политической культуре. Не случайно многие исследователи воспроизводят определение политической культуры, данное еще в 1965 году С.Вербой: «Политическая культура общества представляет собой систему эмпирических верований, экспрессивных символов, ценностей, которые в совокупности и определяют ситуацию, в рамках которой осуществляется политическое действие.

Она (политическая культура) обеспечивает субъективную ориентацию по отношению к политике». Упор делается на подчеркивании того обстоятельства, что политическая культура - это, прежде всего система эмпирических верований людей относительно политики. И, естественно, далее, констатируется, что неотъемлемой частью политической культуры того или иного народа являются экспрессивные политические символы

(национальный флаг, гимн, герб и т.п.), а также система ценностей, как критерий, в первую очередь, желательной формы политического действия, желательного типа политической системы, политических институтов и способа управления обществом.

С.Верба настаивает на том, что политическая культура не сводится, например, к фактам взаимодействия (интеракции) политических акторов друг с другом, она не включает в себя и политические структуры (политические институты, партии, группы давления и т.д.), потому что политическая культура - это, прежде всего политическая вера, т.е. система ценностно-нормативных представлений о моделях политического взаимодействия и моделях политических институтов. Политическую культуру не следует воспринимать как объяснение того, что происходит в мире политики, она призвана объяснить, что люди думают о происходящем в мире политики, как они оценивают то, что происходит в сфере политики. Политическая культура, к тому же, не только объясняет поведение и политические позиции людей, но и регулирует способы их поведения (например, будет ли конфликт решаться насильственно или мирно, на путях диалога - прямо зависит от политической культуры населения конкретной страны), неких исходных политических представлений, которые С.Верба относит к разряду «примитивных» политических верований. По своей природе эти постулаты таковы, что они принимаются беспрекословно, и каждый индивид, который их придерживается, считает, что точно так же их разделяют и другие люди. Это краеугольные предпосылки или постулаты относительно политики. С.Верба анализирует в связи с этим отношения между политической культурой и культурой как таковой. Он приходит к выводу, что некоторые основополагающие верования, нормы и ценности в рамках той или иной культуры играют решающую роль в формировании конкретной политической культуры. Представления о природе человека, отношения человека и природы, представления о времени, о деятельности человека, об отношениях, складывающихся в обществе, на самом деле, чрезвычайно важны для формирования и структурирования политической культуры. Политическая культура населения той или иной страны влияет на то, насколько эффективно или неэффективно функционирует политическая система. В конце концов, своей «невидимой рукой» политическая культура или способствует стабильности политической системы или, напротив, как эрозия, постепенно подтачивает и разрушает ее.

Однако такой подход к политической культуре, хотя и определяет пространство исследования, т. е. методологически задает его границы, все-таки не предлагает такой модели политической культуры, которая зафиксировала бы реальные различия политических установок многих акторов данной

политической системы и способов их опосредования в ценностях данной политической культуры. Именно это и имеет в виду французский критик позиции Алмонда и Вербы Ж.-М.Денкэн, когда пишет о том, „пространство вопросов" Алмонд и Верба определили, но не разъяснили». Конкретно замечания и возражения Денкэна вызвали: нормативный характер их позиции, связанный с тем, что идеалом политической культуры ими признается культура демократическая; рассмотрение национальных культур как органично целостных без учета социальных, региональных, этнических, лингвистических различий, имеющих место в этих культурах; произвольное дистанцирование политической культуры от культуры общества в целом. Оно недопустимо потому, что смысл вопроса и, следовательно, ответа априорно различается в силу глубоко различных культурных контекстов; чрезмерный акцент на эмпирические характеристики в методе Алмонда и Вербы: эти теоретики избегают анализа тех моментов политической культуры, которые не даны; они ограничиваются конкретным политологическим исследованием. Между тем их центральные категории позволяют «описать» и охарактеризовать многое в политической культуре, но для этого установки операциональной модели политической культуры следует расширить, «добавить» теоретической рефлексии [11, 72-74].

К вопросу о необходимых теоретических дополнениях мы еще вернемся. Сейчас же ограничимся следующими замечаниями. «Ориентационная» парадигма - это не что иное, как одна из реализаций установок нормативно-ценностного подхода. Современные западные теоретики политической культуры следуют в изучении политических культур и идеологий логике, намеченной М.Вебером [18, 23]. Поэтому в своем анализе политической культуры они сосредотачиваются на изучении иллюзий, предрассудков, предубеждений, феноменов национального характера и идеологии; идеальной сферы жизни общества, если существуют некие обобщенные параметры их оценки и систематизации. Но тогда многие явления и процессы, характерные, например, для русской политической культуры XIX века, просто выпадают из общей логики рассмотрения, потому что они еще не обработаны, не осмысленны в концептуальной парадигме М.Вебера («классическим» исключением можно считать веберовскую трактовку революционных событий в России). Однако в современных отечественных исследованиях по истории политической мысли, да и просто по политической истории мы все чаще сталкиваемся с попытками приравнять к веберовской концепции «идеального типа» классификации разных политических культур, как они существовали в России. Классификации, которые в свое время были предложены историками, общественными мыслителями (П.Н.Милюковым, П.Б.Струве, А.Н.Потресовым, Г.В.Плехановым), руководствовавшимися принципиально иными подходами к их исследованию.

Вместе с тем нельзя не отметить, что и парадигма «идеальных типов» М.Вебера оказалась продуктивной для отечественных исследователей. Примером может служить книга К.Касьяновой «О русском национальном характере» [12].[1] В ее работе нормативно-ценностный подход не исчерпывается социологическим анализом, а выводит на уровень обобщений практической, моральной философии. В связи с этим снова встает вопрос о точности политического аспекта, среза анализа культурных, духовных феноменов, выступающих существенными, системообразующими моментами в исследовании реалий политической культуры в их целостности и самодостаточности.

Мы вновь возвращаемся к проблеме, неизбежно возникающей в тот самый момент, когда речь заходит о духовных, ценностных, цивилизационных, гуманистических ориентирах политической деятельности: в какой мере допустимо использование философской аксиоматики и методологии, как далеко может увести от решения конкретно-теоретических политических задач философское осмысление базовых составляющих политической культуры? Собственно философская рефлексия политики изначально предполагает теоретическое обоснование явления политической культуры, его структуры, функций, становления, а также масштабы предвидения, трансформации, изменения. Поэтому, на наш взгляд, именно философское осмысление конкретной политической культуры как культуры цивилизации, эпохи, народа должно стать основой исследования культуры как прогрессивной или регрессивной, демократической или авторитарной.

Конечно, существует определенная специфика в ряде работ по политической социологии, концептуально анализирующих реальные политичес-

---

[1] *Работа была написана ею в 1983 году и опубликована в 1994 году. Даже по прошествии почти двадцати лет основные концептуальные положения и многие утверждения этого автора не устарели. По сути, проблемы личностного статуса, правопорядка, религиозных основ жизни русского общества, его обрядности, символики и мифотворчества как обусловливающих активность различных сил общества и многие другие, о которых пишет Касьянова, вполне могут рассматриваться как идеальная типология анализа кризисных процессов в русском обществе, так как сложности, с которыми мы сталкиваемся в политической сфере - это сложности сопровождающие всю нашу историю как общества русской модерности. Исследуя характерные психологические и культурные особенности русского этноса и этоса (институализированных как моральные нормы традиций и образа жизни данного общества), К.Касьянова осуществила редкий по оригинальности анализ политической культуры русского народа, рассмотрев структурные элементы, механизмы формирования и генезиса национального самосознания в связи с политической практикой России, место и роль интеллигенции в этом процессе, культурные основания (архетипы, «модальные» личности, ценностные ориентации и т.д.) политики. И все это с опорой на «авторитет» классиков политологии, социологии, антропологии (М.Вебера, Э.Дюркгейма, Т.Парсонса, Ч.Кули, К.Леви-Стросса и др.), а также широкий круг отечественных мыслителей (от Герцена до Флоренского).*

кие системы (ярким примером таких работ являются труды Р.Даля, Г.Алмонда, С.Вербы, Р.Дарендорфа и др.). Они отличаются от большинства трудов по политической философии, которые в своих рассуждениях о политической культуре ориентированы на поиск оптимального, справедливого политического строя [28].[2]

Г.К.Ашин подчеркивает, что «для политической философии характерен нормативный, ценностный подход к политическим системам и политическим отношениям, она складывалась как наука о должном в политике, о справедливых, оптимальных политических системах, о природе политических отношений, об их месте в структуре общества. И если политическая философия ориентирована на поиски норматива, то, в отличие от этого, политическая социология описывает и анализирует реальные политические системы, которые могут разительно отличаться от норматива» [5, 255-256].

Важно, что и политическая философия (в этом мы согласны с Г.К.Ашиным) использует «идеально-типическую» методологию социологического анализа политики М.Вебером для объяснения политического процесса. По аналогии с ситуацией в естествознании, веберовскую социологию часто приводят в качестве примера неклассического типа научности, сравнивая его в этом отношении с Эйнштейном (в качестве же «классического» - используют пример контовского проекта «новой науки» об обществе или же теоретико-методологический синтез Т.Парсонса). На это наталкивает само понимание Вебером научности социологического, гуманитарного знания о политике, декларирующее отказ размышлять о мире общественных отношений как о видимости в отличие от сущности, о существовании в отличие от сущего. Вебер дал знанию об обществе в целом и политической науке, в частности, новое видение бытийственности мира как его посюсторонности и повседневности. Поэтому и та реальность, с которой хотела иметь дело наука об обществе и политике, предстала как абсолютное многообразие неповторимо-индивидуальных явлений. Это многообразие ученый может упорядочивать, типологизировать с помощью понятий, принятых за

---

[2] *О потребности политики в философском смысле прекрасно сказал Т.С.Элиот, характеризуя состояние дел в области политической теории, которая, по его убеждению, склонна «формировать умы, которые привыкнут мыслить лишь в пределах безличных и бесчеловечных сил; тем самым она склонна и обезчеловечивать тех, кто ее изучает» [28, 119]. При всех ее достоинствах, операциональная трактовка политики изучает человечество как «массу», отстраняется от этики; тесно связанная с экономикой и социологией современная политическая мысль считает себя владычицей точных наук; изучает абстракции, выдуманные для удобства мышления, а не человеческую личность; точные и опытные науки рассматривает с точки зрения полезности, их результаты - как увеличивающие или уменьшающие комфортность жизни, культуру же - как ничтожный побочный продукт, либо как раздел жизни, «устрояемый в соответствии с системой, которой отдается предпочтение» [28, 120].*

базовые характеристики, за «идеальные типы», социология (во всяком случае, как теоретическая социология) имеет дело всего лишь с мысленными конструкциями, эмпирически они не фиксируются. Все, что Вебер говорит о социологии, мы признаем справедливым и по отношению к политическому знанию.

В лице политологических доктрин теоретическая политология имеет дело с историческими явлениями и процессами. Их реальность с каждом конкретном случае неповторимо-уникальна; они концептуализируются в понятиях; объективность и общезначимость этих понятий имеет свой источник не в природе, а в культуре с ее универсальными ценностями; индивиды выбирают эти ценности свободно и утверждают свой выбор в акте сознательно осуществленных в соответствии с этой ценностной установкой действий; атрибутом «действительности» обладают лишь индивидуально-определенные действия людей и их, опять же, неповторимые сочетания, «констелляции» этих действий. «Научность» политологии, если следовать мысли Вебера, и состоит в том, чтобы редуцировать общезначимые понятия - «государство», «власть» и т.п. к индивидуальным человеческим действиям, мотивированным рационально (исходя из ценностной установки), исходя из их конкретно неповторимого и уникального сочетания («констелляции»).

Что же касается универсальных категорий, «всеобщего» (коллективного субъекта и пр.), то скептицизм Вебера и его последователей по отношению этим универсалиям был вызван (или провоцировался), прежде всего, тем, что теоретики, защищавшие идею объективности общественного развития как объективно существующую реальность и главный предмет знания об обществе (классические примеры в социологии - К.Маркс, Э.Дюркгейм [14][3] стремились представить ту или иную универсальную, т.е. смоделированную ими категорию и концепт всеобщности (деятельнос-

[3] «Манифест Коммунистической партии», написанный К.Марксом и Ф.Энгельсом в заканчивается словами: «Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Манифест предлагал модель политической практики для коллективного субъекта - социального класса промышленного пролетариата. При помощи этого методологического приема Маркс и Энгельс оценивали реальную ситуацию в индустриальном обществе, но не в конкретном национальном государстве, принадлежащего к определенной культуре, цивилизации, подчиняющегося конкретному политическому укладу. Этот класс рассматривается ими как абстракция, подобная абстракции «человечество», «человеческий род». Но исходная посылка «Манифеста» - неизбежность для всех эпох и народов наступления промышленного капитализма, достижения этой стадии всеми еще не вступившими на этот путь обществами. При помощи такого приема Маркс и Энгельс и обосновывают универсальную, всемирно-историческую роль рабочего класса. [14, 459; 24, 94–95].

ти коллективных субъектов истории) за отражение самой общественной реальности, за внутренне присущую ей закономерность [16, 49-65; 17].

Подобное гипостазирование (возведение в ранг абсолюта) всеобщих характеристик общества и культуры приводит к тому, что всеобщие понятия типа «класс», «капитал», «общественный субъект» начинают играть в социальной теории роль своего рода палочки-выручалочки. С точки зрения методологических установок концепции идеальных типов Вебера, некоторые из этих абстракций могут сыграть положительную роль, но только в том случае, если их рассматривать и применять в соответствии с реальным предназначением, т. е. как теоретические концепты, имеющие чисто эвристический смысл. Все эти понятия призваны упорядочить в теории видение того или иного фрагмента бесконечно многообразной действительности.

Таким образом, по Веберу, критерием, признаками «научности» социального знания выступают три негативные установки: (1) оно не должно выдавать свои идеально-типические понятия за «отражение» или «выражение» самой действительности, ее «законов». (2) Оно не должно претендовать на что-то большее, чем выяснение причин того или иного уже свершившегося события, т.е. на выявление в исторически уникальной констелляции образовавших его факторов (духовных, материальных, правовых, политических и т.д. и т.п.), тех факторов, отсутствие которых в сходных ситуациях не исключает возникновения аналогичного события. (3) Ученый не должен забывать о том, что его теории и понятия вовсе не являются результатом интеллектуального произвола. Ибо сама эта интеллектуальная деятельность подчинена определенным нормам (прежде всего законам формально-логического моделирования). С другой стороны эти нормы подчинены высшему принципу - принципу долженствования, который конкретизируется в системе высших человеческих ценностей. Именно отнесение эмпирии к этим ценностям, задающим общее направление всякого человеческого целеполагания, лежит в основе механизма интеллектуальной деятельности. Изменение же ценностных предпочтений определяется, в конечном счете, «интересами эпохи» - т.е. обусловлены социально-исторически, социокультурно [10, 15-16].

Итак, концепция идеальных типов Вебера позволяет учитывать и вводить в ткань политологического анализа самые разнообразные (нравственные, религиозные) нормы как объективные и самодостаточные основания для объяснения идеального целеполагания в социальной практике – истории и в самом историческом процессе как продукте и результате многообразной деятельности преследующих свои разноплановые и порой противоречивые интересы индивидов.

Всякое качество явления, которое мы относим к социальному, политическому, как отмечал М. Вебер, не присуще ему объективно. Оно обуслов-

лено направленностью нашего познавательного интереса, формирующегося в рамках культурного значения, которое мы придаем тому или иному событию в каждом отдельном случае. Явление обретает собственно политическое содержание только через приписывание ему значений. Использование в этих целях определенных оценочных структур, есть механизм формирования политического факта как такового. Идеальный компонент морфологически закреплен в политическом факте, политика может рассматриваться как социальный артефакт, формирующийся в процессе креации мысли, продуцирования и перемещения явлений сознания в практическую плоскость. Символы являются формой смыслополагания, через символы социальные объекты наделяются в политике необходимыми для коммуникации и взаимодействия значениями. Символы обеспечивают человеку возможность рассматривать конкретные факты как проявление образа мира политического в целом. Символы опосредуют механизмы идентификации, ролевое позиционирование индивидов и групп в политическом пространстве. Существует нормативно-символическая сфера, отображающая субъективный и субъектный контекст мира политики. В эту сферу входят и процессы фиксации политических менталитетов, идеологий, ценностей.

Нормативно-символические конструкции функционируют в современном мире на рефлективном уровне преимущественно в виде систематизированных представлений. Все большее значение в политической культуре обществ, начиная с Нового времени, играют идеологии. В виду этого, представляется целесообразным акцентировать внимание именно на идеологическом компоненте политической культуры. Методологическое значение в этой связи приобретает проблема отношения идейного комплекса, как он присутствует в том или ином общественно-политическом движении и собственно идеологического, основанного на нормативно-этической системе мышления. В данном анализе мы следуем определению идеологии как идейного комплекса, основанного на нормативно-этическом мышлении (К.Манхейм).

Масштабы и фундированность идейно-мировоззренческого комплекса в рамках той или иной политической культуры существенно влияют на нормативно-символическую сферу политики. Политические идеологии, утверждая то или иное понимание мира как приоритетное для данной социальной группы, данной формы властеотношений несли в себе ориентацию на трансформацию мира в соответствии с собственным проектом.

Рационально обосновывая открытость, интерес к задачам общественного преобразования, они концепировали и концептуализировали отношения общества, его групп и страт к миру политики, активизировали стремление к идеалам мира и общества будущего, как они осуществляются политическими средствами, стимулировали сознательное участие в политике

как инструменте масштабных общественных изменений. С появлением идеологий как системообразующих моментов политической культуры одним из механизмов политической эволюции общества оказывается его групповая консолидация или размежевание в процессах идеологической конфронтации. В свете сказанного, даже учитывая всю сложность и неопределенность концепта «политическая культура», под этим термином можно подразумевать, например, совокупность политических идеалов, ценностных ориентаций, установок и стиля действия различных социальных общностей в их отношениях с властью.

В этой связи снова встает вопрос о взаимоотношении «философского» и «идеологического» пластов политической культуры.[4]

При ближайшем рассмотрении оказывается, что на содержательном уровне между идеями социально-политической философии и идеологическими постулатами трудно провести точное размежевание - одно и то же содержание рассматривается в разных аспектах: философия рефлектирует и существование и смысл, идеология удовлетворяется тем, что выстраивает связи этих смыслов с интересами и ориентируется на действие по осуществлению интереса, мотива.

Другими словами, философию можно обозначить как критический, диагностический элемент культуры, который стремится принять форму систематического дискурсивного знания. Средствами идеологии высшие философские идеи превращаются в идеалы конкретного политического процесса, как он совершается конкретным историческим актором.

Однако решение вопроса о ценностях как составляющих элементах политической культуры нельзя свести только к философской рефлексии ценностей и идеалов и к изучению этой рефлексии в рамках политической науки. Чрезвычайно важными представляются и эмпирические, исчислимые при помощи конкретно-социологических методик, основания политической культуры, как они присутствуют в повседневных представлениях о каждодневной политике, которые Э.Гидденс назвал «здравым смыслом» или «внутренним знанием». Строго говоря, он зафиксировал факт невозможности изучения социально-политических явлений (в том числе, может быть, в первую очередь, феномена политической культуры) только исходя из философских концептов политического, забывая о среде существования этих идей, повседневной жизни государств и граждан, ориентирующихся на существующие идеологические клише (установки), представления обыденного сознания и здравого смысла.

---

[4] *Можно согласиться с трактовкой, согласно которой элементами феномена «политическая культура являются «миф» (в смысле иррационального, бессознательного начала культуры), «идеология» (в узком и конкретном значении этого слова) и «философия» (обосновывающая идеалы и ценности).*

Американский историк и советолог Р.С.Такер (не менее известный на Западе исследователь политической культуры, чем Г.Алмонд) много лет пытающийся решить «вопросы о подходе и понятиях», касающиеся «масштабов концепции политической культуры», размышляет о том «можно ли говорить о политической культуре „как об автономной части общего целого культуры общества“ [23, 78].

В позиции Р.Такера привлекают внимание два взаимосвязанных аспекта. Во-первых, аргументация преимуществ культурологического подхода к политической культуре (в отличие от господствующего в политологии системного или же узко-психологического), во-вторых, критический анализ концепции политической культуры Алмонда, в ходе которого Такер формулирует ряд вопросов методологического характера, принципиальных для уточнения концептуальной парадигмы политической культуры.

Как считает Такер, Г.Алмонд и его последователи сосредоточили свое внимание только на одном (хотя и чрезвычайно важном) аспекте политической культуры, а именно - субъективном (а в ряде случаев и чисто психологическом), характеризуя политическую культуру как «комплекс намерений и целей» акторов политики.[5] При этом трансляционная и коммуникативная функция политической культуры выпали из поля зрения сторонников функциональной трактовки политики как несущественные. Объясняется это тем, что видение политической культуры Алмондом формировалось как побочный результат его поиска, оно вторично по отношению к главной цели его анализа - создать типологию политических систем. Поэтому для Алмонда аксиомами являются положения о том, что: (1) политическая система любого общества включена в его политическую культуру, (2) модель общественных ориентаций на политические действия образует «особую в известной мере, автономную сферу политической культуры» [23, 77-78]. В своей критике взглядов Алмонда Р.Такер сосредотачивается на двух вопросах: о границах применения концепции Г.Алмонда к реалиям различных политических культур и на вопросе об «автономности» политической культуры как ее самодостаточности. Эти вопросы имеют ключевое значение для поиска новых методологических установок в содержательном и компаративном анализе политических культур.

Отталкиваясь от точки зрения Такера, попытаемся сформулировать собственную позицию. В связи с чем, как нам кажется, правомерно «дополнить» предложенные выше характеристики политической культуры.

---

[5] *Эта тенденция, считает Такер, наиболее последовательно выражена в формуле Вербы (1965): «Политическую культуру общества образуют система эмпирических верований, эмоциональные символы и ценности, определяющие ситуацию, в которой происходят политические действия. Это привносит субъективный элемент в политическую жизнь» [23, 78]*

Несколько предварительных замечаний. Политическую культуру с позиций социокультурного детерминизма в последние годы в отечественной политологии анализировали В.В.Бочаров, И.В.Василенко, К.С.Гаджиев, И.Б.Градинар, Л.Е.Куббель, К.Касьянова, А.С.Панарин, В.А.Решетников, А.И.Соловьев, Н.Г.Щербинина и др. В их работах даже в рамках единого подхода обнаруживаются существенные, на наш взгляд, нюансы в интерпретации политической культуры. Так А.И.Соловьев, определяет в своих работах политическую культуру как обусловленный ценностными представлениями человека о политических явлениях и воплощенный на практике кодекс поведения, или стиль властной деятельности (и в этом отношении как способ формирования и самоосуществления личности, класса, нации, народа в качестве субъекта политической власти); он исходит из того, что специфика политической культуры связана именно с воплощением мировоззренческих ориентаций в типичных для человека поступках. Политическая культура отличается от политического сознания тем, что отображает только внутренне значимые для человека идеальные побуждения - его ценностные и мировоззренческие ориентиры, основывается на глубинных, интериорных пластах человеческого мышления; т.е. в политической культуре раскрывается более сложное содержание отношений власти и их субъективной сферы [21; 22]. Именно это обстоятельство, подкрепляющееся тем, что собственно политические ценности, составляющие ядро политической культуры, испытывают самое активное влияние других мировоззренческих представлений, вносящих в них помимо рациональных соображений также и иррациональные установки, позволило исследователю придти к плодотворному для концепции политической культуры выводу о противоречивости политической культуры, причудливо соединяющей причинно обусловленные и индетерминистские элементы, ситуативные и внеситуативные мотивации. По мнению А.И.Соловьева, политическая культура воплощает не только консенсус, но и расхождения между глубинными и спонтанными смыслами и мотивами гражданского поведения, несовпадение убеждений и поступков.

Сегодня отечественные политологи все чаще говорят об ограниченности причинно-следственного объяснения политической культуры в духе экономического детерминизма; о поверхностности взглядов, «традиционно отдающих пальму первенства господствующим социально-экономическим отношениям» [21, 43]. Они пришли к единому мнению и в вопросе о том, каким конструктивным установкам при исследовании реалий политической культуры важно следовать. Это, прежде всего положение о том, что для политической культуры «истины» ценностных воззрений представляют интерес не сами по себе (принципиально не важно, насколько адекватно данные политические культуры, к примеру, отображают политические и

социальные интересы); они важны в своем функциональном качестве, как действенные, «работающие» идеи, как представления, которые стремятся реализовать в жизнь участники политического процесса.

Такой подход к анализу политических явлений - сквозь призму культуры позволяет выявить, каким образом цели и принципы, нормы и установки класса, нации, группы, поколения и т.д. «растворяются» в политических качествах человека, «умирают» в привычных для человека актах мыслительной и практической активности, в предпочитаемых им образцах поведения, в реальных взаимодействиях власти и общества.

Своеобразное компромиссное решение проблемы политической культуры в отечественной политологии (консенсус достигается между объяснениями явлений политической культуры в традициях структурно-функционального подхода к политике и ее ценностно-нормативной трактовкой) является видение политической культуры К.С.Гаджиевым. В ряде своих работ он «в духе Алмонда» характеризует политическую культуру как «ценностно-нормативную систему, которая разделяется большинством населения в качестве субъекта политического сообщества» [4; 5; 6; 7]. Придерживаясь в целом, и оставаясь в рамках ценностно-нормативной трактовки этого феномена, Гаджиев подчеркнул тесную связь политического поведения и политической культуры [7, 339], сумев избежать односторонности характеристик и оценок.

С точки зрения Гаджиева, политическая культура - это, прежде всего, «интегральная часть социокультурной системы», составляющая, с одной стороны, «в некотором роде этос, или дух, который одушевляет формальные политические институты», с другой, - определяющая и предписывающая «нормы поведения и правила игры в политической сфере» [7, 336-337], в чем, по-видимому, и выражается ценностный характер и нормативность политической культуры. Представляя культуру как «некую структуру определенной совокупности значений, с помощью которых люди формируют свой опыт», Гаджиев вслед за Гиртцем вычленяет «значения, имеющие отношения к миру политики» [8, 33-54; 4, 115-138, 171-200], другими словами, составные элементы и компоненты политической культуры, иерархия которых (по степени «фундаментальности», но не важности) выглядит следующим образом.

Во-первых, «сформировавшиеся в течение многих десятилетий и поколений политической традиции, действующие нормы политической практики, идеи, концепции и убеждения о взаимоотношениях между различными общественно-политическими институтами и т.д.» [7, 337].

Во-вторых, «определенные ориентации и установки людей в отношении существующей системы в целом, составляющих ее институтов и важнейших правил игры, принципов взаимоотношений отдельного человека,

общества и государства» [7, 337-338]. Здесь - широкий спектр традиций, обычаев, стереотипов, мифов, установок и т.д. общекультурного свойства, которые «переплавляются» в «базовые убеждения, установки, ориентации, символы, обращенные на политическую систему» [7, 337-338]. Что касается функций политической культуры, то, по мнению Гаджиева, важнейшей, определяющей суть политической культуры, является функция обеспечения легитимности, или «легитимизации» существующего политического порядка. При этом он совершенно справедливо указывает на неправомерность рассмотрения политической культуры как системы, включающей только широко разделяемые в обществе ценности, убеждения и символы, ограничения ее лишь «позитивными» установками в отношении существующей политической системы, неправомерность игнорирования групп, выступающих за изменение существующего порядка вещей, подчеркивает значение выделения «расхождений в политических убеждениях различных групп в рамках каждой политической системы» [7, 339].

В принципе, политическую культуру можно и нужно рассматривать в единстве двух сторон, взаимосвязанных и нераздельных - 1) совокупности моделей образа жизни и действий и 2) состояния умов, определяющего эти модели и подкрепляющего их. Или другими словами, в единстве «реальных» и «идеальных» моделей культуры - если под «реальными моделями культуры» понимается «ограниченный круг норм поведения, в рамках которых обычно происходят реакции членов общества», а «идеальные модели культуры» представляются результатом «консенсуса мнений относительно того, как следует вести себя членам общества в различных ситуациях» [23, 78].[6] Гипостазируя субъективную, «идеальную» сторону политической культуры, Алмонд, а вслед за ними многие политологи, отходят от представления о культуре, как опыте жизни общества, социально усваиваемом и передаваемом новым поколениям, опыте, включающим и культурную деятельность человека, и связанные с этой деятельностью ощущения и мысли.[7]

---

[6] *Такер в данном вопросе следует концепции Р.Линтона, предложившего «деление» культуры на «идеальные» и «реальные» модели, а также Р.Фейгена, по сути различавшего поведенческие аспекты культуры и ее нормы.*

[7] *Различия позиций сторонников и противников Г.Алмонда в вопросе о политической культуре можно проиллюстрировать примером. Представим, что где-то, в стране «X», подавляющее большинство граждан полагают, что правительственный чиновник поступает плохо, беря взятки; допустим при этом, что чиновники, по обыкновению, все же берут взятки. С точки зрения психологического подхода, убежденность граждан в том, что взяточничество это зло и порок бюрократии, составляет часть политической культуры, а модель поведения чиновников, берущих взятки, частью этой культуры не является. Сторонники подхода к политической культуре Г.Алмонда будут трактовать ситуацию как противоречие между политической культурой (автономной, идеальной, и*

Исследуя эвристические возможности разных концепций политической культуры, важно, прежде всего, определиться в отношении тех функций, которые призван выполнять сам концепт «политическая культура». Служит ли он для объяснения политических процессов и феноменов, попадающих под параметры явлений политической культуры?

Вторая трудность связана с представлением об автономности и самодостаточности любой политической культуры, рассматриваемой в пространстве политической системы, где данная политическая культура функционирует. Прежде чем мы согласимся с предположением, что политическая культура обусловлена исключительно индивидуальными, внутренними мотивациями участника и субъекта политики или сделаем выбор в пользу подхода, допускающего существование идеально-типических моделей политического поведения, так или иначе должен быть решен вопрос: обладает ли политическая культура самостоятельностью, автономией? Принимая во внимание, что в каждом конкретном обществе сосуществуют различные типы и формы культур, закономерен вопрос: а так уж важно исходить в анализе конкретной политической культуры из предпосылки, согласно которой в общественной жизни сфера политического должна рассматриваться в своей обособленности и самостоятельности?

Многие исследователи выводят автономность политики из самостоятельности религии, экономики, политики и искусства, возникающих как обособленные сферы жизни западного социума. Они видят в появлении «самостоятельного» мира политических институтов и политического теоретизирования характерную черту в развитии именно западной культуры, пример удаленности от холистического состояния культуры ее «приходского» состояния (Г.Алмонд), при котором политика, религия и мораль слиты воедино, взаимно переплетаются.[8] Встает очередной вопрос - а не предполагает ли констатация самодостаточности политической культуры пристрастного отношения к культуре современного западного мира? В свете примеров культур Византии, ислама и средневекового христианства, где государство и церковь выступали в одном лице, а сама политическая куль-

реальной практикой взяточничества), хотя понятно, что сама реальная модель коррумпированного поведения бюрократии обусловлена и общей политической культурой, в которой присутствует предположение возможности давать и брать взятки, причем заложено оно вполне осознанно. С этой точки зрения более корректной представляется трактовка ситуации, предложенная Такером, аргументировавшим положение о проявлении противоречий внутри политической культуры между убежденностью граждан и моделью поведения бюрократии, а не между самой политической культурой и моделью поведения.

[8] *Уже в двадцатые-тридцатые годы XX века в своей книге «Политическая романтика» К.Шмитт предостерегал против теологического подхода к политике, который может только препятствовать политической прагматике. [27]*

тура была неотъемлемой частью религиозной культуры, подобные утверждения об «автономности» политической культуры, могут выступать лишь «идеологическим выражением исключительности современной культуры Запада» [23, 79-80].

Рассмотрение политической культуры как принципиально отличной от других форм, образующих самостоятельную сферу культуры, приводит к мысли о несовершенстве самой концепции политической культуры. На первый взгляд кажется, что можно было бы просто отказаться от этого понятия и теории в пользу изучения «политических институтов», «идеологии», «идеалов» и т.п. в политике. Однако, как представляется, можно сохранить понятие политической культуры, если сам вопрос о политической культуре увязать в рамках политологии с концептуальными основами сравнительного анализа, исследующего среди прочих тем и политическую жизнь с точки зрения сравнения, компаратива ее разных культурных ареалов. В качестве исследовательской стратегии можно предложить подход, сознательно использующий концепцию политической культуры – культурологический подход к анализу политической жизни.

В рамках культурологического подхода могут по-разному применяться сравнительные методы и методики. Один из способов предполагает конструирование абстрактной «модели» культуры политического строя (феодального, буржуазного, коммунистического и т.п.) путем обобщения его главных особенностей после легитимности этого строя в различных странах и последующего наложения этой модели (матрицы) на конкретные случаи из сферы реальной политики; по сути, речь идет о фиксации и анализе отклонений от абстрактной модели в каждом конкретном случае.

Другой, более привлекательный, заключается в привнесении приемов историзма в политическую компаративистику, предполагает акцент на явлениях, сопровождающих трансляцию, распространение и диффузию культур. Следуя этой установке, принципиально важно знать, что, например, восприняла политическая культура России из собственного политико-культурного наследия.

Рассмотрение политического процесса сквозь призму культурных установок, признанных обществом жизненно важными, дает многие преимущества в исследовании разных политических культур. Но он имеет и массу недостатков. Недостатки - в том, что всегда не хватает фактических данных, в том, что историзм может увести от создания обобщенной теоретической модели в структурном ее понимании; сам метод анализа специфики явлений политики как культурно обусловленных дает конструктивные результаты только на уровне конкретно-теоретического анализа, когда исследуются локальные процессы и явления и не требуются масштабные обобщения.

Явные преимущества совмещения анализа конкретной культуры и политических процессов просматривается, когда речь идет о генезисе и становлении социально-политических движений, ориентированных на социальные изменения и общественные трансформации.

Такие движения возникают в условиях, неблагоприятных для жизни и благополучия значительных масс людей. Но официальной властью эти условия не воспринимаются как порождающие «проблемную ситуацию», поэтому «несмотря на возможность изменений (которые могут означать все что угодно, от улучшения ситуации до ее устранения)… не предпринимается никаких действий для осуществления перемен» [23, 87]. Другими словами, это условия, необходимые и достаточные для возникновения «движений за перемены», т.е. движений, оппозиционных правящему режиму. К таким условиям следует отнести и неблагоприятные ситуации, ущемляющие жизненные интересы масс людей (в экономике, социальной политике, власти) и бездействие властей (т.е. «проблемная ситуация» по типу - верхи «не хотят», а низы «не могут»).

Поэтому для анализа политики с привлечением культурной компаративистики и важно различать две большие составляющие культуры: так называемую реальную форму культуры, т.е. образ жизни, складывающийся в опоре на обычаи, транслируемые в доминантной социальной практике; и идеальную форму культуры, т.е. доминирующие в обществе верования, ценности, нормы жизни. Рассматривая процесс взаимодействия реальных и идеальных форм культуры под углом зрения социализации, можно прийти к выводу, что несоответствия между ними смягчаются и сглаживаются именно в процессе социализации. Большинство людей становятся конформистами и живут в соответствии с кодексом культуры своего общества. Лишь очень немногие люди, обладая потенциалом и мотивацией для развития и реализации своих способностей, часто с помощью самообразования выходят за существующие культурные рамки, вырастая из них.

Немногие могут выйти за рамки традиционной культуры, господствующей в обществе и лишь отдельные люди вполне осознанно могут противостоять ей. Эти люди уходят от социализации. Но для этого они должны уйти от доминантной культуры, исследовать опыт других культур, а это невозможно без доступа к другой культуре, формы жизни и верований которой отличаются от господствующих форм. Индивидуальное освобождение от устоявшихся традиций с помощью погружения в другую культуру означает личный контакт с этой культурой (путешествие, обучение) или виртуальное общение и освоение.

Разрыв индивида с господствующими в обществе культурными традициями (одной или несколькими) - явление в рамках эволюции индустриальной цивилизации достаточно тривиальное. Этот разрыв совершается

практически ежедневно, он то, как раз и является наиболее характерным для спокойно развивающегося, стабильного в социальном плане общества. Однако разрыв с культурой может быть вынужденным, приобретающим массовый характер; это уже ситуация кризисного общества, где изменяются внутренние связи, выстраивается новая структура. Примером такого разрыва может служить история разночинства в России в период разложения сословного общества. Этот процесс соединил разные социальные группы - крестьян, дворян, мещан, затронул другие слои общества - они рекрутировали своих представителей в новый слой, частью которого и стала разночинная интеллигенция.

Эти рассуждения вписываются в более широкий контекст: под углом зрения социализации можно выделить два основных слоя политической культуры (что принципиально важно для обоснования ее методологических функций).

Во-первых, это архетипические образцы поведения, нормы-правила общественной жизни, которые человек, приходя в этот мир, застает как данные. Этот пласт общественной жизни, складывающийся веками и передающийся из поколения в поколение, можно обозначить как область бессознательного, хочет того или нет человек, но архетипы присутствуют в глубинах его подсознания (механизмы элиминации бессознательного описаны в многочисленной литературе по психоанализу). Вопрос о трансляции этих феноменов в современной науке остается дискуссионным. По крайней мере, два полюса решения этого вопроса - «квазибиологический», предполагающий наличие генетических механизмов передачи социальной (исторической) памяти (крайнее выражение - тезис о «запрограммированности» поведения человека), и «квазисоциологический», рассматривающий человека как разумного реципиента потока внешней информации, оформленной как определенная знаковая система (на основе этой информации индивид и выстраивает осознанные алгоритмы своего поведения), имеют своих ярких приверженцев и оппонентов в политической психологии [25; 26].[9]

Во-вторых, благоприобретенные ценности, ориентации, смыслы и т.п. - как результат целенаправленного, сознательного воздействия - воспитания или самовоспитания личности. Они вторичны по отношению к архетипам, и в некоторых случаях архетипы определяют эти смыслы, а в других – под-

---

[9] *Хотя, на наш взгляд, если не гипостазировать генетические или же исторические механизмы трансляции культурного опыта человечества (а именно об этом должна вестись речь), то и смутно уловимые глубинные генетические, и лежащие на поверхности историко-культурные воздействия на человека (а, говоря шире, и нацию - как коллективного человека) в процессе социализации индивида или же идентификации нации отчетливо проявляют себя в социальном характере, обусловленном как объективными, так и субъективными предпосылками-условиями.*

крепляют их (но никогда не противоречат). Там, где существуют несоответствия между реальными и идеальными моделями культуры, т.е. между тем, как люди обычно ведут себя, и тем, как, по их мнению, следует себя вести, или же между общепринятыми принципами и преобладающей в обществе практикой, социализация как бы готовит к ним новые поколения. Те, кто ушел от социализации, «культурные диссиденты», становятся неофициальными лидерами, если артикулируют, аргументируют возникновение той или иной «проблемной ситуации» и предлагают политические рецепты ее разрешения. Именно с деятельности лидера («Появлению движения способствуют организационная структура, доктрина, идеология, ритуал, а иногда униформа и знаки отличия, одним словом, все, что собирается под знаменем движения и именуется его культурой. Но вначале действуют лидеры. Фактически движений без лидеров не существует. Это означало бы, что все лидеры» [23, 89]), осуществляемой в формах, отличных от официальных, начинается процесс объединения людей для осуществления изменений в обществе и политике - т.е. социально-политические движения, успех которых зависит от поддержки масс.

Однако успех (или неуспех) этих движений связан не только с их близостью или удаленностью от насущных проблем масс, степенью организованности, массовости, масштабами представительства в легитимных институтах общества, во власти, - но и с духовной, интеллектуальной их составляющей. Речь при этом идет не об идеологии, но о существовании в сознании общества некоего «базового мифа», близость (или удаленность) к которому во многом определяет общественный успех движения. Как замечает Р.Такер, «всегда существует ядро верований, как бы центральный нерв, в котором заложены гены идеальной культурной модели, и я предлагаю назвать его базовым мифом общества». «Подобные мифы являются источниками, из которых люди черпают смысл своего существования в обществе; таким образом, эти мифы, если можно так выразиться, есть не что иное, как общество в его интеллектуальной концентрации» [23, 91][10].

Процессы социализации определяют жизнь в мире, где доминируют несоответствия между идеальными и реальными моделями культуры, в том числе и между базовым мифом (так, как он понимается) и практикой, преобладающей в обществе. Но социализация не «срабатывает» в отноше-

---

[10] *В качестве примера, Такер приводит давно существующий базовый миф о том, что общество - это совместное предприятие. Миф этот выявляет то, что в глазах членов общества особенно ценно. С этой точки зрения, Америку можно охарактеризовать как сообщество свободных и равных самоуправляемых граждан, преследующих свои цели в обстановке терпимости к религиозным и другим формам различий. Это - «базовый миф» Америки. Термин «миф», подчеркивает Такер, не используется здесь в привычном, иногда пренебрежительном смысле, означающем неправду. [23, 91].*

нии отдельных индивидов или их сообществ, для которых базовый миф начинает приобретать особенное значение, а столкновение между этим мифом и существующей практикой представляется как изъян общественной организации. Они рассматривают разрыв между практикой повседневности и принципом как порочную, и требуют устранения этого противоречия. Эти группы или индивиды стремятся до предела драматизировать проблемы и убеждать, доказывать необходимость менять сложившуюся благодаря действию (или бездействию) практику социальной жизни [23, 91]. Так складывается ситуация духовного лидерства в рамках общественно-политического движения.

Если деятельность духовных лидеров находит значительный отклик в обществе, возникает реформистское движение. Во многих случаях им оказывают активную поддержку люди, недовольные именно теми условиями, против которых протестуют духовные лидеры этого движения. Сложившаяся ситуация и у них вызывает чувство горечи, связанное с оскорбленным достоинством, ограниченными возможностями сделать карьеру, отказом в получении работы и жизнью в бедности. К общественно-политическому движению часто присоединяются и по исключительно моральным соображениям. Третий слой рекрутов - люди, присоединяющиеся к успеху движения в прагматических целях. Если сравнить это положение с ситуацией, характерной, например, для России XIX века в момент зарождения и развития там народнического движения, то можно констатировать ряд совпадений, подтверждающих общие тенденции возникновения любых реформистских движений, наличие лидеров, артикулирующих проблему и вероятный путь выхода (ее решения), рекрутов, присоединяющихся к движению из чувства «оскорбленной гордости» и безысходности, с одной стороны, с другой - по моральным соображениям, и, в-третьих, - людей, преследующих собственные эгоистические цели.

Для складывающихся общественно-политических движений важно найти обобщенную характеристику их политической культуры, причем эта характеристика должна вытекать из их отношения к доминантной политической культуре данного общества. Такими концептами могут стать *консерватизм*, *реформизм* и *революционаризм*.

Принято считать, что консерватизм предполагает оппозицию любым переменам - такова установка обыденного сознания. Она не соответствует действительности (так как консерватизм признает необходимость изменений, вызываемых практикой повседневной жизни) и имеет смысл только в рамках противопоставления реформизма и консерватизма. Однако главное значение консерватизма воплощено все же в его приверженности к базовым мифам и идеальным моделям культуры как основам жизни политического сообщества. В этом суть отличий консерватизма от реформизма, кото-

рый, отдавая на практике предпочтение идеальным моделям (также как консерватизм), пытается достичь глобальных перемен, *культивируя* локальные изменения в повседневной реальности. И революционаризм, и реформизм, в противоположность консерватизму *ориентированы* на социальные изменения.

Что же касается различий между революционерами и реформаторами, то утверждения, о том, что основой таких различий являются вопросы тактики (одни придерживаются в борьбе за перемены экстремистской тактики, включающей насилие; другие - стремятся к мирной тактике постепенных изменений, в основном путем убеждения) - несостоятельно. Тактические приемы реформизма, как свидетельствует история и опыт революций, часто берут на вооружение революционеры, реформисты же на практике сталкиваются с необходимостью применять тактику насилия. Поэтому базовые различия лежат в сфере идеальных установок и мотиваций, проявляются в понимании и оценке ситуации, подлежащей изменению. Если реформистский лидер отстаивает базовый миф данного политического общества, идеалы его модели политической культуры и отклонения от этих моделей оценивает как порочную ситуацию, которую можно и нужно исправить, то революционный лидер изначально определяет ситуацию как порочную, как неизбежно подлежащую фундаментальному преобразованию.

Как справедливо отмечает в своей интерпретации сущности революционного сознания Р. Такер, истоки сознания, ориентированного на радикальные перемены, на революцию, чаще лежат в психологических установках индивида, ощущающего свою непричастность к обществу, не разделяющего его «миф»; такой индивид «отвергает как идеальные, так и реальные модели культуры, которые предлагает ему общество, видит в них идеологию, скрывающую реальности кризисной общественной ситуации, сеющую иллюзии о перспективах ее преодоления» [23, 93]. В отличие от революционера, реформатор исходит из того, что базовый миф (т.е. идеал) должен стать реальностью данного существующего общества.[11] При этом новый миф соединяется с традиционными культурными установками.

На наш взгляд, концептуальные положения о политической культуре как важном элементе общей культуры общества, об «идеальных» и «реальных» моделях культуры, о единстве политико-культурной практики и представлений, о «базовом мифе» общества, о социализации, снимающей противоречия между идеальными представлениями и реальной практикой, о

[11] *Об этом хорошо сказал К.Маркс, не принимавший многие социалистические концепции вследствие их утопизма и явно доктринальной ориентации. Такой тип мышления «в сущности лишь идеализирует современное общество, дает лишенную теневых сторон картину его и старается осуществить свой идеал наперекор действительности этого же общества» [15, 91].*

возможности разрыва с культурной традицией, о кризисе, порождающем ориентацию на борьбу как предпосылку становления общественно-политических движений за изменения, а также характеристика Р.С.Такером радикально революционного и реформистского типа социально-политических движений - все это должно приниматься во внимание исследователем политической культуры.

Сюжет о понятийном «измерении» политической культуры будет неполным без упоминания двух проблем, активно обсуждаемых в отечественной и западной литературе. Речь идет о «функциях» и «типах» политической культуры. Проблема «функций» политической культуры волнует, по преимуществу, отечественных исследователей, традиционно выделяющих (в различных вариантах словосочетаний, от чего, впрочем, суть дела не меняется) «коммуникативную», «интеграционную», «нормативно-регулирующую», «трансляционную», «прогностическую», «воспитательную» и др. (перечень можно продолжить еще целым рядом прилагательных, количество которых обычно прямо пропорционально богатству фантазии того или иного автора).

На наш взгляд, наиболее существенными являются, во-первых, функция политической социализации - т.е. интроецирование в сознание субъекта определенных установок, происходящее в рамках той системы социальных отношений и, соответственно, через посредничество той политической культуры (включающей и институциональные и нормативно-ценностные элементы), которая составляет «среду общения». Во-вторых, интеграционная функция, благодаря которой происходит более или менее устойчивое сплочение социальной общности различных уровней. В-третьих, трансляционная функция, обусловленная наличием связей, обеспечивающих передачу в общественном сознании определенных политических традиций и опыта от поколения к поколению. Нам представляется, что если рассуждения о функциях не столь существенно, то проблематика типологизации и структурирования (внутренней «типологизации») политической культуры - в силу своей сложности и наличия большого количества вариантов аргументации - требует хотя бы схематичного изложения.

На наш взгляд, аксиомой можно считать базовый для анализа любой конкретной политической культуры водораздел между идеальными представлениями о политике, культуре и реальной практикой политико-культурной деятельности. «Слово» и «Дело», «Сознание» и «Бытие», «Идеалы» и «Действительность» и многие другие оппозиции понятий, описывающих реальную жизнь и ее отражение в мышлении человека в их взаимодействии и взаимовлиянии, лежат в основе разделения политической культуры на идеальную и реальную. Существуют идеальные модели политической культуры у разных сообществ, национальных и социальных ассоциаций,

включенных в политическую жизнь; они есть и у отдельных индивидов как членов этих ассоциаций; именно из индивидов формулируется культурный авангард и политическая элита, формирующая, в конечном счете, сами реальные модели политической культуры. Таким образом, можно говорить о наличии нескольких идеальных моделей политической культуры в каждом конкретном обществе. Они различаются по степени популярности, обусловленной широтой представительства и степенью агрессивности (активности) ее элементов в каждом конкретном обществе.

Вторая составляющая политической культуры - это реальная практика политической жизни конкретного общества, во всем многообразии и противоречивости которой всегда можно обнаружить характерные черты, выделяющие именно это общество, государство в ряду других, и позволяющие говорить о специфике, например, российской политической жизни по сравнению с французской (т.е. о национальной специфике), о специфике политической культуры в России во второй половине XIX века и т.д. и т.п.

Коротко говоря, всякое общество обладает политической культурой, виды которой представлены реальной политической культурой и идеальными моделями политической культуры.

Это достаточно условное разделение на «идеальное» и «реальное» (условное потому, что в реальной практике огромную роль играют «идеальные модели», в свою очередь базирующиеся на культурных архетипах и новых образах мира, созданных наукой, идеологией) в практическом анализе конкретной политической культуры должно подкрепляться рассмотрением типов политической культуры. Методологическое значение имеют и различия в подходах к классификации политической культуры, рассматриваемой в ее самодостаточности - как самостоятельной сферы политического пространства.

Обычно отечественные исследователи, пишущие о типологии (классификации) политической культуры, идут тремя путями: используют ту или иную конкретную типологию, разработанную западными учеными (здесь вне конкуренции - Алмонд и Верба)[12]; традиционным для советского об-

[12] *И.Б.Градинар, например, опирается на множественность типов политических культур, предложенных западными учеными. Это и алмондовское различение англо-американского, континентального (европейского), тоталитарного (индустриального) и доиндустриального типов политических культур; это и «другие типы политических культур: гомогенная, фрагментарная, смешанная, искусственно гомогенная, унифицированная, доминирующая, дихотомная, неразвитая, подданническая, политическая культура участия, массовая, элитарная, индивидуалистическая, моралистическая, интегрированная, гражданская и др.». При этом И.Б.Градинар считает, что «все они объединены одной основой: их параметры и значения выводятся исключительно из сферы сознания, у многих отсутствует фактор культурного пространства, „ареал политической культуры“» [9, 5-6]. На наш взгляд, принять этот тезис означает, что деятельность, политические*

ществознания путем привязки типов культуры к формационному развитию и классовым интересам буржуазии, пролетариата, крестьянства; и, приобретающим все больше приверженцев, путем культурно-цивилизационной типологии.[13]

С точки зрения Алмонда и Вербы, в истории человечества различаются три наиболее общих «идеальных» типа ориентаций, моделей отношения больших масс людей к политической системе: «парохиальный», «подданический», «партисипаторный», различные комбинации которых представляют ту или иную конкретную политическую культуру. Первый тип характеризуется полным отсутствием у населения знаний о политике и политической системе, полным отрывом от нее. «В таких обществах нет специализированных политических ролей: власть вождей и шаманов представляет собой нерасчлененность политико-экономико-религиозной роли. У членов этих обществ политические ориентации не отделены от иных ориентаций (экономических, религиозных). Парохиальная ориентация есть отсутствие каких-либо ожиданий, связанных с политической системой. Последняя никак не соотносится с жизнью парохиала» [2, 17-18].

Второй тип - подданнический. Ему свойственно «пассивное политическое поведение», исключительная ориентация на господствующие ценности при очень слабом их осмыслении; высокий уровень ориентаций относительно output-аспектов политической системы при полном отсутствии ори-

---

движения и лидерство, институты и политическая система, которые включают в политическую культуру большинство политологов, относятся к «сфере сознания», а архетипы, традиции, базовые мифы - не включаются в «ареал политической культуры», не признаются «культурным пространством» политики.

[13] *Так, например, к наиболее существенным структурам политической культуры, представляющим основания для ее классификации, А.И.Соловьев относит: а) дифференцирующие политико-культурные явления с точки зрения исторических эпох, формаций или различных временных периодов; б) раскрывающие содержание политической культуры различных социальных носителей и субъектов (классов, слоев, групп, страт, наций, демографических, территориальных, референтных или иных общностей); в) характеризующие политическую культуру с точки зрения отношения к господствующему режиму правления (официальная и реальная политические культуры); г) дифференцирующие политическую культуру по отношению к общественному прогрессу (реакционная, рациональная, пессимистическая и др.); д) характеризующие социальную, идеологическую направленность социокультурных явлений в политической сфере (социалистическая, буржуазная, мелкобуржуазная политические культуры и т. д.); е) раскрывающие содержание политической культуры в соответствии с характером режима правления (тоталитарная, авторитарная, демократическая, плюралистическая и т.д.); ж) характеризующие политическую культуру на основании выполняемых ею функций (идеологическая, прогностическая, оценочная, коммуникативная и др.); з) освещающие основные формы ее существования (рефлексивная, деятельностная и овеществленная); и) характеризующие ее морфологическое строение (идеалы, принципы, нормы, традиции, мотивы, стимулы, установки, навыки, умения, действия). [22, 15–23].*

ентаций относительно input-аспектов системы и самого себя как активного участника политического процесса. Подданный хорошо понимает государственную власть и умеет эффективно (для системы) подчиняться ей. Во всем остальном он пассивен и систему в целом идентифицирует с ее output-измерением [2, 19].

Третий тип - «партисипаторный», квалифицируемый еще и как «рационально-активистский». «Члены общества ориентируются на систему в целом, как на ее политические, так и административные структуры, и процессы в ней протекающие. Иными словами, это одновременно ориентация на „активистскую роль самого себя"; и это последнее не зависит от позитивного или негативного отношения к системе и ее ролям» [2, 19]. Индивиды активно участвуют в политической жизни, пытаются воздействовать на процессы принятия решений, умело артикулируют собственные притязания. При этом выполняют и с уважением относятся к уже принятым решениям.

В данном случае речь идет об умозрительных, абстрактных «идеальных моделях» политической культуры, в чистом виде и в полном объеме не реализованных нигде и никогда. В каждой конкретной стране общая (господствующая) политическая культура складывается из различного сочетания элементов подобных моделей. Более того, политическая культура, - потому что поведение и «парохиала», и «подданного», и «гражданина» подвержено влиянию огромного числа факторов (помимо собственно политического, географического, национального, религиозного, профессионального, например), с одной стороны, с другой, определяется кроме рациональных, иррациональными моментами, свойственными психике человека (предрассудками, предубеждениями, мифами и т. д.), - вряд ли в реальности имеет гомогенный характер. К тому же, как показали Алмонд и Верба, политическое поведение конкретного индивида также нельзя свести к чему-то одному — только к «участию» или только к «подчинению», в зависимости от ситуации он может вести себя различно, в большинстве случаев обнаруживая причудливую смесь ориентаций, характерных для разных моделей. Будучи «генератором» политических идей и решений в одной области, сфере деятельности, в других он прекрасно вживается в роль, например, «парохиала».

По большому счету, иерархичность общества, неординарность политических структур, наконец, национальные особенности системы социализации (семьи, воспитания, образования, и т.д.) предопределяют не только стиль мышления и поведения конкретного человека, но и дробят политическую культуру общества на фрагменты и субкультуры.

В первом случае, фрагментированная политическая культура, или же, по определению В.Розенбаума, - «культура, в рамках которой у населения

отсутствует прочное согласие относительно путей развития общества» [19, 27], присуща большинству стран, отягощенных «излишним социальным плюрализмом», т.е. избыточным количеством общественных групп и, соответственно, повышенной конфликтностью; проблемами, связанными с «формированием нации», с достижением стабильного и устойчивого развития. В таких обществах: а) парохиальная политическая лояльность преобладает над национальной; б) легитимные и действенные процедуры по урегулированию конфликтов отсутствуют; в) социальные группы по отношению друг к другу испытывают острое недоверие (в связи с чем, видимо, затруднена национальная идентификация, формирование самосознания «мы», в отличие от «других», живущих за границами страны); г) правительства нестабильны и недолговременны.

Во втором случае, наличие частных культур, или «субкультур», обусловлено практически теми же причинами, что и «фрагментарной политической культуры», однако, будучи связаны между собой и иногда даже совпадая, два этих явления («фрагменты» и «субкультуры») все же не одно и то же. Различаются они, во-первых, по степени интегрированности в общую политическую культуру (отличия субкультур не носят принципиального характера), во-вторых, по степени общности (субкультура значительно шире по объему и может включать ряд «фрагментов»).

Поляризованная политическая культура включает вертикальные и горизонтальные субкультуры. Горизонтальные субкультуры основываются на религиозных, этнических, региональных признаках. По аналогии с культурой общества, политическая культура также имеет основания для вертикального деления на «высокую» и «низкую», т.е. культуру интеллектуалов (элитистскую субкультуру) и культуру народа (массы, толпы)[14].

В свое время Т.С.Элиот заметил, что «многие всегда готовы считать себя людьми культуры на том основании, что они не только не нуждаются в других, но и слепы по отношению к тем, кто нуждается в них» [24, 44][15]. Развивая мысль Элиота, Р.Керк связывал подобный «элитизм» с появлени-

---

[14] *Здесь мы невольно оппонируем исследователям, утверждающим что «понятие «культура» в концепции политической культуры свободно от ценностных коннотаций, что нет никаких высоких и примитивных культур, не может быть больше или меньше культуры, одна культура не есть ступенька по отношению к другой, что культура - это совокупность системы мнений, позиций, ценностей, господствующих в этом обществе или в этой социальной группе [6, 32]. Если это так, то деление (алмондовское) культуры на «массовую» и «элитистскую» субкультуры, а также само представление о «фрагментированных политических культурах», «вертикальных» и «горизонтальных» субкультурах теряет всякий смысл.*

[15] *Такая ситуация чревата возникновением некоей «кастовой» системы, т. е. такого разделения между «элитой» и «массой», когда «господствующий класс начинает считать себя вышестоящей расой» [28, 163].*

ем внутри «культурного класса» (а иногда, как это, например часто случалось в России, и вне его) индивидов выдающегося культурного масштаба, чьи личные дарования могли внести существенный вклад в совершенствование человеческого разума и духа (включая и политическую сферу). Однако, подчеркивая связь «высокой» и «популярной» культур, американский ученый справедливо заметил, что «такие личности не в состоянии, подобно Атласу держать культуру на своих плечах, если им недостает поддержки класса или группы, или же когда тенденции большой массы людей устремляются в противоположном направлении» [13, 60].

Крайним выражением негативного отношения к политической культуре данного общества является бунт против унаследованной культуры, доминирующих в социуме субкультур и фрагментов; этот бунт ведет к формированию самостоятельных политических «контркультур». Отрицание здесь приобретает самодовлеющее значение, становится образом политической мысли и стилем политического поведения.

Примеров типологизации политической культуры можно привести еще немало. Достаточно сказать, что каждый автор, пишущий о политической культуре, вынужден определяться и с прилагательными, так как без такого уточнения любая политическая культура - лишь абстракция, в силу своей универсальности не имеющая операциональных свойств и приложений. Естественно, набор этих уточняющих прилагательных зависит и от подхода, выбранного данным автором, т.е. методологии анализа, и от целей, конкретных задач исследования, от его идеологических предпочтений и ряда других факторов. Но в целом, все многообразие интерпретаций политической культуры, видимо, не выходит за определенные рамки, поэтому можно попытаться представить некую схему, поясняющую принципы классификации политической культуры. В зависимости от критериев (системных, функциональных, ценностных, цивилизационных), положенных в основу различения, политическая культура обозначается в литературе следующим образом. I. Системные, организационные критерии: 1) по степени интегрированности в политическую систему: а) господствующая; б) субкультура; в) фрагментарная; г) контркультура. 2) по уровню организации[16]: а) индивидуальная; б) групповая; в) общая. 3) по статусу субъектов политической культуры в политической системе: а) элитарная (официальная политическая культура властвующего субъекта); б) массовая; в) маргинальная (культуротворчество носителей специализированного сознания). II. Функциональные критерии: 1) по степени гомогенности: а) поляризованная (Discordia), неоднородная; б) консенсуальная (Concordia), однородная. 2) по сте-

---

[16] *Субъективные ориентации и действия индивида, ориентации и действия групп, коллективные ориентации и действия народа.*

пени и характеру участия субъектов в политической жизни (преобладающим «ролям»): а) рационально-активистская; б) подданническая; в) иррационально-отчужденная (парохиальная). 3) по способам осуществления социализации[17]: а) гражданская; б) авторитарная; в) демократическая. 4) по характеру отношения к правящему режиму и политической системе в целом; а) лояльная; б) апатичная; в) отчужденная, оппозиционная. III. Ценностно-нормативные критерии: 1) по отношению к обществу, свободе: а) индивидуалистские (асоциальные); б) коммунитарные (коллективистские). 2) по отношению к государству и политической власти в целом: а) этатистские; б) антиэтатистские. 3) по целям, идеологической направленности: а) консервативная; б) либеральная; в) радикальная.[18] 4) по объему исповедуемых ценностей, ориентированные на: а) общечеловеческие ценности; б) национальные, религиозные, профессиональные и т.п. IV. Цивилизационные (исторические, социокультурные) критерии: 1) по месту в истории человечества: а) архаическая, доиндустриальная (потестарная); б) индустриальная; в) постиндустриальная. 2) по социокультурным основаниям: а) самобытная (ориентирующаяся преимущественно на национальные традиции и собственный уникальный опыт государственности), эндемическая[19]; б) космополитическая (заимствующая чужой опыт и образцы).

Как видим, прилагательных, так или иначе характеризующих политическую культуру, можно использовать значительное количество. Однако, выбор, на наш взгляд, должен, прежде всего, определяться жанром и задачами исследования. Вполне естественно поэтому, что в работах «эмпирических», авторы которых основывают свои рассуждения на интерпретации материалов конкретных социологических исследований и статистики, принципы типологизации будут иными, чем в «антропологических», политико-философских исследованиях политической культуры, авторы которых исходят из некоторых общих культурологических, исторических, философских построений. В последнем случае «эмпиризм» и прикладной аспект типологизации менее важен, а «функциональность» классификации политических культур ограничивается рамками и вполне оправдывается задачами каждого конкретного исследования, которое не должно претендовать на универсальность, абсолютную истину и окончательность диагноза.

Исходя из выщесказанного, можно, например, предложить трактовку неоднородной политической культуры России XIX века как совокупности

---

[17] *т.е. по способам формирования политических ориентации и в целом функций политической системы.*

[18] *Консервативно-радикальная, консервативно-либеральная, лево-радикальная, право-радикальная и т. д.*

[19] *От греч. endemos — местный.*

политических идеалов, ценностных ориентаций, установок и стиля действия различных социальных общностей, позволяющую под определенным углом зрения охарактеризовать социокультурные детерминанты, сущность, особенности и специфику политического сознания и деятельности российской политической элиты (властвующего субъекта), интеллигентской оппозиции и «массы» русского народа. В данном случае следует сразу «развести» официальную политическую культуру, политическую культуру массы, политическую культуру интеллигенции. При этом под «официальной политической культурой» подразумевая культуру властвующей элиты, сочетающую рационально-активистские и подданнические тенденции, лояльную, этатистскую, консервативную по определению, авторитарную, коммунитарную, космополитическую по существу и эндемическую, национально-религиозную по форме; под «массовой политической культурой» - фрагментарную, по сути, культуру, парадоксальным образом сочетавшую лояльность и апатию, подданнические и иррационально-отчужденные, архаические, традиционалистские и эндемические черты, этатизм и ориентацию на национально-религиозные ценности с демократическими, коммунитарными и анархическими тенденциями; под «политической культурой интеллигенции» - политическую субкультуру русской интеллигенции – маргинальной группы носителей специализированного сознания, игравшей рационально-активистскую «роль» в истории России, в массе своей, в большей или меньшей степени, оппозиционной правящему режиму и политической системе в целом, в политическом сознании которой сочетались индивидуалистские и коммунитарные, этатистские и антиэтатистские, либерально-демократические, реформистские и революционаристские, радикально-нигилистические и охранительные стремления и тенденции, космополитизм и самобытность.

При этом нужно подчеркнуть, что сложный феномен политической культуры интеллигенции, сочетающий различные тенденции, предполагает такой анализ, который вовсе не сводится лишь к максимально широкой констатации многочисленных вариаций «причудливого разнообразия» политических идей, программ и т.п., но нацелен на определение неких общих черт, тенденций, свидетельствующих об относительном единстве русской интеллигенции.

На примере эволюции политической культуры интеллигенции в России XIX века можно продемонстрировать своеобразие формирования идейно-мировоззренческих комплексов и проектов присутствия и участия в политике, которые предопределили во многом культуру политического процесса в России в XX веке. В рамках политической культуры отечественной интеллигенции сложились навыки группового отображения действительности, формирования партикулярных систем ценностей. Шли процессы

идейной консолидации социальных общностей и сегментировалось политическое пространство власти. Столкновение идей свидетельствовало о политическом противостоянии, нарастании проблематичности существования в обществе. Исчезал универсализм в восприятии политики, на первое место выходила конфронтация различных взглядов на политические реалии. Своеобразие социального статуса, общественных задач, которые решались интеллигенцией в России в XIX веке, нашло свое воплощение в разнообразии идейных установок и теоретических аргументов. Богатство идеологических конструкций русской интеллигенции XIX века поражает воображение. Оно свидетельствует о глубине политической рефлексии, раскрывает возможности политической рациональности в плане познания смысла и содержания политических процессов.

Библиография

1. Almond G. A. Comparative political system. // Political behavior: A reader in Theory research. - Clencoe, 1956.
2. Almond G., Verba S. The Civic culture. Political attitudes and democraty in five nations. – Princeton, New York, 1963.
3. Almond G.A., Verba S.The civic culture revisited: An analytic study. - Boston: Little Brown, 1980
4. Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретация культуры. – Санкт-Петербург, 1997.
5. Ашин Г.К. Политическая философия в структуре политической науки // Человек – Философия - Гуманизм: Тезисы докладов и выступлений Первого российского философского конгресса (4–7 июня 1997 г.): В 7 т. Т.4. Социальная философия и философия политики. – Санкт-Петербург, 1997.
6. Berg-Schlosser D. Politishe kultur. // Pipers Worterbuch zur Politik. Bd.1, T.2. Politikwissenschaft. – Munchen-Zurich, 1989.
7. Гаджиев К.С. Политическая наука. - Москва, 1995.
8. Geertz C. The Interpretations of Cultures. – New York, 1973.
9. Градинар И. Политическая культура: мировоззренческое измерение. Ч.1. – Санкт-Петербург, 1996.
10. Давыдов Ю.Н. Кризисы в социологии как вехи ее периодизации. // История теоретической социологии: В 5 т. Т.1. От Платона до Конта (Предыстория социологии и первые программы науки об обществе). – Москва, 1995.
11. Денкэн Ж.М. Политическая наука. / Пер. И.А. Гобозова. - Москва, 1993.
12. Касьянова К. О русском национальном характере. – Москва, 1994.
13. Керк Р. Многообразие и единство в культуре. // Культурный консерватизм в США. – Пермь, 1995.

14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т.4. - Москва, 1955.
15. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2-е. Т.7. - Москва, 1956.
16. Панарин А.С. Философия политики. - Москва, 1996.
17. Панарин А.С. Реванш истории: стратегическая инициатива России в XXI веке. - Москва, 1998.
18. Пивоваров Ю.С. Концепция политической культуры в современной науке. // Политическая наука. Теоретико-методологические и историко-культурные исследования. – Москва, 1996.
19. Rosenbaum W. Political Culture. – New York, 1975.
20. Современная политическая наука: основные направления. / Под ред. Е.Б.Шестопал. - Москва, 1998.
21. Соловьев А.И. Политическое сознание и политическая культура. – Москва, 1999.
22. Соловьев А.И. Культура власти на политическом перекрестке эпох. // Власть. 1998, №2, с.15–23.
23. Такер Р. Политическая культура и лидерство в Советской России. От Ленина до Горбачева (главы из книги). // США: экономика, политика, идеология. 1990, №1.
24. Такер Р.С. Политическая культура и лидерство. // США: экономика, политика, идеология, 1990, №2.
25. Шестопал Е.Б. Личность и политика: Критический очерк современных западных концепций политической социализации. - Москва., 1988.
26. Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х: теоретические и прикладные проблемы политической психологии. - Москва, 2000.
27. Шмитт К. Политическая романтика. – Санкт-Петербург, 1999.
28. Элиот Т.С. К определению понятия культуры: Заметки. – Москва-Ленинград, 1968.

Представлена в редакцию
5 октября 2010 года

MOLDOVA AT CROSSROADS. ANGLOPHONE SOCIO-POLITICAL LITERATURE ON ELECTORAL EPOPEE 2009 AND ITS AFTERMATH

Tatiana ZEMBA
Republic of Moldova, Chisinau
PhD, Independent researcher

The article examines foreign critical evaluations of social and political situation in the Republic of Moldova with special focus on recent state of permanent electoral campaign and its consequences. Parallel I use earlier Western studies on complex processes that became apparent in the current events. The main aim of my work is to show Western observers' deep discontent with the complex state of the country, which I totally share. Thus I try to call attention to the fact of dysfunctional condition of Moldovan political system and society that in contrast to overseas comments for now is not clearly articulated in Moldovan scholarly and political discourse. Being based on my observation reinforced by studied resources I find that long-expected positive changes here stay an illusion. After coming to power of "democratic" authorities the task to build and strengthen democratic institutions keeps as urgent as under previous "semi-authoritarian" regime. Disrespect to constitution and other laws, widespread corruption, resulting poverty and general mood of disillusionment remain Moldova's serious challanges and a barrier on the way of democratic reforms.To enjoy support of home and international public opinion solutions of Moldova's problems must be elaborated by following rule of law and taking into account the interests and opinions of all sides.

In evaluation of Western observers, Moldova remains "obscure country", which rarely features on the world's radar. But as a result of April election 2009, subsequent "terrible" violent events and state of permanent electoral campaign it found itself in spotlight of world media and think tanks. The aim of this analytical survey is to show foreign experts' vision of problems and "defects" of Moldovan democracy which became apparent in 2009. According to prevalent estimation by foreign analysts, the Republic of Moldova - typical example of "problematic", "defected" post-Soviet democracy that faces numerous challenges. Though comparable threats are characteristic to all post-communist countries, in Moldova's case they have excessive specifics, as it is seen from numerous studies, including cited below. Together with the examined authors I emphasize two deeply interconnected sore points of our country – extreme poverty and polarized character of Moldovan society. My choice is determined by the idea of vital importance of democratic political order social conditions. I totally share Western commentators' concern about obvious lack of social requisites of

democracy in Moldova - this “deeply divided poorest country of Europe”. I hope that common reflections on Anglophone critical assessments of Moldova’s complicated situation can somehow assist in improvement of current regrettable state of affairs.

View from without at Moldova’s socio-economic condition and state of minds at the moment of recent parliamentary elections

Moldova’s April 2009 election and its tragic consequences bring this small complicated, “semi-failed” state into international focus. Majority of recent comments note that Moldova is “a miserable country”, **“zone of unhappiness rather than interest to most of Europe”** [1], as J.Sherr expressively formulates it similar to other observers *(here and further pointed by T.Z.)*. In his opinion, “since the election of communist president in 2001 the dominance of governing clans has further corroded the country's political and economic life, but not in a way to make Europe question the government's democratic credentials. But the violent disturbances after the parliamentary elections of April 5 in Moldova's capital have shattered the complacency.” [1]. A.Lobjakas notes analogously: “In a sense, Moldova seems caught in a time warp. Time stopped when the Soviet Union collapsed and has yet to restart. In the intermission, a feral capitalism has taken root in the country, which, together with the country's isolation, has gradually degraded its political system.” [2]. In unanimous voce, the biggest boost to reunification of the Republic of Moldova would be economic and political success on the right bank of the Dniester. “But Mr.Voronin’s crony capitalist approach has kept the country backward. The machinery of government is stuck in the 1990s. Whatever coalitions reemerge, the new government will have plenty to deal with.” [3]. ”Striking contrast of the ruling clan’s wealth with surrounding poverty explains, why for many Moldovan voters the thought about a continuation of such governance became intolerable.” [4]. The country has the unfortunate distinction of being Europe’s poorest place. “Moldova’s 4m population languishes at crossroads between Russia and the European Union, watching the economic and strategic failures of past two decades. About one-quarter of its population lives on less than $2 per day, almost a quarter has gone to work as migrants, and the greatest ambition of most young Moldovans is to leave.“ [5]. It was the frustration of inability to challenge undemocratic behavior of the government that led people to streets in April. These mass demonstrations in Moldova were caused by despaired desire of young people to put an end to political and economic stagnation. “The reason for the Communist vote declining was a combination of anger at corruption and cronyism, and dismay at the state of the economy. Voters frustrated with worsening poverty and April post-election violence, finally said enough.” [4]. “The violence seemed erupt from nowhere. But the protests that rocked Moldova reflected tensions that have long been simme-

ring in the poor corner of Europe standing on the East-West geopolitical fault line. The deeper causes go back to questions of identity and what Moldova's future is." [6].

By definition of prestigious London socio-political journal "The Economist" and other Western resources, "Moldova is the country, driven by despair." [7]. As L.O'Neill writes, April events in Moldova brings to mind some researches' conclusion that "Moldovans must be the most unhappy people." [8]. He quotes E.Weiner's observation: "The cloud of pessimism hovers over this sad land". While a bit over the top, - L.O'Neill continues, - "such assessments reveales important truths which have been consistently observed by sholars and visitors: Moldovans lack a solid sense of identity, pride of nation and hope for the future. That, along with grinding poverty, help explain, why as many as one quarter of all Moldovans live and work abroad sending back the remittances that keep that country afload. It may also explain why Moldovans might be opened to the current passport contest for their loyalties among Russia, Romania and Ukraine." [8]. As well as other resources E.Weiner informs that according to self-reported surveys, statistically "Moldova may be the least happy nation on the planet. *The Moldovans are less happy than their morose neighbors, the Ukrainians and the Romanians, and even less happy than much of sub-Saharan Africa*" [9].

April 2009 as a problem of democracy

Representation of April 2009 events in Western media once again proved Moldova's low reputation as "polarized", "bipolar", "dispersed" country as well as all baselessness of the self-satisfaction in these pressing issues and of neglecting Western specialists' persistent advices regarding the necessity to conduct policy of integration of all ethnic groups in contrast to alienation and conflict in society that are fraught with serious consequences[20].

---

[20] Badescu G., Sum P. Civil society development and democratic values in Romania and Moldova. // East European Politics and Societies, Berkley, 2004, N2; Fairbank T. Participating in the process: The importance of civil society in the former Soviet Union. // Georgetown Journal of International Affairs, Washington, 2005, N1; Katchanovski I. Cleft countries: Regional political divisions and cultures in post-Soviet Ukraine and Moldova. - Toronto, 2006; Kolsto P., Melberg H. Integration, alienation and conflict in Estonia and Moldova at societal level. // Kolsto P. (ed.) National integration and violent conflict in post-Soviet societies. - Lanham, 2002; Berg E., Van Meurs W. Borders and Orders in Europe: Limits of Nation- and State-Building in Estonia, Macedonia and Moldova. // Journal of communist studies and transition politics, 2002, N4; March L. Socialism with unclear characteristics: The Moldovan communists in government. // Demokratizatsiya, Washington, fall 2004, vol.12, N4; March L. From Moldovanism to Europeanization? Moldova's communists and nation building. // Nationalities Papers, 2007, N4, etc. About Western interpretations of ethno-political problems of the Republic of Moldova also in T.Zemba's articles: «Заметки на полях книги Чарльза Кинга "Молдаване"» at: (http://www.iatp.md/articles); Этнолингвистические проблемы Молдовы в англоязычной

"As the world learned in April 2009, the divisions in Moldovan society are dangerous and deep. After nearly two decades of independence, Moldova's citizens are still at odds over basic question of who they are. That division boiled over, when huge anti-governmental demonstration turned violent. The riots and the political crisis that ensued left Moldovan society, already fractured among competing ethnic and linguistic groups, even more polarized" [10]. "Loyalties and divisions run deep in polarized Moldova" [11] resumed E.Barry similar to other abroad commentators, who think that "the riots exposed a split in Moldova between those with a pro-Russian sentiment and opponents who advocate closer ties to the West" [12]. Escritt also recognized that election campaigning emphasized the differences between the Moldovan and Russian-speaking "camps" [13]. "However with decent leadership and goodwill on all sides, it would be possible to have friendly relations with both Russia and the EU" [5], summarized prevailing standpoint "The Economist" as well as correspondents of other authoritative London periodicals. [12].

Commenting the opposition parties' claim that the violence was started by pro-communist provocateurs J.Steele offered to think over the question: "Why would the government, having just won elections, want to stoke unrest?" [14]. He considered that Moldovan authorities' heavy-handed reaction and abuses "did not warrant calls for government to resign, nor for the EU to back demands for re-run of the elections. They look like sour grapes since there is no evidence of fraud large enough to have awarded the wrong party victory. The EU should urge the release of every detainee unless there is evidence to charge particular individuals with violence. But it should also explain Moldovan youth that Moldova's European image has not been helped by recent chaos and destruction in the unfortunate place of Europe. Exaggerated clams of the April election fraud are equally out of place" [14]. J.Sherr alike supposed that "possible vote rigging was the least of the problems in comparison with the question: Was it the opposition, agent provocateurs or both who instigated a storming of parliament and the presidential administration by a fraction of more than ten thousand protestors and the hoisting of the Romanian flag atop parliament itself?" [1]. As a ver-

историографии. // Русин, Кишинев, 2007, N9; Зарубежные комментарии о взаимосвязи этнополитических процессов и демократизации в Республике Молдова. – Кто защитит тебя, русская речь? - Кишинев, 2009; Эксперты о проблемах становления гражданской нации на постсоветском пространстве. Актуальность для Молдовы. // Ucrainenii din Moldova, Moldovenii din Ucraina: Procese etnosociale, - Chisinau, 2009; QUO VADIS MOLDOVA? Республика Молдова в отражении западной печати. // Bioetica, filisofia, economia si medicina in strategia de asigurare a securitatii umane, - Chisinau, 2010; Transitology as an Important Channel of Democratic Values Promotion. – Ten Years with America: "Sailing Uncharted Waters" - Chisinau, 2009; Experts about Challenges of Democracy in Post-Communist Countries with a Special Focus on Moldova. - Promoting American Studies in Moldova: Building a Society Based on Political, Social and Cultural Equality. - Chisinau, 2010, etc.

dict to the violence are reading the words of A.Mungiu-Pippidi and I.Munteanu: “Angry young men stoning police in a European capital over the Easter break does not make a promising opening scene for a democratic revolution” [15, 136]. They try to aware April events in the context of challenges to democracy Moldova confronts. Analogous to many other foreign researchers they call attention to such factors that negatively influence Moldova’s democratic development as poverty and as those that have to do with nation- and state-building. Thereupon they underline that throughout Moldova’s short history as a democracy, identity politics has dominated: The country elite are split between wanting to rejoin Romania or to remain independent. As a result Moldova has not managed to create a political nation, and the cultural nation is also under constant dispute. Their consequent conclusion: “Unless the EU shows a stronger commitment to the cause of democracy in Moldova, the country will remain a black hole in the Europe’s democratic landscape” [15, 142]. In equally expressive words A.Lobjakas formulates his hesitations in democratic potential of Moldovan political class and the society: “Moldova needs outside sustenance. Left to its own devices, Moldova's makeshift post-Soviet institutional settlement is liable to fail. Someone needs to step in and provide new values, ideals, and norms - and that someone can **only** be the EU. Moldova needs administrative effort of which the Moldovan state appears increasingly incapable. What the EU is offering is virtual carrots. Effectively, it is asking the Moldovan government and people to take a leap of faith. In an ideal world, such a leap would perhaps be conceivable, if a little unrealistic, to expect” [2]. Specialists point out that none of the EU neighbors (Belarus, Moldova and Ukraine) will not join the Union in the near future, as long as they do not meet its criteria of welfare and functioning of democracy, or of what S.Huntington dramatically named “the curtain of cultural differences that replaced the Iron Curtail”. The main problem is that ‘return to Europe’ will include much more than political changes on high. “**Common postcommunist political culture of distrust and suspicion and as a consequence - weak civil society in postcommunist countries cause the unstable character of their political systems and deep political cleavages in this region**” [16, 13]. In the perspective experts highlight nation building and creation of new political national identity as essential element of post-communist democratic process and name them one of the most serious challenges countries in transition confront. Exploring nationalism after communism, both Western and East European political scientists emphasize that “elements of nationnalism in ethnic policy present the main threat to democratization in polyethnic post-socialist world”. They warn that nationalist manifestations and preferences in Eastern Europe are the consequence of electorate’s disillusionment about pursued policy and own socio-economic position, and consider the question, how to develop interethnic peace and collaboration in post-communist Europe, a “funda-

mental one". In numerous works they try to find ways of prevention ethnic conflicts and managing them in the case of their beginning. Among "post-Soviet pathologies", to which Soviet politics contributed, analysts identify the incentives for nationalist mobilization as factor that hampers formation of modern civic nations and civil society, and negatively influences the processes of democratization in general. Particularly insightful is A.Mungiu-Pippidi's assessment of how "the past communist socialization of people into a culture of distrust, conformity, fatalism, and social envy foster competing nationalisms between and among the majorities and minorities. Residual nationalism, together with nationnalist leaders eager for personal gain in the environments that were in economic and/or political risk, cause 'banal nationalism' to hate one another." [17]. A.Mungiu-Pippidi, I.Krastev and other authors call attention to the likelihood of ethnic conflict when and where economic development is low and different groups have to share common poor resources. Therefore they see main way to genuinely peaceful and harmonious interethnic relations in elimination of poverty [17]. Other researchers, most notably K.Birnir see the way to such wishful state in highly divided societies in power sharing and minority political representation. She bring to the light the importance of promoting ethnic group involvement in plural societies through institutional design and accentuates that "active participation of ethnic minorities can stabilize party system in short term and democratic consolidation in the long term by allowing for the peaceful channeling of ethnic groups demands through the system, rather than outside it by violent means". Her main argument is that increased representation of ethnic demands at both legislative and executive levels increases regime stability [18]. These worried reflections and recommendations are very relevant for Moldova, which like other former Soviet republics experts identify as country with democratic forms, but restricted democratic contents. Particularly P.Quinlan and W. Crowther assert that Moldova's deep cultural and ethnic divisions are reflected in its mainly monoethnic political parties, relatively low representation of ethnic minorities in the national parliament and in the fact that most of Moldovan political leadership consist of ethnic Moldovans whiles the participation of minorities is rather limited [19; 20]. In their vision such facts "reveal the general fragility of the Moldovan transition" [20] and show that "Moldova is a fragile democracy where the fundamental concepts of democratic government are still vague" [19].

M.Ciscel's studies – one more characteristic example of numerous reflections of American scholars about difficult identity problems and ethno-political situation in the Republic of Moldova. He shares Western analysts' concern about re-emergence of ethnic nationalism in post-communist Eastern Europe and considers that "Moldova is a country in a severe state of identity crisis, affecting both majority and minority ethnolinguistic groups" [21, 7-8]. The author quotes

Moldovan scholar who argues that preoccupation with daily survival limits people's ability to resist the extremist positioning of competing groups of elites. In his view, "in sum, the emergence of a consolidated Moldovan identity based on multiethnicity and multilingualism is impeded by elite competition and economic difficulties, both of which promote the continuation of perceived conflicts in national identity through rigid, simplistic nationalism" [22, 575]. "The cleavages related to language and national identity create a considerable obstacle to consolidation, and in turn, to institutional stability and economic development" [22, 594]. M.Ciscel's critical idea is that "the hope for balanced bilingualism and stability in Moldova is hampered by economic realities that undermine its realization, exerting destructive influence on formation of united civic identity typical for contemporary societies" [21, 145]. He underscores that balanced bilingualism as an element of stability cannot emerge in a contextual vacuum, free of the influence of material factors and based solely on the individual will of the language learner. E.Weiner argues correspondingly. Similar to other researchers he emphasizes that there is now growing evidence that a happy population, satisfied with their lives as a whole, is **a prerequisite of democracy**. As he reports, in more than 200 surveys carried out by the comprehensive World Value Survey, 28 of 30 least happy nations were registered in former communist states. The rest two were conducted in Iraq. In Russia, Moldova and some other former Soviet republics both subjective well-being, or happiness, and trust have fallen sharply since the market reforms have begun, and public there describe themselves as unhappy and dissatisfied with their lives. Economic growth helps foster trust between citizens and the state and between people. And **trust is essential to democracy** [9, 58]**.** The notion that "culture seems to shape democracy far more than democracy shapes culture" is gaining favor among American scientists engaged in political culture studies and especially among foreign policy realists such as C.Powell. "There are some places that are not culturally ready for the kind of democracy we find so attractive for ourselves", Powell said in a recent interview to GQ [9, 59]**.** I totally agree with cited and more analysts that point out that the described situation in Moldova and other new democracies is deeply troubling and demand special attention to spreading in such societies of democratic values – trust, tolerance, solidarity, first of all. These findings of new science of happiness do remind us that democracy progresses when citizens are united in their striving for democracy.

Collective portrait of Moldovan parliamentary parties in the interior of time

Western mass media welcomed Moldova's opposition parties' victory in the July elections, which undermined PCRM's monopoly for power. At the same time the experts were well aware: the future was by no means certain, till

the end of the country's political crisis still was far, to overcome "the political paralysis" emerged after April elections and following violence would be difficult, oppositional forces' fragile victory could be insufficient for a settlement of the political situation, coalitions in the shaky former Soviet republics are rarely stable, etc. [4]. In commentary "Quo Vadis Moldova?" A.Lobjakas noticed that "July election has produced no end to Moldova's tectonic political divisions. Beneath them lurk much graver problems for which elections alone are no panacea" [2]. He informed: All analysts and foreign officials he had the chance to interview in Moldova after the voting "agree the country needs a wholesale makeover. But none had a very clear idea as to how to fix Moldova's politics, economy, or its pervasive social ills. Closer integration with the European Union is perhaps the most popular prospective remedy. All parties, including the Communists, support EU membership, but all are realistic enough to know the bloc's door will remain closed in the foreseeable future. What ordinary Moldovans want could perhaps be described as a shot at the **pursuit of happiness**" [2]. Unfortunately, this way to happiness seems to be long.

Developing the thoughts, J.Sherr wrote: "Voronin devoted his entire first term to enhancing Moldova's European prospects. Yet having willed the end, he could not bring himself to will the means: the dismantling of the opaque, economically debilitating, clan-based relationships that maintain the system of power. For him as for most of his counterparts east of the Prut, 'the question of power' has away of overshadowing all others" [1]. As we can see, this diagnosis is quite factual and for Mr. Voronin's successor/s in power.

V.Socor, S.Greene, W.Wilson and others marked that Moldovan communists clearly remain the single biggest party in parliament and the most powerful political force in the country and even if they lose domination of parliament and the presidency, they would be "a formidable opposition force". In their guess, the reality is that anybody who comes to power, any coalition, is going to have found some kind of accommodation with the communists. There appeared to be nothing to prevent President V.Voronin from forcing another round of elections next year after more months of deadlock with an opposition-controlled cabinet. Simultaneously it was marked that "the Communist Party's score reflects both the static fact of its preminance in Moldovan society, as well as the dynamic of its slow but irreversible errosion" [23]. At the same time V.Socor, W.Wilson and other experts maintained: not only PCRM is only nominally communist, that uses attractive communist brant, talk a lot about welfare, appeal to fond memories of the relative prosperity of the Soviet era, but "are quite Bolshevik in their methods". The liberals that came to power also are "nominally liberal parties" [23; 5]. Three former opposition parties "are a fractious lot, including some who want to unite Moldova with Romania and others lobbying for business interests" [3]. As V.Socor clarifies, "the Liberal party is at its core a Romanian

national party, oriented towards Bucharest. The Liberal-Democrat Party (which also includes a Romanian national nostalgic strand) is largely a project of business tycoons who rose during the 1990s but did not manage at that time to introduce a political oligarchic model in Moldova" [23]. The analyst hoped that in the new parliament the newly launched Democratic Party could hold the balance of power between "two antagonistic camps - communists and the three nominal liberal parties". In his outlook, the party's new leadership is culturally distinct from the other parliamentary parties. It is for the most part a Westernized group. In its electoral appeal this is the first Moldovan party emancipated from projects of the past and their still vivid sequels in Moldova (Soviet/Russian, Romanian, shadow business structures). "On the vexed issue of Moldovan versus Romanian identity, DP leaders profess a Moldovan civic identity, free from the otherwise widespread inferiority complexes, and can also harmonize with Romanian cultural identity" [23].

"The Economist" points out "the enduring uselessness of traditional political labels in East European political environment" [24]. In the journal's observers' view, the terms "left" and "right" don't mean much in politics anymore and in the ex-communist world they are particularly confusing. In polemics with a report which portrays Moldova communists as a "center-right" party, anonymous journalist writes that «at first sight the idea of "center-right" communists sounds as odd as "moderate Trotskysts" or "secular jihadists". But most other conventional labels would fit the ruling crowd in Moldova worse» [24]. The author thinks that Moldovan communists certainly don't want redistribution of wealth (particularly bits of business that benefit them). «The ex-communist countries seem to need a different political grid, rather than just the single one running from left to right. Meaning high level of corruption A.Mungiu-Pippidi, a Romanian scholar at the Hertie School in Berlin, compares parties in the eastern part of the ex-communist countries region to medieval armies that "support themselves by plunder". Today's political fighters follow the example by capturing state resources» [24].

In the environment RFE/RL Moldovan Service with contribution from R.Coalson reported that "the murky world of Moldovan politics has become murkier" [25]. Analysts said that the atmosphere of confrontation in Moldova was intensifying, the chances of the Communists reaching an agreement with other parties in parliament were slim and the Communist strategy would likely force the country's new legislative election. Although all five parties presented in parliament have stressed the need to avoid a third round of elections taking into consideration Moldova's dire economic situation, wanted to avoid being perceived as to contributing to dangerous for the country further political stalemate, it seemed increasingly unlikely that a compromise could be find [25].

Foreign assessment of the July election and its consequences

In view of Western experts the results of July elections became an important step forward in Moldova's democratic development. But very soon many actions of opposition politicians that won slim simple majority in the legislature over the ruling Communists began to provoke a strong sense *of Déjà vu*, as specialists expressed it just to the point. Already on August 4 in his extensive statement about the results of Moldovan elections before the U.S. Congress L.O'Neill emphasized: "It is very important that Moldova's new government lead by an example of rectitude and transparency. This means that power must not be seen as a means to advance one's personal agenda but rather to promote the national interest. The opposition will be tempted – we have already seen danger signs of this – to exact retribution from the Communists for what it sees as the indignities it has suffered for eight years at their hands. For the good of Moldovan society, it must not fall prey to this temptation, particularly given the structural weaknesses in the rule of law". "Moldova must avoid the descent into petty, ambition-driven squabbling able to enervate momentum for reform", warned L.O'Neill [26]. "Moldovan society is looking for leadership and direction from its politicians, not score-settling. The U.S. must encourage principles – reconciliation and collaboration – over personalities and must steer clear of being drawn into someone else's fight". "In any event, it is important to remember that Mr. Voronin's Communists remain the single most popular party in Moldova. This fact must be taken into consideration when we discuss ways to get past the rancor of April and help the Moldovans find political consensus and reconciliation that might reflect the competing views in a society still closely split" [26]. As usual L.O'Neill advocated that given the systemic problems in Moldova, necessary reforms and structural change must be aimed at building a more just and prosperous society. This is the only way to help Moldova's people to reach their economic and democratic potential and to make this country more attractive to its own population, to the European Union and to Transnistrian region. "Moldova's continuing poverty is a very essential problem of human rights" [26]. On RFE/RL air L.O'Neill again stressed that "the united opposition might remain mindful of the past, of what was visited on it these past years. Each leader might guarantee that on his watch the organs of power will not be used outside their proper purpose, and execution of law might not be turned into revenge" [27]. But just after the July 29 election, he informed, radical voices, both in and out of the opposition parties, were proposing a troubling set of approaches. Some have suggested that the opposition itself should now attempt to gain control over Moldova's administrative resources and use them to ensure that the Communists can never again win, particularly if there are yet more repeat elections next year. "These kinds of exhortations will only lead to new rancor and division in a society that, after all, gave nearly half the parliamentary

seats to the Communists on generally uncontested election results" [27]. In view of prosecutions of Communist legislators that new authorities started L.O'Neill reminded: "Prosecuting opponents was a tactic used extensively and painfully by the Communists against certain members of the AIE. While corruption may be as widespread as ever in Moldova, great care needs to be taken with prosecutions having political overtones" [27]. The opposition's win, in and of itself, has not changed overnight the capacity for fairness of Moldova's troubled institutions. Its judicial system remains nascent, its prosecutors swayable, and its history with the rule of law checkered. In the current atmosphere, how might a fair and proper process be provided for those deemed to have, in Filat's words, 'violated current legislation'? And if undertaken, could such a thing even be done in a way that "isn't perceived as base political revenge? Besides, thanks to the vagaries of the Moldovan Constitution, the opposition and the Communists are doomed to cooperation, stressed the commentator". "The unity coalition now must bend over backwards to avoid even the appearance of misusing state power to exact revenge. The opposition will be judged by how it breaks with past practices. Its legacy must not be one of settling deep, personal scores, but rather of creating a new political culture of reconciliation, collaboration, and reform. *An eye for an eye leaves everyone blind*" [27]. However, according to L.O'Neill's impressions, in the new Moldova's parliament "a political culture of respect, restraint, and civil dialogue is absent" [28]. He gives examples that "make it clear that any culture of civil dialogue has increasingly gone missing in the negotiations between the Alliance for European Integration (AIE) and the Communists". "Both sides have shown that they are adept at political maneuvering. As fun as harassing the other side may be, these leaders should remember that their obligation is to the people of Moldova, not to the advancement of their personal agendas and power plays. And there is a freight train of economic disaster barreling down on Moldova. Unfortunately, the country's leaders have been engaged in an election campaign since December 2008. Moldova's voters have already reshaped the political landscape and may well do it again if forced by endlessly bickering leaders. It seems time to put aside the dogma and the profanity and get to work", in vain appealed the analyst [28].

Such actions of acting Moldovan President M.Ghimpu as advancement his nephew (or "nepot" in Romanian) only one candidate for appointment as governor of the Moldovan National Bank L.O'Neill cvalified as "clear example of blatant nepotism" [29]. As he said, the first reaction among many was a regretful "here we go again". The observer considers that Prime Minister V.Filat's reaction as well as even the Moldovan press's comments were illustrative: They focused more on whether the country could "get away" with such an appointment, rather than on its "glaring nepotistic shortcomings". Filat appeared to miss the entire point about nepotism and conflicts of interest. In L.O'Neill"s

opinion, “The episode is revealing about how much further Moldova has to go if indeed it is serious about adopting Western norms and standards leading ultimately to accession to the European Union - or even about applying its own laws consistently. The greatest danger on Moldova’s new path toward European integration lies in each AIE leader seeking his own short-term advantage at the expense of the alliance’s and the country’s well being. A continuation of the style and substance of past governance would be disastrous for Moldova, and the AIE parties surely have noticed that the electorate is ready to punish those who ignore the general welfare while advancing private interests. After all, they rode such discontent to power” [29]. The expert displays in detail: although Moldova’s muddy laws continue to present an impediment to transparency, they do appear to proscribe M.Ghimpu’s recent action. The law on conflicts of interest applies to the entire government, including the president. “In any event, the decision showed poor judgment and at minimum presented the appearance of a conflict of interest” [29]. The law on combating corruption and protectionism says that any public official with decision-making power must not participate in any vote that implicates “his personal interests or those of his close relatives” (which includes uncles and nephews). Making parallels with Central Asia whose leaders have promoted close family members to top positions, L.O’Neill concluds: “Family is family, but **the rule of law and common sense need to carry the day if Moldova is to move toward a European future**” [29].

As in November Moldova’s communist opposition blocked an attempt to elect AEI’s presidential candidate it was stated that “clash over new president deepens Moldova crisis”. Such development threatens a return to political instability for what the economucally troubled Europe’s poootrest country that is in urgent need of external finantial support could pay a high price, for a return to political instability would limit its access to international aid [30].

In commentary “No Quick Fix for Moldova's Political Crisis” L.O’Neill noticed the next: “Not having a fully empowered head of state is, of course, a serious problem. Momentum is building in Moldova for a constitutional amendment to lead the way out of the current deadlock over electing a president. For sure, Moldova's election laws and practices are impossibly tangled and contradictory. Since 2000, six out of eight presidential ballots in parliament have failed to yield a leader. Sometimes precisely opposite outcomes find equal support in law. The courts - which should be the final arbiters - remain politicized and subject to pressure. All of this mixed together with the venal post-Soviet legacy has allowed a creeping ‘Ukrainization’ to enter Moldova's politics in 2009” [31]. “Thorough and thoughtful constitutional changes are needed to allow direct presidential elections and to fix other serious shortcomings in the system (particularly the lack of local representation in parliament, which keeps political elites Chisinau-bound and out of touch with the rest of the country). But resorting to

rushed constitutional amendments as a way out of a political crisis also presents a danger to this deeply divided fledgling democracy. The AIE risks continuing a troubling trend in which each newly ascendant group of politicians spikes, or is perceived to spike, the ground rules to suit its interests" [31]. The alliance complained bitterly about this rule-tweaking by the previous Communist government. V.Voronin's party was notorious for its disciplined use of administrative resources and, generally, for doing whatever it took to remain on top. The AIE's lamentations about these highly effective tactics played a prominent role in their campaign strategies and promises, particularly after the terrible events of April. "Since gaining power in the July repeat elections, however, **the alliance has flirted with moves uncannily similar to those it so decried as an opposition force. It has already changed the rules in a self-serving manner on a number of very important issues**", the analyst underlines, giving numerous examples of such ruling quartet's actions [31].

Yes, as time passes, sense *of déjà vu* is intensifying indeed.

As on December 7 Moldovan politicians failed in their fifth attempt in a year to elect a head of state in parliament "Moldova was plunged into a year of uncertainty" [32]. In the circumstances, reminding that now Moldova lacks a fully legitimate head of state, V.Socor marked that "**with this failure the parliament also lost its final chance to preserve its constitutional legitimacy**" [33]. "Thus, **Moldova finds itself deep in the throes of a permanent electoral campaign that started de facto in fall 2008**." The country will have to keep navigating on automatic pilot until the constitutional and political crises are resolved somehow", the analyst pointed out. He draw attemtion and to the fact that AEI leaders propose mutually conflicting ways of changing the constitution and holding new elections. M.Ghimpu suggests a referendum and retaining the existing parliament for the entire four-year legislative cycle since his nominal Liberal Party is weak and may suffer a setback in new elections. At the same time, understanding that proposals to change constitutional name of the language, from Moldovan to Romanian would be heavily defeated in a referendum, in line with this party's irredentist views the LP and some in the LDPM would favor changing the name of the language by parliament vote. V.Filat, whose nominal Liberal-Democrat Party has some potential to become a Moldovan "party of power", is interested in new parliamentary elections and suggests holding them by fall 2010. But M.Lupu's Democratic Party seems set to catch up with Filat's Liberal-Democrats and overtake them. Relatively bereft of administrative resources, the leader's personnel appeal is the Democratic Party's strongest asset, in a society that follows party leaders rather than parties as such [33].

In the setting P.Culeac makes the conclusion that "the political war continues" in Moldova and accompanies the words with a picture of medieval knights' bloody battle… In his opinion, after December 7 and "the risk the com-

munists dared to take when they refused to vote for Marian Lupu as head of state, the Moldovan political system entered a state of primordial chaos, in which the political players will fully manifest themselves and the power relationships between the political parties from Moldova will change" [34]. The Moldovan political arena is looking forward to getting rid of a part of the ballast, as well as to welcoming new political players on the political axis, an eventual new left party formed by progressive members of the PCRM, for example. The increase in the number of political players will generate the need to clarify the political views, shared by the parties currently forming the parliament majority. A clearer differentiation between the parties will determine a further crystallization of the political spectrum, as well as the radicalization of some current political players. The most visible metamorphoses are currently expected on the left and centre-left segments of the Moldovan political spectrum. "With their destructive short-sightedness and obstruction of the formation of the main state institutions, the Communist Party refused to fulfill at least two of the obligations it undertook as political party. First of all the PCRM denied its electors the right to be represented in the decision-making process in this state. The PCRM denied them the right to participate, even indirectly, in the life of the state which, according to their statements, the communists venerate so much" [34], P.Culeac thinks. In his judgment, "as an opposition party, the PCRM had quite a visible performance, in spite of a certain inevitable dose of duplicity, proving that it can be a vigilant opposition party, always keeping an eye on the governing parties. But the assigned role was designed to make the current parliament and government more responsible, not to destabilize the political situation, which is turbid anyway. This way the PCRM voluntarily gave up the right to be viewed as an accountable party, which has a word to say in the political process of the Republic of Moldova. And so, the intention of some progressive politicians to leave the PCRM is absolutely natural" [34]. The researcher allows the possibility that the repeated failure to elect-appoint M.Lupu as head of state is to his advantage. Currently Lupu is involved in a rather inconvenient partnership, which he has the obligation to honor. If new elections take place, the obligation of fidelity to the AIE disappears and if his rating continues to increase, M.Lupu has the chance to consolidate the position of the Democratic Party in the parliament, thus ensuring the control of a larger number of state institutions, as well as greater influence on the direction the Republic of Moldova will take. As P.Culeac supposed, it is more obvious that the important players of this new electoral fight, V.Filat and the LDPM will move to the right and to the centre right extremities of the political axis. The proximity of such a player as the PLDM, will determine the need of a clearer self-identification of other parties from that axis. The political survival, both of the Liberal Party and of the Our Moldova Alliance will depend on it [34]. In the author's guess, on the right segment, the Li-

beral Party might undergo a radicalization, caused by the need to differentiate the political players within the Alliance for European Integration. Even if M.Ghimpu holds the most visible positions in the state, “he does not manage to make use of these advantages and contribute to a better image of his party. The hasty decisions and statements of the current head of state can alienate part of the PL electorate, disappointed by the doubtful performance of the leader. There is an increased need to clarify the ideology of the party and adopt either liberal positions, or/and more strong national-liberal positions, as well as to implement certain image reforms among the leaders, allowing LP to attract new voters during the next election campaign. The simple recycling of the "Romanian identity" rhetoric, without a practical explanation of the method of implementation, will only lead to an irrevocable compromise of the Romanian ideals in the Republic of Moldova. In such case, the migration of right extremity voters to the centre-right or to the segment of passive citizens will be inevitable” [34].

In his turn, L.O'Neill considers that about “the death knell sounded for PCRM by some excited analysts after its decision to boycott December vote for a new president the same could be said as M.Twain famous quip «The reports of my death are greatly exaggerated»" [35]. “Although the theory of a disoriented PCRM dissolving internally has some supporting evidence, there is a far more complex game playing out in Chisinau, combining elements of chess, no-limits poker, and bare-knuckled kickboxing” [35]. In his words, ”the Communists' goal to hang onto power by remaining indispensable to the Moldovan political process is entirely rational. If an analysis of the PCRM's behavior is divorced from emotionality or wishful thinking, it can be evaluated as a hard-headed but highly risky strategy. Either the PCRM will succeed in dividing and conquering its rivals and will continue as the decisive, anchoring element of a governing coalition, or it will face the voters' wrath and be severely punished for standing in the way of Moldova's European future” [35]. In his view, the Communists selected this strategy because they understand that “time is running out on their party and that their current ‘brand’ is now a wasting asset”. At the same time they are mindful of the difficulty in Moldova of holding together a broad multiparty coalition; most alliances have fallen apart under the weight and ambitions of their constituent parts. That the four-party AIE has maintained a united front this long marks an exception in Moldova's political culture. There is already evidence of public fissures on both sides, but whether these cracks will lead to a collapse remains to be seen. “The PRCM is seeking to exacerbate and exploit the tensions by dragging out Moldova's political drama” [35].

”And the rhetoric on both sides has turned even uglier, taking on a fight-to-the-death quality”, L.O'Neill reckons. Commenting the AEI leaders’ declared intentions “to dsmember” and “destroy” the PCRM he again reminds that “the alliance ran on a platform of change, not a continuation of the bludgeoning ko-

mpromat policies of the PCRM. Though certainly attempting or threatening to jail one's opponents can be an effective way of gaining power". He cites the Communist leader who answered in kind, "taunted the AIE, calling acting President M.Ghimpu the best "agitator" for the PRCM because "the more he speaks the more our rating grows". Voronin derided the "Aliansul za Evro" ("Alliance for the Euro") and seriously saying on TV talk-shows it had brought "criminals" into parliament and "would betray Moldovan interests... and attack the nation's sovereignty and identity", hinting that the AIE's dramatic improvement of relations with Romania could result in the end of Moldova as an independent country [35].

In L.O'Neill's opinion, "part of the Communist strategy will be to shuffle the cards through repeat elections and see which parliamentary hand gets dealt". Next time, someone else (don't forget Iurie Rosca's unexpected arrangement with the PCRM in 2005 which led to Voronin's reelection as president) may well hold a joker and be ready to form a coalition with the Communists in return for a fancy position and other benefits. The Communists don't accept what they consider the AIE's self-serving interpretations of the constitution on the issue of the parliament dissolution and other issues and want the Constitutional Court to weigh in. The AIE, on the other hand, is enjoying the levers of influence and use of administrative resources, and "thus wants to drag the status quo out for as long as possible to cement its hold on power. Which brings us to the AEI's oft-threatened **"nuclear option" – amending the constitution** to get out of the political crisis" [35]. Commenting M.Gimpu's categoric statements that "no early parliamentary election will take place", the expert writes: "Launching this process the AEI indeed press "red butom"… But that move will lead to an even greater escalation in the level of vitriol and leagal wrangling, with unforeseeable consequences. At this point, there may, unfortunatly, be no other way out. Ghimpu has been talking about the aces up his sleeve. **Slapping aces on the table is cheating in pocker, but in Moldova's hybrid politics, anything goes**", concludes L.O'Neill [35].

Experts about specificity of Moldovan constitutional process

In the context it is also worth noting that shortcomings of Moldovan constitution and other laws for foreign specialists did not become a sudden discovery of 2009. Thoroughly examining political and constitutional processes in the Republic of Moldova in numerous researches, in particular for a long time they paid attention to contradictions of Moldovan parliamentary system. In S.Roper and other abroad scholars' opinion, though constitutional change in July 2000 were justified by political considerations, ostensible ineffectiveness of the semi-presidential regime, absence of coordination between president and parliament, necessity to raise the effectiveness of executive powers, etc., "in reality they

were provoked by extreme positions taken by many members of parliament, by individual ambitions, intense personal rivalries and subsequent continual conflicts" [36, 113]. "Elite and social fragmentation, polarization primarily along ethnic and party lines prevented political consensus, led to recurrent struggles between the executive and the legislative branches and their following ineffectiveness. Just that eventually caused the change to such parliamentary regime when the mechanism of elections was changed, but the fundamental powers of the president remain intact… According to *Infortag*, some argued that thus in 2000 Moldova adopted a «mutilated presidential system»" [36, 126].

At present situation in particular actually sound and conclusions of K.Matsuzato who considers that compared with other East European countries Moldova continues to suffer from a lack of intellectual recourses, in particular specialists in jurisprudence and political science. As a result Moldovan constitutional process is characterized by haste in drafting and amending the constitution. "Such hasty constitutional process has a serious consequence: because of the plebiscite or the rough-and-ready adoption and change of their constitutions, the political and academic elites of Moldova and Armenia did not feel a sense of loyalty to their constitutions" [27]. In addition to general insufficiency of intellectual recourses in Moldova, the issue of institutional design did not concern the elite. Even after the bloody Transdnistrian conflict Moldova's politicians and experts concentrated not on the design, but on ideological problems, such as the choice between Moldovan and Romanian identity, the name of the title nation and its language… As a result of severe intraelite struggle that not only devastated Moldova's social-economic situation but also its international reputation, which is very important for a country heavily dependent on foreign aid, Moldova failed to work out viable constitutional regimes. Serious ethno-identical cleavages in society and territorial conflict also prevent adoption of viable semipresidential constitution in Moldova", regrets K.Matsuzato [37, 317]. He warned that "thus in Moldova we find constitutional destabilization in contrast to the majority of East European countries where we find constitutional stabilization". He stressed that in such countries like Ukraine and Moldova constitutional process is destabilized by "imagined europeannes" and "provincial mentality" of elites, which cause their incapability to compromise. The researcher cites V.Mocreac, Moldovan specialist in constitutional law, who argues that "Moldova's shift from a semipresidential to a parliamentary system had no judicial or state-building motivation, but was a product of personal emotion and a provincial "petit gentry" mentality – those who achieve modest success in politics begin to feel great leaders who should not compromise" [37, 317].

Summarizing his comparative analyses, K.Matsuzato makes the conclusion: "Viable semipresidential constitutions were adopted in those Eurasian and European countries which were blessed with an elite prone to compromise, inte-

rnational autonomy, and developed jurisprudence and political science. If a country's elite are liable to a plebiscite decision on constitution issues, depends on international influence, and have poor expertise in jurisprudence and political science, this country will be prone to producing an unviable semipresidential regime. One may find this in Armenia and Moldova. In these countries semipresidential regimes cannot consolidate and they continue to experience constant constitutional instability". For the same reasons Moldova's shift to a parliamentary system also revealed contradictions. "Therefore the only solution seems to be to make presidency a purely symbolic and protocol function", especially in view of Mocreak's remarks that popularly elected president with nominal power are becoming a dominant form of government in democratizing postcommunist countries" [37, 340].

In connection with the suggestion of a national referendum on direct popular presidential election as the "only way" out of the political stalemate L.O'Neill points out: "The problem is that once you start hastily modifying the constitution, unexpected things can happen. **Serious changes to the Moldovan Constitution are sorely needed, but they should be undertaken with great care and deliberation, not as a quick fix"**. Even Lupu, who stands the most to gain from direct elections, has indicated that real constitutional reform could take years to do properly [31]. "What is needed now is one last round of serious, responsible, mature, good-faith negotiations between the AIE and the Communists to elect a president under the existing system. Then, in an atmosphere of (relative) calm, Moldova's politicians, scholars, and advisers can undertake a comprehensive review of the constitution to create a better system for Moldova's people and its future leaders. **Otherwise, the country's politicians will just be perceived as moving, once again, to advance their own interests, and in reality will only be slapping a bandage on a dysfunctional system", affirms the expert** [31]. Yes, by me they are perceived just so.

Summing up given above objective reflection in Western press of Moldovan political and constitutional practice, it is possible to conclude: The new mechanism of president elections has only secondary significance and could be only a palliative in light of the fact that aforesaid factors causing "permanent risk of political and constitutional instability in Moldova", beginning with demonstrating by Moldovan political class chronic inability and lack of intention to find compromise (read S.Roper, K.Matsuzato, L.Way, e. a.), preserve entirely intact. And so, any change of form of head of state elections in Moldova's circumstances in the best case will be able to produce only temporary positive result, if at all. Without changing collective psychology of Moldovan political elite, so eloquently described by foreign observers, any electoral procedure can't bring radical amelioration of local poor social and political situation. This racket around "referendum" with about 16 per cent "legitimacy" that the poor country and the

world are watching now is purely cynic populist political game for naive people and for the benefit of ruling coalition.

Even so in spite of Moldova's numerous problems and challenges D.Kramer, A.Inayeh, P.Demes and some other researchers think that learning from the successes and failures the Republic of Moldova still has a chance to accomplish such tasks of the top priorities as repairing the economy and building institutions and to move the country closer to stability and wellbeing. But it would become a true success story only if the European Union and the United States will render this fragile democracy considerable assistance. In their words, Moldova's new leaders seem willing to embark deep and immediate reforms as the only way to progress [38]. Nevertheless Ch.Bryant is not so optimistic. Totaling present crisis situation, he makes the conclution that "while Moldova's new government has won strong backing from international donors, at home hopes connected with carrying reforms and its longevity are threatened by growing poverty and a seemingly intractable political crisis". Noting that fresh parliamentary elections "are considered almost certain" before the end of the year, the author assumes that "**the poll could be uncomfortable for the rulling coalition because most ordinary Moldovans do not feel the benefit of their reforms**" [39]. Overall, Moldova's agriculture dependent economy contracted by 6.5 per cent in real terms, leading to a doubling in unemployment and a sharp rise in poverty. **"Bureaucracy, monopolies and widespread corruption continue to be Moldova's very serious problems and to act as a barrier on the way of democratic reforms and foreign investment**" [39]. These kinds of issues are corrosive to the democratic process and hinder any progress. I guess that at these days condition the next warning and recommendation of the named Marshall Fund's experts deserves special attention: "Being the engine of development, reforms yet bear a political cost, one that Moldova cannot pay too soon without seriously risking sliding back to a closed and infertile political system. This is why, in addition to EU action on the economy, efforts also should focus on encouraging mass media and civil society to become part of policymaking and strengthen its watchdog capacity, and increasing parliamentary control over government actions. **Creation of solid elements of a democratic system is the only proof against political backslide.** Moldova simply doesn't have that luxury - to stop reform. And neither does the West" [40].

Conclusions

In globalization era the idea of image is extremely popular in world scholarship. As it is seen from the resources cited above and numerous other analogous critical evaluations, the image of our country in the reflection of such Western resources as Anglophone academic literature and mass media is truly sad. In my opinion such vision is adequate representation of Moldova's poor realities, a

sign of unease among the observers and honest word of warning to thinking citizens. People can agree or disagree with the views from without. But they ought to know them to avoid repletion of the mistakes. Moreover, it is impossible to integrate in democratic world successfully without knowing how it sees us – what press as the mouthpiece of Western public opinion writes about Moldova. And I hope that common meditations over criticism presented above will serve as a stimulus to further studies of similar resources and common, synergic work for the improvement of present regrettable state of affaires.

Cited higher and many other critical foreign interpretations of Moldova realities expose all strict accuracy of the thought, widely spread in Anglophone transitology, that political system of the Republic of Moldova can be characterized as “formal”, “populist” democracy, where stay at power at any price is the main aim of political forces and is realized in demagogic form by promises to protect people interests, democracy, European integration, etc. In fact, as we can see, the interests of people are taken into account very rarely. Given reflection of the events of 2009 in abroad press is one more confirmation of correctness of the idea that reasons for the imitative, even simulative character of the democratic process in Moldova are rooted not only in the specific nature of its political class, which L.Way with good reason portrays as “rapacious individualism”, but in the “notorious weakness” of local civil society also. On this background the main recommendation of both overseas experts and mine remains to implant in Moldovan politicians of all denominations and in entire society which product political class is democratic political culture of reconciliation and collaboration together with systematic studies of Western socio-political thought, including such its direction as transition studies. Developing the extremely important suggestions about the necessity for Moldova’s civil society to become part of policymaking and strengthen its watchdog capacity over government actions I would like to emphasize that such significant component of civil society as educational and research institutions must more actively participate in vitally important work of building firm elements of a democratic system. Central mission of Moldova educated class now: to try transforming our universities into “locomotives of democracy”, to cultivate sense of social solidarity as foundation of modern democracy like our Western colleagues do it. To overcome present and future challenges Moldova must develop solidarity and inclusiveness. Without civic unity, in society divided on so many criteria true democratic development is impossible. Either we attempt doing this hard work of proper civic education or Moldova will remain a country with pronounced democratic and social ills, “simulative” democracy, sad borderland without own future.

Bibliography

1. Sherr J. Question of Power. // The World Today, London, May 2009, vol. 65, No 5.
2. Lobjakas A. Quo Vadis Moldova? // RFE/RL, Aug. 7, 2009.
3. In the balance. Moldova's election. // The Economist (US), Aug. 8, 2009.
4. Pelin T. Communists defeated in Moldova election. //Time.com, July 31, 2009.
5. Moldova burning. // Economist.com, April 8, 2009.
6. Popham P. Moldova's Communists beaten. // The Independent, London, July 31, 2009.
7. Driven by desperation Moldova. // Economist.com / Global Agenda. London, May 15, 2007.
8. O'Neill L. The world's most unhappy people. // The Wall Street Journal, April 21, 2009.
9. Weiner E. Will democracy make you Happy? // Foreign Policy, 2008, N165
10. Barry E. Moldovans search for answers after riot. // The New York Times, April 9, 2009.
11. Barry E. As East and West pulls on Moldova, loyalties and divisions run deep. // The New York Times, April 15, 2009.
12. Peel Q. Moldovans want to have it both ways. // The Financial Times, London, July 30, 2009.
13. Escritt Th. Moldova faces new vote for new direction. // The Financial Times, July 30, 2009.
14. Steele J. It's sour grapes to blame the election for Moldovan anger. // The Guardian, 13 April 2009.
15. Mungiu-Pippidi A., Munteanu I. Moldova's "Twitter Revolution". // Journal of Democracy, Baltimore, July 2009.
16. Smidtke O., Yekelchyk S. (eds.) Europe's last frontier? Belarus, Moldova and Ukraine between Russia and European Union. - New York: Pagrave Macmillan, 2008.
17. Mungiu-Pippidi A., Krastev I. (eds.) Nationalism after communism: Lessons learned. - Budapest (Central European University Press), 2004.
18. Birnir J. K. Ethnicity and electoral politics. - Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
19. Quinlan P. Back to the future: An overview of Moldova under Voronin. // Demokratizatsiya, Washington, 2004, vol.12, No4.
20. Crowther W., Matonyte I. Parliamentary Elites as a Democratic Thermometer: Estonia, Lithuania and Moldova Compared. // Communist and Post-Communist Studies, Killington, 2007, vol.40, No3.
21. Ciscel M. The language of the Moldovans. Romania, Russia, and identity in an ex-Soviet republic. – Lanham, New York: Lexington books, 2007.

22. Ciscel M. Separate Moldovan language? // Nationalities Papers, N.Y., 2006, No5.
23. Socor V. Moldova's Elections: Limited communist victory deepens deadlock. // Eurasia Daily Monitor. Washington, July 31, 2009, vol.6, No147.
24. Who's left? Who's right? // Economist.com, April 23, 2009.
25. Moldova enters post-Voronin era or maybe not. // RFE/RL, August, 7, 2009.
26. O'Neill L. Moldova's recent elections: Prospects for change in Europe's poorest country. http://www.america.gov
27. O'Neill L. In Moldova, revenge is a dish best not served. // RFE/RL, August, 12, 2009.
28. O'Neill L. Moldova's leaders struggle to find common language. // RFE/RL, September, 1, 2009.
29. O'Neill L. Moldova's near miss with nepotism. // RFE/RL, October, 5, 2009.
30. Escritt Th. Clash over new president deepens Moldova crisis. // The Financial Times, November, 11, 2009.
31. O'Neill L. No quick fix for Moldova's political crisis. // RFE/RL, November, 30, 2009.
32. Moldova faces continued uncertainty. // The New York Times, December, 8, 2009.
33. Socor V. Moldova on automatic pilot after the presidential election fails again. // Eurasia Daily Monitor, vol. 6, December, 8, 2009.
34. Culeac P. The political war continues. // Moldova.azi, Decembrie, 16, 2009.
35. O'Neill L. Chess, Poker, And Kickboxing In Moldovan Politics. // RFE/RL, Decembie, 15, 2009.
36. Roper S. From semi-presidentialism to parliamentarism: Regime change and presidential power in Moldova. // Europe-Asia Studies, Abingdon, Jan. 2008, vol.60, No1.
37. Matsuzato K. Differing Dynamics of Semipresidentialism across Euro / Eurasian Borders. // Demokratizatsia, Washington, 2006, vol.14, No3.
38. Kramer D., Inayeh A., Demes P. Moldova: A corner of potential in Europe. // Business Week, January, 20, 2010.
39. Bryant C. Poverty and political crisis hamper hopes in Moldova. // FTcom, May 14, 2010.
40. Kramer D., Inayeh A., Demes P. Moldova's window of opportunity. // FT.com, January 20, 2010.

Presented to the editors
on August 23, 2010

COMPARTIMENTUL
RELAŢII INTERNAŢIONALE

EUROPA: FRONTIERE CULTURALE INTERNE SAU AREAL CULTURAL UNITAR

Mircea BRIE
Romania, Oradea, Universitatea din Oradea, Facultatea de Istorie, Geografie şi Relaţii Internaţionale, Catedra de Studii Europene şi Relaţii Internaţionale

Ioan HORGA
Romania, Oradea, Universitatea din Oradea, Facultatea de Istorie, Geografie şi Relaţii Internaţionale,
Profesor, doctor, decan

Imaginea culturii europene este dată de asocierea conceptelor popor-cultură-istorie-teritoriu care conferă o anume specificitate locală cu caracteristicile sale proprii. Sub acest raport, identificăm, dincolo de o cultură europeană, un spaţiu cultural cu specificităţi naţionale, regionale şi locale. Identificăm aşadar cel puţin două construcţii identitar culturale la nivel european: o cultură a culturilor, respectiv un spaţiu cultural cu o identitate puternică la nivel particular, local, regional, naţionale, sau un arhipelag cultural, respectiv un spaţiu cultural comun întrerupt de discontinuităţi. Oricare ar fi perspectiva, nu este negată existenta unei arii culturale europene, asta chiar dacă este vorba fie de una a diversităţii, fie a „continuităţii întrerupte”.

Lucrarea de faţă este o analiză a spaţiului cultural european pe cele două direcţii: 1. Europa cu arii frontaliere culturale interne; 2. Europa ca spaţiu cu frontiere cultural-identitare externe. Metodologic, precizăm faptul că în ciuda abordării pe cele două nivele, cele două construcţii conceptuale nu se exclud: conceptul de „cultură a culturilor” desemnând atât un spaţiu identitar particular, cât şi unul general. Specificitatea culturii europene este dată tocmai de diversitatea şi multiculturalismul ca formă de manifestare la nivel local, regional sau naţional. Spaţiul cultural european este prin urmare un spaţiu cu o identitate puternică atât la nivel particular, cât şi la nivel general.

***Keywords**: cultură, frontieră, diversitate, Europa, identitate, globalizare, interculturalitate*

The image of the European culture is given by the association of the concepts people-culture-history-territory, which provides certain local features. From this relation, we identify a cultural area with local, regional and national features beyond a certain European culture. Thus, we identify at least two cultural identity constructions on the European level: a culture of cultures, that is

a cultural area with a particular, local, regional and national strong identity, or a cultural archipelago, that is a common yet disrupted cultural area. Whatever the perspective, the existence of a European cultural area cannot be denied, although one may speak of diversity or of "disrupted continuity".

The paper is a survey on the European cultural space in two aspects: 1. Europe with internal cultural border areas; 2. Europe as external cultural-identity border area. From a methodological point of view, we have to point out that despite the two-levelled approach the two conceptual constructions do not exclude each other: the concept of "culture of cultures" designs both a particular and a general identity area. The specific of the European culture is provided precisely by diversity and multiculturalism as means of expression on local, regional, or national levels. Consequently, the European cultural area is an area with a strong identity on both particular and general levels.

***Keywords**: culture, border, diversity, Europe, identity, globalisation, interculturality*

Introducere

Tendințele, exprimate în mediile științifice, spre care se îndreaptă cultura europeană, fie sunt grupate în jurul conceptului de *omogenizarea culturală*, fenomen aflat într-o puternică relație de cauzalitate cu ceea ce reprezintă globalizarea şi mondializarea, fie desemnează o realitate existentă ce nu poate fi negată sau demolată: *diversitatea culturală*. În primul caz, avem de-a face cu universalizarea şi uniformizarea valorilor, a imaginilor şi ideilor transmise prin media sau industria culturală. Într-o asemenea construcție specificitatea națională şi regională are de suferit, consemnându-se inserția unui mecanism de „preponderență" culturală emanat în principal de către Statele Unite ale Americii, denumit drept „americanizarea" culturii mondiale [14, 255-258]. În cea de-a doua ipostază, diversitatea culturală consemnează pluralitatea de idei, imagini, valori şi expresii. Toate acestea sunt posibile printr-o varietate mare de exprimare şi prin prezența unui mare număr de culturi paralele, naționale, etnice, regionale, locale, etc. Mai mult, în acest context, unii autori vorbesc despre „revanşa identitară" şi „sentimentul întoarcerii spre identitatea istorică, națională şi culturală" în special într-un spațiu, cum este cel al Europei Centrale şi de Est, şi un timp istoric în care specificitatea şi identitatea națională este obligată să se redefinească prin deschiderea sa spre noile configurații geo-politice, istorice, cultural [7, 645-646]. Dincolo de relativul antagonism epistemologic al acestei abordări, dezbaterea noastră poate fi uşor nuanțată. Câmpul cooperării culturale tinde să devină „multipolar", în discuție introducându-se conceptul de „rețele culturale". Aceste rețele au început să bulverseze vechile structuri, aducând un câştig în materie de identitate, de comunicare, de relație şi de informare [21, 8]. Actorii internaționali capătă un rol tot mai important; proiectele, ideile, metodele sau structurile

lor, cu alte cuvinte identitatea lor, devin nu doar mai vizibile (ca atare mai multiplicate prin efectul asupra celorlalți), ci şi mai specifice, mai particulare prin exprimare.

Este cultura europeană una globală sau este una specifică? Putem vorbi despre globalizare şi mondializare culturală? Sau, cultura europeană se îndreaptă către o structură cosmopolită? Dar care este locul tradiționalului, a etnicului, naționalului, a specificului şi particularului? În discuție își face loc astfel ecuația global vs. local, general vs. particular. Culturile naționale şi regionale nu dispar sub imediata accelerare a mondializării, asta şi datorită creşterii interesului pentru cultura locală. Mondializarea, văzută ca un proces mai general, ce include şi globalizarea, este „caracterizată prin multiplicarea, accelerarea şi intensificarea interacțiunilor economice, politice, sociale şi culturale între actorii din diferitele părți ale lumii” [27, 107-108]. Această mondializare culturală, dacă ea este una generalizată, nu are aceeaşi influență peste tot în Europa.

Grupul european de lucru pentru cultură şi dezvoltare, de pe lângă Consiliul Europei, în versiunea franceză a raportului publicat în martie 1998, abordând această problematică pleacă de la întrebarea „Culture européenne: la boutique du coin, le commerçant indépendant ou le supermarché mondial? Concluziile care se desprind în urma acestui raport sunt mai degrabă nişte generalizări pe care le putem grupa în câteva categorii [14, 255-259]:

- Există o foarte puternică cerere de produse mediatice şi alte produse şi servicii culturale mondiale difuzate şi uşor accesibile; în acelaşi timp oferta culturală locală, inclusiv media locală, prin interacțiunea şi practicile locale, ajută la suscitarea interesului pentru particular, pentru ideile, imaginile şi valorile care celebrează comunitatea şi sentimentele locale. Diversitatea de păstrează şi se menține şi datorită susținerii pe care o oferă statele naționale.

În fața unui puternic curent de consolidare a unei lumi a „continentelor culturale” (ex. cultura europeană, nord-americană, s.a.) se remarcă existența unor „insulițe culturale” autonome, care se definesc şi se mențin la scară națională, regională şi locală, aplicând toate expresiile şi producția culturală criteriilor tradiționale şi autohtone de excelență/acceptare. Aceste „insulițe culturale” devin un fel de muzee culturale închise în fața tuturor influențelor exterioare.

Există o puternică „seducție a mndializării”. Sub acest raport, cultura europeană este o reuşită pe plan economic, e fiind orientată în sens mondial şi comercial. „Cucerirea” piețelor mondiale din punct de vedere economic asigură „exportul” cultural. Un rol deosebit îl joacă într-o asemenea ecuație marile firme din domeniul informațiilor şi telecomunicațiilor, din domeniul producției culturale, al industriei de divertisment şi al turismului.

Spațiul european este un spațiu al amestecului cultural, al interculturalității, ce face posibilă apariția unor „culturi hibride” care asimilează idei, imagini şi valorii propriului format cultural

Dacă este să acceptăm ideea că toate țările trebuie să acționeze la nivel mondial şi că nici o cultură nu poate să funționeze izolat, politicile adoptate de către guverne trebuie să salveze producția şi diversitatea culturală locală.

Perspectiva culturală europeană este dată şi de politica Uniunii Europene în direcția culturală. „*Y a-t-il une politique culturelle européenne*? Este titlul unei conferințe susținută la Bucureşti în ianuarie 2009 de V.Dubois. Întrebarea ni se pare firească şi legitimă din perspectiva identificării specificului culturii din spațiul european. Discursul începe prin trimiterea la un citat apocrif din J.Monnet (acesta nu ar fi pronunțat niciodată această frază!): „Dacă ar fi să refac ceva – e vorba, desigur, de construcția europeană –, aş începe cu cultura“ [10]. Trimiterea care se face, are în vedere tocmai faptul că ceea ce numim „metoda J.Monnet“, proiectul pe care el l-a construit pentru a schița integrarea europeană, are o altă direcție: anume, plecând de la structura economică, există un întreg angrenaj virtuos, pornind de la sistemul de producție ajungem să ne interesăm de chestiunile sociale, urmând ca, la capătul acestor interese, să se înfăptuiască integrarea culturală a Europei. Acest proiect, această direcționare a intereselor, a avut, cu siguranță, efecte asupra felului în care a fost gândit procesul integrării culturale. Ceea ce lipseşte parțial sau complet acțiunilor culturale întreprinse de Uniunea Europeană este afirmarea de către organizațiile politice implicate a unei politici culturale, respectiv revendicarea unei politici culturale. Cu toate acestea, există trei obiective importante ale agendei culturale europene: 1. promovarea diversității culturale, dialogul intercultural. Însă, în cazul acestui obiectiv avem de-a face cu o accepție largă a culturii, care depăşeşte sectorul cultural în sens strict. El priveşte schimburile interetnice, dincolo de simpla promovare a produselor culturale; 2. a promova culturile în calitate de catalizatori ai creativității. Termenii de „artă“, „cultură“ nu sunt folosiți în documentele Uniunii Europene, cel de „cultură“, da, dar în sensul larg, antropologic. Termenul preferat e cel de „creativitate“ şi denumeşte orice activitate din momentul în care ea se defineşte prin inovație; 3. promovarea culturii ca element indispensabil în relațiile externe ale Uniunii Europene. Se poate vedea că obiectivele propriu-zis culturale sunt subsumate celor care privesc integrarea europeană în sens larg [10].

În abordare, negreşit un important element este dat de nivelul de referință: sub- sau multinațional, autohton sau diasporic, nu în ultimul rând de contextul european şi internațional [4, 29-32].

Dincolo de orice abordare, imaginea culturii europene este dată de asocierea conceptelor popor-cultură-istorie-teritoriu care conferă o anume specificitate locală cu caracteristicile sale proprii. Sub acest rapor, identificăm, dincolo de o cultură europeană, un spațiu cultural cu specificități naționale, regionale şi locale. Identificăm aşadar cel puțin două construcții identitar culturale la nivel european: o cultură a culturilor, respectiv un spațiu cultural cu o identitate puternică

la nivel particular, local, regional, naţionale, sau un arhipelag cultural, respectiv un spaţiu cultural comun întrerupt de discontinuităţi. Oricare ar fi perspectiva, nu este negată existenta unei arii culturale europene, asta chiar dacă este vorba fie de una a diversităţii, fie a „continuităţii întrerupte”.

Care este locul frontierei culturale dintr-o asemenea perspectivă conceptuală? Vom încerca în cele ce urmează o abordare pe cele două direcţii: 1. Europa cu arii frontaliere culturale interne; 2. Europa ca spaţiu cu frontiere cultural-identitare externe. Metodologic, precizăm faptul că în ciuda abordării pe cele două nivele, cele două construcţii conceptuale nu se exclud: conceptul de „cultură a culturilor” desemnând atât un spaţiu identitar particular, cât şi unul general.

1. Europa - un spaţiu al frontierelor culturale

Multă vreme conceptul de frontieră s-a dezvoltat ca şi „o axă a intoleranţei”, a naţionalismului şi a rasismului, a respingerii vecinilor [30, 28]. Dincolo de frontiera fizică, oricare ar fi abordarea conceptuală din perspectiva căreia este analizată, în interiorul sau la graniţa Uniunii Europene, identificăm şi alte tipuri de „frontiere”. Numim aceste frontiere drept simbolice şi ideologice deoarece ele, cele mai adesea, nu sunt palpabile. De la europenism la naţionalism, de la identităţi etno-religioase la culturale şi clivaje sociale, paleta largă a abordărilor asuprea acestor frontiere poate continua în contextul implementării unei eficiente politici europene de vecinătate. Frontiera fizică de la limita externă a Uniunii Europene se poate „deschide” cu timpul, între oameni şi comunităţi pot apărea însă alte tipuri de frontiere. Imigranţii, de pildă, trăiesc în interiorul Uniunii Europene, prin păstrarea propriei identităţi ei îşi pot crea o lume care, prin specificitatea pe care o dezvoltă, „refuză integrarea” astfel că identificăm între acest gen de comunităţi şi majoritate un clivaj ce poate îmbrăca forma unei frontiere culturale simbolice ce se transformă uneori chiar în frontieră „externă”.

În contextul actual al crizei economico-financiare, multe din societăţile europene dezvoltă un puternic sentiment de „autoprotecţie”, care nu îmbracă doar o formă de natură economică, ci şi una de prezervare a propriei identităţi, inclusiv culturale. Momente de criză sau exaltare pot conduce uşor la apariţia unor sentimente naţionaliste ce diluează percepţia „europenistă” asupra frontierei. O asemenea diluare are loc în paralel cu întărirea coeziunii identitar-comunitare, a spiritului de apartenentă etno-culturală la o naţiune. Este o perioada când multe popoare europene se reafirmă, „se recâştigă identitar” prin întoarcerea spre naţional, asta în ciuda „unităţii” şi solidarităţii afirmate la nivelul instituţiilor europene prin oficialii statelor membre.

Frontierele naţionale, create în diferite perioade şi contexte istoriece şi politice au contribuit la integrarea economică naţională, dar şi culturală, a periferiilor. În contextul actual, odată cu integrarea în UE a statelor din Europa Centrală şi de Est, a apărut un fenomen invers: dezintegrarea pieţei naţionale şi descent-

ralizarea administrativă a condus a influențat integrarea periferiilor în sistemul național, inclusiv cultural. În prezent puternice curente sunt canalizate pe direcția cooperării transfrontaliere, erodând ideea blocului național compact şi relativ izolat [17, 205]. Sub raport cultural se poate remarca o fluidizare a schimburilor, fără însă a putea vorbi despre o pierdere a specificității naționale, regionale sau locale. Specificitatea culturală introduce în discuție frontiera culturală. Ea separă ariile culturale cu identitate proprie construind ceea ce denumim spațiul cultural european al culturilor.

1.1. Europa: cultură a culturilor

Numeroasele frontiere politice tind să-şi diminueze importanța până la dispariție în spațiul Uniunii Europene. Vechile frontiere devin cu trecerea timpului doar nişte „simboluri ale singularității, ale independenței” [2, 139]. În acelaşi timp frontierele culturale, de exemplu, capătă o funcționalitate tot mai vizibilă. Abordarea nu este doar una internă, caz în care se identifică “subcomponente” culturale specifice spațiului european, ci şi una ce caracterizează sistemul de guvernanță extern al Uniunii Europene. O asemenea frontieră culturală face clar distincția între Europa şi non-Europa. Această perspectivă, ce aduce în discuție ideea unității civilizației europene şi oferă imaginea unui ansamblu cultural european (e drept divizat în „subcomponente” culturale), este demolat de susținătorii culturilor naționale ale popoarelor europene. Enunțul „cultură a culturilor”, deşi recunoaşte unitatea de ansamblu, pune accentul pe specificitatea culturilor. Frontierele culturale sunt în fond arii de contact ce asigură comunicarea şi cooperarea, fără a constitui bariere între popoarele sau culturile europene.

Diversitatea culturală, pluralismul şi multiculturalismul sunt elemente specifice spațiului european. Procesul de integrare europeană este unul complex ce nu impune, şi nu este condiționat, de ideea unității culturale, a existenței unei culturi comune care să-i includă pe toți europenii. Specificitatea şi diversitatea sunt tocmai apanajul dialogului intercultural dintre popoarele europene. Fiecare dintre societățile europene trebuie, în funcție de tradițiile şi specificul instituțiilor sale, să-şi găsească propriile sale soluții integratoare. Modelul de integrare care funcționează în Germania, poate să nu convină în Franța. Între modelul politicii de asimilare din Franța şi toleranța exprimată în Marea Britanie există diferențe frapante. Dacă în discuție sunt introduse şi societățile din spațiul central şi răsăritean al Europei diferențierile sunt şi mai vizibile.

Societățile şi culturile europene nu se resping reciproc din ecuația construcției europene. Este timpul în care fiecare poate învăța din experiența şi expertiza celorlalte. Țările din Europa Centrală şi Est, eliberate de regimurile autoritare comuniste, au experiementat în perioada de după 1990 trecerea spre un model democratic. Acest model democratic presupunea însă acceptarea diversității, inclusiv prin recunoastrea revendicărilor pe care le aveau minoritățile naționale.

În unele situaţii, posibilităţile de exprimare culturală şi răspunsurile politice la aceste revendicări nu au fost chiar cele dorite, astfel şi-au făcut loc, din păcate, soluţionările militare.

În Europa Occidentală minorităţile şi-au câştigat treptat şi pe o perioda îndelungată de timp recunoaşterea autonomiei şi echitatea în repartiţia resurselor naţionale (sub acest raport, contrastează schimbările bruşte din partea central-răsăriteană a continentului ce au căpătat o formă de manifestare de o intensitate mult mai mare, atât prin revendicările minorităţii, cât şi prin rezistenţa majorităţii). Nu aceeaşi situaţie poate fi constatată în dreptul minorităţilor provenite din vechile colonii europene. La propunerile lor se pune problema statutului social, a mijloacelor financiare şi, în fine, a relaţiilor dintre culturile europene şi cele din părţile lumii de unde aceste populaţii provin [14, 69].

Atitudinea europenilor faţa de imigranţi nu s-a menţinut constantă de-a lungul timpului. Dacă în anii '70 ţările europene au fost favorabile imigrării, iar în unele cazuri precum Germania Federală şi Elveţia care au şi încurajat-o pentru a remedia forţa de muncă, lucrurile s-au schimbat ulterior. La sfârşitul anilor '80 datorită numărului covârşitor de imigranţi şi a caracterului lor „non-european" bătrânul continent s-a dovedit a fi mai puţin primitor. Totuşi Europa a încercat să cultive un climat de deschidere şi generozitate „Este fundamentală crearea unei societăţi primitoare şi recunoaşterea faptului că imigrarea este un proces cu sens dublu ce presupune adaptarea atât a imigranţilor cât şi a societăţii care îi asimilează. Europa este prin natura sa o societate pluralistă, bogată în tradiţii culturale şi sociale care pe viitor se vor diversifica şi mai mult" [26, 50]. Să fie doar o utopie acel optimism european identificat de M.Tandonnet? Prezenţa islamului în Europa este o certitudine, dar europenizarea acestuia rămâne o problemă discutabilă. Precum remarca şi academicianul francez G.Kepel „nici vărsarea de sânge a musumanilor din nordul Africii, luptând în uniforme franceze în timpul celor două razboaie mondiale, nici truda muncitorilor imigranţi, trăind în condiţii deplorabile, ce au reconstruit Franţa (şi Europa) pentru un preţ de nimic dupa 1945, nu i-a transformat pe copii lor în... cetăţeni europeni în adevăratul sens al cuvântului" [15, 1]. Dacă europenii sunt în stare să asimileze imigranţii musulmani sau dacă se va produce un conflict de valori rămâne un subiect deschis. S.Hoffman observa că occidentalii se tem tot mai mult „că sunt invadaţi nu de către armate şi tancuri, ci de imigranţi care vorbesc alte limbi, venerează alţi Dumnezei, aparţin altor culturi şi le vor lua slujbele, le vor ocupa pământurile, vor trăi departe de sistemul de prosperitate şi le vor ameninţa modul de viaţă" [25, 30; 13, 292].

Alternând negocierea şi conflictul, comunicarea şi îndoiala, musulmanii îşi construiesc pas cu pas o identitate individuală şi colectivă „ce riscă să fie în acelaşi timp pură şi hibridă, locala dar şi transnaţională" [24, 42]. Multiplicarea vectorilor identitari contribuie la o fluidizare a frontierelor simbolice şi o individu-

alitare a comunităților diasporice. În jurul comunității islamice se identifică o formă de clivaj în raport cu restul comunității. Acest clivaj îmbracă uneori forma unei frontiere interne, dar şi externe în acelaşi timp. O asemenea realitate este amplificată şi de crearea unor modele comunitare în care trăsăturile identitare sunt transferate dinspre sfera etnică sau națională (turci, magrebieni, arabi) spre cea religioasă, musulmană, islamică [24, 44]. Pe acest model de comportament putem să observăm numeroase reacții comportamentale ale unor cumunități islamice între care se realizează o solidaritate ce trece uşor dincolo de diferențele etnice sau naționale. O asemenea realitate este determinată şi de atitudinea discriminatorie a majorității. Numeroasele stereotipii conduc nu doar la o imagine şablonată ce s-a generalizat, ci şi la o solidarizare în jurul valorilor islamice chiar şi a acelora care nu sunt practicanți religioşi, unii fiind chiar atei. Fenomenul poate să fie şi invers: plecând de la solidaritatea islamică se poate ajunge la o solidaritate etnică. Aşa este cazul comunităților islamice de pakistanezi din Marea Britanie (aproximativ 750.000 de persoane) care s-au regrupat etnic (individualizându-se o frontieră etnică) pe baza unui suport religios [20, 159].

Frontierele etno-culturale pot să se suprapună sau nu peste cele ale unui stat: în interiorul majorității statelelor europene putem să identificăm „frontiere" simbolice ce separă mai mult sau mai puțin comunități umane pe criterii etnice sau culturale.

Politica UE are un impact asupra poziției minorităților naționale în statele europene. Un obiectiv actual al Uniunii Europene este dina acest punct de vedere construcția unui spațiu „neutru" în interorul căruia să se regăsească şi să coopereze diferitele culturi naționale din care acest spațiu a rezultat [14, 69]. Un element cheie al acordurilor de aderare a majorității statelor din Europa Centrală şi de Est a fost legat de tratamentul acordat minorităților naționale, inclusiv prin gestionarea „frontierei" dintre minoritate şi majoritate. În Estonia, de exemplu, un program finanțat de stat pe problema „integrării în societatea estoniană" (program implementat în perioada 2000-2007), împreună cu programele finanțate de UE, Națiunile Unite şi alte state nordice a avut sarcina de a promova dialogul interetnic şi învățarea limbii estoniene de către vorbitorii de rusă [29, 68]. În Ungaria, guvernul a fost preocupat în mod similar de îmbunătățirea tratamentului față de țigani, lucru pe care l-a cerut Uniunea Europeană în perioda negocierilor de aderare. De altfel problema țiganilor este o problemă generală pentru statele din centrul şi răsăritul Europei. Comisia europeană în rapoartele sale asupra negocierilor de aderare cu statele din regiune, şi-a arătat îngrijorarea cu privire la protecția drepturilor minorităților naționale. Într-un raportul din 1999 asupra progresului care a fost făcut de statele candidate, Comisia susține că, „prejudecata înrădăcinată în multe din țărie candidate continuă să rezulte din discriminarea împotriva țiganilor în viața economică şi socială" [29, 69]. Dificultăți vor rămâne cu toate încercările instituțiilor europene de a îmbunătăți situa-

ția. Unele din statele din Europa Centrală şi de Est caută să-şi redefinească poziția lor națională după ieşirea din umbră a erei Sovietice. Într-un asemenea context, minoritățile natinale se identifică greu cu identitatea națională oficială a statului. În Estonia, de exemplu, în conformitate cu răspunsul ei la recomandările Comisiei privind protecția minorităților, guvernul vorbeşte despre „prezervarea națiunii şi culturii estone" şi despre „dezvoltarea populației loiale Republicii Estonia" [29, 69]. Cazul Ucrainei care, deşi nu este stat membru al Uniunii Europene, este şi mai elocvent prin prisma faptului că are o relație privilegiată cu Uniunea la frontiera extenă a acesteia. Aici se întâlneşte ceea ce S.Huntington numea „linia civilizațională eronată" – o linie de demarcație care divide două culturi cu percepții distincte asupra lumii [29, 69].

Iată, aşadar, dificultățile integrării sunt evidente. Între grupurile de diferite etnii sau culturi există adesea bariere de comunicare ce nu de puține ori conduc la clijaje, angrenând reacții discriminatorii şi situații conflictuale. Pe de altă parte, aceste clivaje sunt doar expresii ale unor curente politice elitiste, iar în realitatea cotidiană ele sunt greu de sesizat. Sub acest raport, frontierele etnice sunt dintr-un punct de vedere spații mutuale ale înțelegerii şi incluziunii, iar dintr-un alt punct de vedere spații de divergență şi exclusiune [28, 159].

1.2. Frontieră culturală versus frontieră politică / identitate culturală

Văzută din această perspectivă, Europa pare a fi un conglomerat de arii culturale ce sunt delimitate de "frontiere" culturale ce se suprapun mai mult sau mai puțin peste frontierele statelor naționale. Frontiera, definită conform *Dictionnaire de géographie* [3] ca o „limită ce separă două zone, două state", o ruptură „între două moduri de organizare a spațiului, între rețele de comunicații, între societăți adesea diferite şi câteodată antagonice" [30, 11], reprezintă „interfața discontinuităților teritoriale" [30, 10]. Frontierele marchează limitele jurisprudenței, suveranității şi sistemului politic. Ele pot îndeplini astfel rolul unor linii de demarcație, a unor „bariere" sau a unor „borne". Pe de altă parte, ele marchează tipologia construcției politice. Relația frontieră-sistem politic este surprinsă interesant de către J.-B.Haurguindéguy, care vede „la frontière comme limite du politique" şi „le politique comme limite de la frontière" [12, 154].

În relația cu frontiera politică, frontiera culturală nu este văzută exculusiv în raport cu ideea statului; imagiea acestea putând fi zugrăvită şi sub raportul contextualizării internaționale, a sistemului politic internațional, a organismelor internaționale. Totul însă poate fi raportat la sub raportul relației cu politicul prin prisma „democrației" la care se raportează frontiera. Cultura, ca şi democrația, nu sunt, şi nu trebuie să fie, apanajul exclusiv al construcțiilor politice. Organismele interguvernamentale create în perioada postbelică şi-au afirmat în mod repetat interesul pentru „democratizarea culturală", pentru „drepturile culturale", dar şi pentru promovarea unor politici coerente în domeniul cultural [14, 37].

Dincolo de aceste deziderate, statele naționale s-au implicat direct în promovarea unor politici culturale proprii care să le „dezvolte identitatea națională”. Numeroase state europene consacră o importantă parte a bugetului cultural promovării unei identități culturale proprii, care să apere şi să contribuie la formarea unei identități naționale. Politicul tinde să contribuie astfel la consolidarea unor frontiere culturale. Pe de altă parte, state precum Italia, consacră o importantă parte din bugetul cultural propriu pentru a conserva şi proteja un patrimoniul cultural material ce reprezintă moştenirea comună a întregii Europe. Bogata moştenire culturală romană sau renaşcentistă contribuie însă nu doar la consolidarea culturală europeană, ci, în particular, se suprapune peste dezideratele politice italiene de dezvoltare a identității proprii acestei națiuni, dar şi a statului italian [14, 44].

Politica culturală nu se rezumă doar la construirea şi renovarea edificiilor culturale, ea reprezentând întregul set de măsuri luate în domeniul cultural [4, 55-62]. Promovarea identității culturale, a diversității culturale, favorizarea creativității şi a participării active în domeniul cultural sunt patru fundamentale obiective ale policilor culturale europene. Importanța care derivă dintr-o asemenea politică stă tocmai la baza construirii identităților şi statalității din multe regiuni ale continentului european. Trasarea frontierelor politice, dar şi revendicările de orice natură, sunt susținute nu de puține ori de argumentele de natură culturală şi identitară. O asemenea perspectivă este una de actualitate chiar şi în contextul integrării europene şi a mondializării din zilele noastre: procesul fiind asociat tendințelor actuale de valorizare a localului şi regionalului, ce determină o întărire a semnificației identitare, a moştenirii culturale [30, 39; 18, 237].

Identitatea culturală (reprezentată de comportamentul şi comunicarea codată ce semnifică limba, obiceiurile, tradițiile, vestimentația, structurile tradiționale, instituțiile, religia, artele, etc.) constituie elementul specific ce asigură coeziunea națională şi continuitatea între generații. Identitatea este una plurală, asta deoarece fiecare individ se defineşte, de o manieră efectivă sau potențială, printr-o apartenență multiplă: fie anturajului său imediat, familia, şi prietenii din vecinătatea sa, fie se formează primele nivele de apartență etnică, religioasă, socială sau locală [14, 52]. Numeroşi indivizi sau grupuri de indivizi nu se regăsesc în aceste cercuri identitare fapt ce generează căutarea unor noi puncte de referință, respectiv de noi sisteme de valori. În Europa Occidentală, crizele statului provident, şomajul, imigrația sau excluziunea afectează profund societatea. În schimb, în Europa Centrală şi de Est calea către democratizare s-a dovedit a fi dureroasă pentru numeroase state. Apelul la naționalism a fost doar o expresie a realității ce a condus către construirea sau consolidarea unor identități culturale. Astfel, în multe state europene, unul din obiectivele politicilor culturale este „favorizarea (re)descoperiri sau (re)afirmării identităților” [14, 53].

Dicționarele de geografie culturală definesc frontierele drept structuri spațiale elementare, cu funcție de discontinuitate geopolitică şi de marcaj, de reper, operând în trei registre: real, simbolic şi imaginar. Simbolicul se referă la apartenența la o comunitate ancorată într-un teritoriu propriu şi trimite, deci, la identitate. Antropologii insistă asupra rolului fondator al simbolicului în instituirea de identități colective sau individuale prin intermediul unor delimitări. Frontierele pun întotdeauna în mişcare mărci puternice ale identității care îşi lasă amprenta asupra raporturilor culturale într-un teritoriu locuit [24]. Tradiția cercetării geo-istorice inaugurate de şcoala franceză de la *Annales* a insistat asupra ecuației semnificative frontieră-identitate. Lucien Febvre a analizat evoluția semantică a noțiunii de frontieră, ca semn al mutației realității istorice, paralel cu formarea statului-națiune. Cuplul frontiera-identitate este prezent şi în reflexiile lui F.Braudel din *L'identité de la France*. Pentru Braudel, frontiera este locul de articulare al unor planuri autonome, dar interdependente – pe de o parte, granițele reale, geopolitice, iar pe de alta, proiecțiile lor intelectuale, ideologice şi simbolice. Cele de mai sus se aplica şi delimitării spațiale a Europei, precum şi percepțiilor identității europene. Asta cu atât mai mult, cu cât însăşi ideea de „identitate culturală europeană" trimite implacabil la decupaje şi la delimitări: geopolitice, ideologice sau simbolice şi la frontiere instabile, trasate uneori într-un mod paradoxal şi generator de confuzii [24].

1.3. Frontierele culturale fundamentul geopoliticii actuale

Marea tentativă de unificare europeană din zilele noastre este a treia mare incercare de acest gen în epoca recentă. După încercările de forță ale lui Napoleon şi Hitler, care nu au reuşit de o manieră imperialistă, procesul de construcție europeană a căpătat o tot mai multă consistență printr-o politică de integrare progresivă fondată pe idealul păcii şi prosperității [14, 77].

Procesul de integrare, prin etape succesive, a făcut posibilă trecerea de la Comunitatea Economică Europeană la Comunitatea Europeană şi apoi la Uniunea Europeană. În ciuda primelor tentative eşuate de creare a unei „comunități politice", procesul integraționist a continuat să se consolideze. În acestă ecuație şi-au făcut loc tot mai mult însă factorii geopolitici, ca expresii ale unor diferențe culturale, asta dincolo de factorii de natură economică, precum stabilitatea, potențialul de creştere, o bună piață sau prezența forței de muncă calificată. În acest proces de construcție a unei „familii lărgite" a societăților democratice, partizanii integrării speră într-o reducere progresivă a puterii statelor-națiune, asta în ciuda reminiscențelor naționaliste care au zguduit anumite state foste comuniste ale Europei. Multe state din Europa Centrală şi de Est după căderea comunismului şi-au văzut legată existența de o conştiință culturală proprie: „o cultură nu poate trăi fără tradiție şi o tradiție fără minimum de continuitate" [14, 80]. Diferențierile culturale, asociate diviziunilor lingvistice, etnice, religioase

sau migrației, au contribuit la creşterea exponențială a xenofobiei şi intoleranței din multe regiuni europene. Exemplelor din Balcani şi zona Caucazului, li se adaugă tratamentul discriminatoriu față de imigranți din unele state ale Europei Occidentale sau exacerbarea tensiunilor majoritate-minoritate sub raportul construirii şi conservării unei puternice identități proprii fiecărui grup etno-lingvistic. Un exemplu mai recent, dar care redeschide o problemă mai veche, este intenția guvernului Fidesz de la Budapesta de a acorda începând cu ianuarie 2011 cetățenie ungară etnicilor maghiari care trăiesc în țările vecine. Măsura vizează aproximativ 3,5 milioane de etnici maghiari care trăiesc în țările vecine Ungariei, în România şi Slovacia, Serbia, Ucraina, Croația şi Austria. Această chestiune a ridicat la cote maxime tensiunea relațiilor cu Bratislava, dar şi cu alte state vecine Ungariei. După ce a rechemat ambasadorul de la Budapesta, premierul slovac R.Fico a afirmat, luni 17 mai, că va propune o lege prin care să-i fie retrasă cetățenia slovacă oricărei persoane care solicită şi cetățenia ungară [6]. O asemenea dispută pune în discuție nu doar o problemă regională ce implică fie dispariția minorității maghiare din sudul Slovaciei, fie secesiunea acestei regiunii, ci şi o problemă de stabilitate în interiorul UE şi NATO.

În chestiunea stabilirii identității geopolitice a Europei un element important este relația UE – Rusia. Se poate identifica modelul următor: țările „Noii Europe” – țări din spațiul est-european, în perioada postcomunistă s-au situat pe poziții rusofobe dure, aderând astfel la orientarea euro-atlantică. Această situație are o lungă istorie: Europa de Est a fost în permanență o zonă a litigiilor dintre Europa şi Rusia, un exemplu fiind acela din secolul al XIX-lea şi începutul secolului al XX-lea când Marea Britanie a folosit această regiune, în mod deliberat, ca un „cordon sanitar” conceput pentru a preveni o posibilă alianță între Rusia şi Germania, alianță ce ar pune capăt dominației anglo-saxone asupra lumii. Şi în zilele noastre se întâmplă acelaşi lucru, singura diferență fiind aceea că acum se pune accent pe proiecte energetice, în țările „cordonului sanitar” apărând argumentul potrivit căruia este vorba şi despre o revanşă pentru „ocupația sovietică” din secolul al XX-lea. „Argumente noi, geopolitică veche” [11]. Dincolo de o asemenea abordare, în discuție este introdus un alt proiect geopolitic – „proiectul Eurasia”. Acest proiect presupune stabilirea, în zona de nord a continentului Eurasia, a două unități geopolitice, „spații mari” – european şi rus. În acest context, Europa este concepută ca un pol, ca o civilizație. Momentul cel mai important într-o arhitectură multipolară este eliminarea „cordonului sanitar”, acest perpetuu măr al discordiei, controlat de anglo-saxoni şi care intră în dezacord fie cu Europa, fie cu Rusia [11]. „Prin urmare, aceste țări şi popoare care, în mod obiectiv tind să constituie Noua Europă, vor trebui să î□i redefinească identitatea geopolitică. Această identitate trebuie să se bazeze pe o regulă principală: alături de Europa şi alături de Rusia, în acelaşi timp. Integrarea în

Europa şi relaţiile amicale cu Rusia – acesta este podul care leagă cei doi poli ai unei lumi multipolare” [11].

Dincolo de opiniile politologului rus citat, construcţia geopolitică în jurul unor poli precum Statele Unite ale Americii, Europa continentală sau Rusia suportă anumite nuanţări. Lumea occidentală (aceasta reuneşte cele două Americi, statele UE, Australia, Asia de Sud-Est, dar şi state precum Japonia, Israel şi Africa de Sud) este o entitate economică, politică şi culturală complexă ce a dovedit că are resursele pentru a depăşi conflictele între culturile locale, regionale sau naţionale [14, 82-83]. O asemenea realitate nu presupune dispariţia identităţilor culturale, a frontierelor culturale. Mai mult, în faţa procesului de globalizare, se poate constata o intensificare a producţiei/cererii culturale locale. Un asemenea proces nu presupune exclusivismul şi intoleranţa faţă de celelalte culturi, ci poziţionarea într-o structură generală construită pe un suport geopolitic de ansamblu ce face trimitere în unele situaţii la un fenomen integraţionist.

2. Europa – un arhipelag geo-cultural

Dincolo de orice abordare asupra diversităţii şi identităţilor multiple din perspectivă culturală, Europa poate fi concepută ca un ansamblu cultural unitar, asta în ciuda unor discontinuităţi ce apar între elementele ce alcătuiesc structura sa complexă. Din perspectiva unei asemenea abordări, cultura europeană este clădită pe un complex sistem de valori comune ce caracterizează spaţiul cultural european. Asemenea unor insule ce alcătuiesc un arhipelag, spaţiul cultural european, în ciuda unor arii ce le delimitează, este constituit din componente caracterizate prin forme unitare de compoziţie atât la nivelul formei, cât şi la nivelul exprimării. Ariile ce delimitează aceste spaţii culturale „insulare”, interpretate drept frontiere culturale din perspectiva primei noastre abordări, sunt din acest punct de vedere discontinuităţi ce apar în interiorul unui sistem cultural unitar: Europa. Acest spaţiu cultural se identifică ca fiind unul unitar, caracterizat prin specificitate în raport cu alte spaţii culturale învecinate.

2.1. Europa culturală: între valorile şi interesele comune

Criteriul clasic al delimitării culturale ce lega un spaţiu cultural de un popor ce vorbeşte aceeaşi limbă, adoptă acelaşi stil de viaţă, se comportă similar, etc., poate fi înlocuit de câteva criterii ce definesc spaţiul cultural comun şi unitar al europenilor.

În discuţia noastră facem referire în principal la valorile culturale comune, graţie cărora noi putem să confirmăm azi existenta unei realităţi culturale specifice spaţiului european. În studiul *The Cultural Frontiers of Europe: Our Common Values*, R.Rezsöhazy dezvoltă valorile comune ale spaţiului cultural european pe nouă componente ce conferă specificitate şi unitate [22]: 1. civilizaţia greco-romană, ca suport pe care s-a clădit cultura şi spiritul european; 2. valorile creştinătăţii, plecând de la noţiunile de bază precum Dumnezeul unic şi perso-

nal, la conceptul salvării şi demnităţii omului, până la dragostea, justiţia, solidaritate şi fraternitatea omului (toţi oamenii sunt văzuţi ca şi copii ai aceluiaşi Tată); 3. Evul Mediu şi civilizaţia medievală; 4. Renaşterea şi Reforma; 5. Iluminismul; 6. Revoluţia politică şi industrială; 7. Capitalismul şi socialismul; 8. dezvoltarea, progresul şi bunăstarea istoriei postbelice; 9. Familia ca valoare centrală a societăţii noastre.

O altă abordare ce conferă unitate spaţiului european este cea referitoare la interesele comune ale Europei. După căderea Zidului Berlinului, Europa Orientală şi Occidentală a cunoscut un proces de integrare în domeniul politic, economic, militar şi de mediu [9, 299]. Lupta împotriva terorismului şi frica războaielor militare, frica privitoare la creşterea populaţiei mondiale ce este asociată sărăciei şi migraţiei spre Europa Occidentală aduce în discuţie dilema: integrare sau identitate naţională? Cele două paradigme pot fi puse în acord în cazul intereselor divergente dintre europeni? Care este rolul UE în acest caz? Răspunsurile la aceste întrebări trebuie să le căutăm în următoarele domenii: cultura, istoria, religie, economie şi securitate [9, 299-309]. Dincolo de divergenţele ce îi separă pe europeni, contextul actual evidenţiază puternicul determinism înregistrat de curentul integraţionist născut din interesul comun.

Un spaţiu cu valori şi interese comune este în măsură să-şi construiască şi să-şi consolideze caracterul identitar comun. Raportare se face la spaţiul non-european, iar din această perspectivă spaţiul cultural european îmbracă o formă distinctă în raport cu alte tipuri şi sisteme culturale. În jurul Europei culturale se poate remarca prin urmare o frontieră culturală. O asemenea frontieră culturală face clar distincţia între Europa şi non-Europa. Dincolo de o asemenea teorie, care ar accentua şi mai tare scepticismul asupra anumitor proiecte de extindere viitoare a Uniunii Europene, putem remarca utilitatea dezbateri în ceea ce priveşte chestiunea frontierelor reale ale Europei, pe care analiştii au ridicat-o secole de-a rândul.

Perspectiva culturală naşte discuţii pe seama noţiunii unităţii civilizaţiei europene, dar şi pe seama relaţiei dintre geografie şi cultură. Poate fi Europa separată de Asia de exemplu ca urmare a criteriului cultural de delimitare? Profesorul Delanty ia în discuţie conceptul de Europă creştină, dar şi acela de Europă moştenitoare a civilizaţiei romane şi greceşti [8, 46]. Dincolo de linia de demarcaţie geografică, tectonică, a celor două continente, este în măsură cultura europeană să impună noi frontiere? Este o întrebare la care analiştii europeni răspund foarte diferit. Viziunile sunt puternic marcate de subiectivismul geopolitic actual. La fel, în evul mediu Europa se limita la occidentul catolic, net separat de islamismul aflat în expansiune. Petru cel Mare, prin eforturile sale, include Rusia în sistemul diplomatic european. Europa, ca şi concept se extinde. Pentru prima dată, în 1716, în *Almanach royal*, publicat în Franţa, au fost puse figurile Romanovilor pe lista familiilor monarhilor europeni, situaţie datorată fără nici o

îndoială alinierii, intrării Rusiei, alături de celelalte puteri, în concernul sistemului diplomatic european [1, 156]. În prejma anului 1715 poziția Imperiului Otoman era asemănătoare din multe puncte de vedere cu aceea a Rusiei. Intrarea sa pe scena diplomatică europeană s-a produs la finele secolului al XV-lea. De altfel, această intrare a turcilor în sistemul relațiilor dintre statele europene s-a datorat în mare parte rivalităților dintre Franța şi Habsburgi [1, 157]. Cu toate acestea Imperiul Otoman nu s-a manifestat ca un stat european şi nu a făcut niciodată, pe parcursul secolului al XVIII-lea, parte integrantă din sistemul diplomatic european. Spațiul european pentru Napoleon însemna „Europa franceză”, concepută ca un spațiu ale cărui frontiere trebuiau să se fixeze în urma presiunilor exercitate asupra Imperiului Otoman [8, 46]. Exemplele pot continua până în contemporaneitate. Dincolo de toate acestea, ipoteza frontierelor culturale ale spațiului european impune anumite delimitări, pe care, voit sau nu, ni le asumăm adesea.

Fără a ne propune trasăm asemenea frontiere ale spațiului european, precizăm faptul că dezbaterea noastră impune mai degrabă o caracterizare asupra identității europene, ca o noțiune spațială protejată asemenea unei fortărețe. Este Europa (trimiterea se face direct la UE care este asociată, mai mult sau mai puțin, spațiului european în ansamblul său!) sub acest raport, nu doar politic, ci şi cultural, un spațiu ce impune frontiere externe, clar delimitate teritorial? Urmărind evoluția în timp a procesului de construcție europeană putem să conchidem prin a răspunde acestei întrebări prin simplul fapt că în Uniunea europeană frontierele externe sunt tot mai importante (tot mai închise!), iar cele interne devin mai mult formale decât reale (tot mai deschise!). Europa văzută ca şi „fortăreață” este aşadar tot mai deschisă, mai „ospitalieră”, din perspectiva membrilor săi, şi tot mai închisă, mai securizată frontalier şi mai puțin permisivă, din perspectiva restului lumii. Într-o asemenea construcție putem identifica, nu doar avantajele nivelului înalt al democrației şi bunăstării de care se pot bucura cetățenii comunitari, ci şi exclusivismul impus celorlalți prin închiderea fortăreței. Europa (UE!) începe, în urma înlăturării barierelor interne, să devină aşadar un suprastat, care reinventează frontiera „hard” ce protejează state şi oameni asociați politic, excluzându-i ce ceilalți care nu au beneficiat de asemenea decizii politice. Devin în acest context frontierele externe ale comunității expresii ale frontierei statului național? Este o chestiune dificilă, care impune dezbateri nu doar asupra caracterului şi tipologiei frontierei, ci şi asupra altor aspecte introduse de faptul că Uniunea nu are o frontieră din interiorul căruia să se vadă exteriorul. Există numeroase teritorii, care din punct de vedere geografic sunt cuprinse în „interiorul” comunității, dar care nu fac parte din Uniunea Europeană. Încercarea de a trasa frontiera comunitară, care să separe (fizic!) „europenii” de „non-europeni” devine aşadar imposibilă din perspectiva culturală. Moştenirile istorice, chiar şi cele recente, de după războiul rece, impun nu doar frontiere, ci şi ba-

riere reale peste care, din perspectiva deciziilor politice, nu se poate trece. Frontierele rămân închise, indiferent de moştenirea culturală. Pe de altă parte, procesul de conturare al frontierelor externe nu pare a fi finalizat. Plecând de la o astfel de remarcă, în prezent în afara frontierelor sunt persoane şi state care în viitor vor face parte din „interior”. Frontiera hard a cărei construcţie este tot mai clară exclude aşadar europeni, nu doar non-europeni. Frontiera europeană este prin urmare deschisă sau închisă, funcţie de interesele politice exclusiviste şi mai puţin dintr-o eventuală perspectivă culturală. Plecând de la o asemenea remarcă, discursurile politicianiste, ce aduc motivaţii ce ţin de moştenirea culturală europeană în faţa integrării europene a unor state precum Turcia, sunt simple acţiuni populiste. Decizia este una politică, iar clubul unul exclusivist. „Europe is and should remain *a house with many rooms*, rather than a culturally and racially exclusive club” [5, 62]. Comunitatea europeană divine astfel un teritoriu închis pe baze politice, dar cu motivaţii de natură identitară.

2.2. Revoluţia numerică şi societatea comunicaţiei: între diversitate şi omogenizare

Graţie progresului tehnic din domeniul reproduceri şi transmiterii informaţiilor, realizată printr-o codificare numerică, astăzi distanţele dintre diferitele parţi ale globului s-au diminuat până la dispariţie. Noile practici cu acces gratuit la reţelele şi conţinutul numeric al informaţiei face posibilă transmiterea rapidă a unei foarte mari cantităţi de informaţii. Prin diversele programe de internet, de exemplu, în timp real şi de o manieră gratuită, se poate comunica între persoane aflate în orice parte a planetei. Noile tehnologii transformă producţia şi consumul cultural tocmai prin faptul că la dispoziţia noastră se află un conţinut cultural provenit dintr-o gamă culturală forte largă. Între cultură, comunicaţie şi noile tehnologii există o firească relaţie care conduce către conturarea unei societăţi comunicaţionale în interiorul căreia producţia şi consumul cultural devine unul specific, din păcate însă unul superficial înţeles [14, 318].

Programele culturale specifice pot fi difuzate în noul context nu doar într-un spaţiu limitat, ci ele sunt disponibile şi departe în ariile diasporice [27, 166-167]. Comunicarea între comunităţi aparţinătoare aceeaşi arii culturale, dar aflate la mare distanţă, este înlesnită şi creează premisa dezvoltării unui spaţiu cultural fără frontiere. Astfel, comunităţile de emigranţi din diaspora pot păstra legătura cu spaţiul cultural din care provin, reuşind să-şi conserve identitatea proprie. Internetul dă o şansă enormă culturilor mici, comunităţilor lingvistice ameninţate. Universalizarea nu trebuie înţeleasă ca pe o formă uniformizare, ci ca pe o şansă dată identităţii culturale, … integrarea în circuitul valorilor universal [19, 2].

Această posibilitate de promovare a specificului şi de conservare a identităţii pentru grupurile mici aflate sub presiunea asimilării este însoţită şi de un pro-

ces similar dar pe direcție inversă: elementele culturale specifice unei „omogenizări” culturale, rezultate în urma globalizări, sunt transmise mult mai uşor în mediile culturale, inclusiv ale comunităților culturale restrânse. Rezultatul aceste „revoluții culturale” este, în cele din urmă, şi generalizarea şi omogenizarea culturală. Un alt rezultat constatat este cel al „relocării consumului cultural”, noile tehnologii de informare şi comunicare reducând distanțele şi comprimând timpul [14, 120]. O asemenea realitate înlătură constrângerile locale şi provinciale, dar înregistrează şi „invazia” universalului. Spațiul cultural european, în ansamblul său, capătă în acest context o formă mai consistentă ca întreg, componentele sale fiind tot mai mult conexate şi legate prin intermediul interculturalității. Diversitatea culturală capătă consistență aparent printr-o multitudine de modele oferite. Alegerea unor dintre ele conduce negreşit spre omogenizare. Procesul se poate constata şi la nivelul spațiului european, care, dincolo de orice fel de infuzie din afara, în special dinspre spațiul american, dar şi islamic, îşi conservă un specific cultural propriu [14, 117-133].

2.3. Cultura în rețea – un nou tip de frontieră culturală

Multiplicarea posibilităților de formare, cercetare şi cooperare din doemniul cultural s-a realizat grație „atelierelor” internaționale şi dezvoltării rețelelor transnaționale. Rolul acestor rețele este între altele acela de catalizator al acțiunilor culturale, de promotor al valorilor comune [14, 321]. Rețelele tematice au ca scop crearea unor acțiuni de cercetare, dezvoltare şi cunoaştere a unor subiecte de interes comun, identificate la nivel regional, inter-regional şi transnațional. Concret, rețeaua e formată dintr-un grup de instituții care au scopuri asemănătoare şi care identifică în domeniul în care activează o nevoie comună. Alăturarea în cadrul unei organizații-umbrelă poate să fie formal sau informală, comunicarea dintre membrii şi împărtăşirea obiectivelor comune rețelei fiind esențiale pentru buna funcționare a acesteia.

Astfel, o rețea se defineşte prin împărtăşire de informații şi idei, învățare din experiența celorlalți, expertiză şi perspective ample asupra abordărilor din domeniul marketingului şi managementului patrimoniului cultural. „Rețelele ne familiarizează cu noile expresii artistice şi culturale, noile metode de management şi oferă consistență parteneriatului dintre instituțiile publice şi societatea civilă” [16, 4]. În noua configurație culturală europeană, rețelele constituie expresia unei forme diferite de cooperare în raport cu sistemul clasic, având rolul de a favoriza, simplifica şi grăbi punerea în scena a unor proiecte culturale comune. Rețelele sunt utile datorită faptului că ele permit atingerea nivelului internațional fără a fi nevoie de a trece prin nivelul instituțional național [21, 47].

Rețelele au un rol esențial atât în cadrul *mobilității* profesioniştilor cât şi în obținerea unei *coeziuni* europene. Schimbul şi cooperarea cultural contribuie substanțial la capacitatea de integrare şi coeziune a Europei. Uniunea Europeana

încurajează cooperarea pe termen lung care duce la formarea unor rețele prin care instituțiile culturale se interconectează. Rețelele asigură astfel o largă informare a publicului şi creşterea interesului față de cultură prin dezvoltarea capacității de comunicare, colaborare şi înțelegere a diversității [16, 7].

Manifestul rețelelor culturale europene adoptat la Bruxelles, în data de 21 septembrie 1997, de către Forumul European al Rețelelor Culturale, considera că „rețelele culturale europene contribuie la coeziunea europeană, facilitează mobilitatea operatorilor şi a produselor culturale, facilitează comunicarea transculturală, combate xenofobia, rasismul şi oferă practică în înțelegerea interculturală, întăreşte dimensiunea culturală a dezvoltării care nu e produsă de factori pur economici“ [16, 3].

Nu de puține ori aceste rețele sunt considerate a fi grupuri organizate la nivel neoficial ce încearcă să concentreze informația şi să exercite presiuni asupra factorilor decizionali. Unii dintre analişti nu se sfiesc să le considere cercuri exclusiviste închise ce s-au constituit pe lângă instituțiile de la Bruxelles şi Strasbourg [14, 321]. Mai mult sau mai puțin formale, aceste rețele sunt folosite adesea de către instituțiile europene în procesul luării unor decizii. Rețelele devin astfel interlocutori ce capătă recunoaşterea la nivel regional, național sau european. Recunoaşterea lor nu este legată însă doar de o anumită susținere financiară, ci şi de o anumită legitimare, respectiv de un nou mod de funcționare la nivel instituțional.

Indiferent de rolul lor în raport cu instituțiile europee, de petiționari sau parteneri, rețelele cultural europene se dovedesc a fi importanți vectori transnaționali de stimulare a cooperării din domeniul cultural. Dialogul intercultural este facilitat prin conexiunea formală sau informală a specialiştilor sau reprezentanților diverselor organizații din spațiul european. Spațiul cultural european capătă astfel o nouă abordare în ceea ce priveşte structura sa: „insulițe” culturale interconectate printr-un sistem de relaționare transnaționale. „Procesul de «*networking*» este un proces de lungă durată, de natură profundă şi subiectivă, dificil de cuantificat şi judecat” [21, 49].

3. Concluzii

Identificăm aşadar cel puțin două construcții identitar culturale la nivel european: o cultură a culturilor, respectiv un spațiu cultural cu o identitate puternică la nivel particular, local, regional, naționale, sau un arhipelag cultural, respectiv un spațiu cultural comun întrerupt de discontinuități. Oricare ar fi perspectiva, nu este negată existenta unei arii culturale europene, asta chiar dacă este vorba fie de una a diversității, fie a „continuității întrerupte”. Cultura europeană văzută ca o „casă cu mai multe camere” nu exclude existența „casei”, dar nici a „camerelor”. Întrebarea firească care se naşte dintr-o asemenea perspectivă este următorarea: sunt întru totul integrate culturile specifice în ceea ce se numeşte

spațiul cultural european general? Răspunsul pare firesc. Identitatea noastră europeană presupune o asemenea realitate de fond. De altfel, specificitatea culturii europene este dată tocmai de diversitatea şi multiculturalismul ca formă de manifestare la nivel local, regional sau național. Spațiul cultural european este prin urmare un spațiu cu o identitate puternică atât la nivel particular, cât şi la nivel general. Sintagma „cultură a culturilor" este una fericită din această perspectivă. Sub raportul identificării unor frontiere culturale, remarcăm faptul că ariile de contact cultural sunt de cel puțin două categorii: unele interne, între diferitele componente locale, regionale sau naționale; altele sunt de factură externă, impunând o demarcație în jurul a ceea ce este cultura europeană. Cele două abordări folosite pe parcursul prezentei lucrări, în ciuda unui antagonism conceptual, nu se exclud reciproc. Existența unor arii culturale naționale nu exclude existența unei arii culturale comune, europene. În fond, tocmai această realitate conferă spațiului european o identitate culturală aparte. Europa poate fi concepută în ansamblul său, pe lângă abordările la care am făcut trimitere, ca un spațiu cosmopolit, ca un spațiu mediatico-cultural în care securitatea culturală se poate transformă într-un element de conservare a unei identități comune europenilor. Pusă în fața presiunilor economice generate de politicile din domeniul economic, Europa de azi, prin intermediul UE, răspunde în fața lumii întregi ca şi o puterincă arie culturală comună. Se pierd identitățile popoarelor într-o asemenea ecuație? Discuția trebuie cuprindă şi abordări ce pleacă de la definirea locului naționalului în context procesului de construcție europeană. Naționalismul, specific Europei secolelor al XIX-lea şi al XX-lea, poate fi el extrapolat popoarelor într-un alt concept, respectiv cel de europenism? Dincolo de nuanțările pe care le suportă o asemenea abordare, „naționalismul" poate fi şi unul european. În acest caz, Europa, cu ansamblu unitar, se consolidează ca structură aflată în construcție, inclusiv din perspectivă culturală.

Bibliografie

1. Anderson M. L'Europe au XVIII siecle 1713-1783. – Paris, 1968.
2. Banus E. Images of openness – Images of closeness. // Eurolimes, vol.4, Delanty G., Pantea D., Teperics K. (ed.). Europe from Exclusive Borders to Inclusive Frontiers. – Oradea, Institutul de Studii Euroregionale, 2008.
3. Baud P., Bourgeat S. Dictionnaire de géographie. – Paris, Hatier, 1995.
4. Bennett T. Differing diversities.Transversal study on the Theme of Cultural policy and cultural diversity. – Strasbourg, Council of Europe Publishing, 2001.
5. Bideleux R. The Limits of Europe, în Europe and Its Borders: Historical Perspective. // Eurolimes, vol.I, Horga I., Sipos S. (ed.) - Oradea, Institutul de Studii Euroregionale, 2006, p.46-58

6. Cochino A. Dubla cetățenie maghiară inflamează Slovacia. // „Evenimentul zilei”, 2010, 18 mai http://www.evz.ro/detalii/stiri/dubla-cetatenie-maghiara-inflameaza-slovacia-895337.html
7. David D., Florea C. Archetipul cultural şi conceptul de tradiție. // The Proceedings of the European Integration-Between Tradition and Modernity Congress 2nd Edition. – Târgu Mureş, Editura Universității „Petru Maior”, 2007, p.645-652
8. Delanty G. Border in Charging Europe: Dynamics of Openness and Closure, în Europe and Its Borders: Historical Perspective. vol.I, Horga I., Sipos S. (ed.) - Oradea, Institutul de Studii Euroregionale, 2006, p.46-58
9. Dubnička I. Les interérêts communs de l’Europe. // Beurdeley L., de la Brosse R., Maron F. (coord.) L`Union Européenne et ses espaces de proximité. Entre stratégie inclusive et parteneriats removes: quell avenir pour le nouveau voisinage de l`Union? - Bruxelles, Bruylant, 2007, p.299-309
10. Dubois V. Există o politică culturală europeană? // „Observatorul cultural”, nr.460 / 2009, 45 februarie. http://www.observatorcultural.ro/Exista-o-politica-culturala-europeana*articleID_21203-articles_details.html
11. Dugin A. Geopolitica României, Prefață la ediția în limba română a lucrării „Fundamentele geopoliticii”, 2010, http://calinmihaescu.wordpress.com/2010/04/18/geopolitica-romaniei-de-aleksandr-dugin/
12. Haurguindéguy J.-B. La frontière en Europe: un territoire? Coopération transfrontalière franco-espagnole. – Paris, L`Harmattan, 2007
13. Huntington P.S. Ciocnirea Civilizațiilor si Refacerea Ordinii Mondiale. – Bucureşti, 1998.
14. La culture au cœur. Contribution au débat sur la culture et le développement en Europe, Groupe de travail européen sur la culture et le développement. - Strasbourg, Editions du Conseil de l’Europe, 1998
15. Leiken R.S. Europe´s Angry Muslims. // Forreign Affairs, 2005, iulie-august Forumului –„Rețele Culturale Tematice“, organizat de Centrul de Consultanță
16. Lujanschi M., Neamu R. Sinteză la Rețele culturale tematice. Raportul final al lucrărilor desfăşurate în cadrul pentru Programe Culturale Europene, la Bucureşti, în perioada 21-22 octombrie 2005, http://www.cultura2007.ro/2006/rapoarte/retele_culturale_tematice.pdf
17. Muller U., Schultz H. National Borders and Economic Desintegration in Modern East Central Europe, Franfurter Studien zum Grenzen, vol.8. – Berlin, Berliner Wissenschaft Verlag, 2002.
18. O’Dowd L., Wilson T.M. (ed) Borders and States: Frontiers of Sovereignty in the New Europe. – Avebury, Aldershot, 1996.
19. Oberländer-Târnoveanu I. Identitatea culturală şi patrimoniul digital: proiecte, rețele şi portaluri, în Cibinium 2001-2005. Identitate culturală şi globa-

lizare în secolul XX – cercetare şi reprezentare muzeală. – Sibiu, Ed. ASTRA Museum, 2006, p.41-48
20. Pędziwiatr K. Islam among the Pakistanis in Britain: The Interrelationship Between Ethnicity and Religion. // Marczewska-Rytko M. (ed.). Religion in a Changing Europe. Between Pluralism and Fundamentalism. - Lublin, 2002, p.159-173
21. Pehn G. La mise en réseau des cultures. Le role des réseaux culturels européens. – Strasbourg, Editions du Conseil de l'Europe, 1999.
22. Rezsöhazy R. The Cultural Frontiers of Europe: Our Common Values, // Eurolimes, vol.4, Delanty G., Pantea D., Teperics K. (ed.). Europe from Exclusive Borders to Inclusive Frontiers. – Oradea, Institutul de Studii Euroregionale, 2008, p.164-169
23. Saint-Blancat Ch. L'islam diasporique entre frontières externes et internes. // Capelle-Pogăcean A., Michel P., Pace E. (coord.), Religion(s) et identité(s) en Europe. L`épreuve du pluriel. – Paris, Presses de la Fondation Nationale des Sciences Politiques, 2008, p.41-58
24. Spiridon M. Inventând Europa – identităţi şi frontiere (I). // „Observator cultural", nr.60-61 / 2006, 20 aprilie – 3 mai, http://www.romaniaculturala.ro/articol.php?cod=7273
25. Hoffman S. The Case for Leadership. // Foreign Policy, 81 (iarna 1990-1991), 1991, p.26-35
26. Tandonnet M. Géopolitique des migrations. La crise des frontières. – Paris, Edition Ellipses, 2007.
27. Tardif J., Farchy J. Les enjeux de la mondialisation culturelle. – Paris, Éditions Hors Commerce, 2006.
28. Tătar M.I. Ethnic Frontiers, Nationalism and Voting Behaviour. Case Study: Bihor County, Romania. // Ilieş A., Went J. (ed.) Europe between Millennums. Political Geography Studies. – Oradea, 2003, p.155-160
29. Thompson A. Naţionalism in Europe. // Dunkerley D., Hodgson L., Konopacki S., Spybey T., Thompson A. National and Ethnic Identity in the European Context. – Łódź, 2001, p.57-72
30. Wackermann G. Les frontières dans monde en mouvment. – Paris, Ellipses, 2003

prezentat la redactie
la 3 octombrie 2010

MONITORIZARE ŞI ASISTENȚĂ A CONSILIULUI EUROPEI ÎN REPUBLICA MOLDOVA: 15 ANI DE COLABORARE.

Elena DOLGHII
Republica Moldova, Chişinău, Univeristatea de Stat din Moldova, Facultatea Relații Internaționale, Ştiințe Politice şi Administrative, Catedra Relații Internaționale
Doctorandă

The monitoring activity is realised through the Committee of Ministers and the Parliamentary Assembly. There are three distinct and inter-related procedures: monitoring as envisaged by the 1994 Declaration on compliance with commitments by member states; thematic monitoring, as developed through the 1995 procedures for the Declaration's implementation; ad hoc monitoring.

The Parliamentary Assembly instituted the first mechanism of the control. Monitoring procedures and assistance suppose the realization of cooperation, information and political dialog between members' states relating to the basic principles of democracy and the political future of Europe.

Within the Directorate General of Human Rights and Legal Affairs different monitoring bodies and procedures exist to ensure compliance with Council of Europe standards. Their purpose is to identify violations and shortcomings in member States' law and practice. As a result of the monitoring bodies' work, parliaments adopt new laws, courts develop case-law, internal procedures are improved and institutional capacity at State level is enhanced in order to prevent human rights violations and combat corruption and organized crime.

Apartenența la Consiliul Europei implică respectarea scrupuloasă şi permanentă a acestui "contract" cu Organizația, care se bazează pe trei piloni: pluralismul politic, drepturile omului şi statul de drept. Toate aceste valori au trebuit sa fie verificate şi atestate în Republica Moldova, pentru ca aceasta să-şi primească "certificatul" de confirmare internațională a tinerei democrații.

Statele europene au adoptat un model ce poate fi numit „monitorizarea obligațiilor" [10, 378], ce presupune o sancțiune colectivă sub forma suspendării statelor ce acționează nedemocratic. Numeroase mecanisme de control au fost puse în acțiune la nivel interguvernamental (Comitetul Ministrilor), parlamentar (Adunarea Parlamentară a Consiliului Europei) şi jurisdicțional (Curtea Europeană pentru Drepturile Omului) pentru facilitarea unei conlucrări fructuoase dintre Organizație şi membrii săi. Nivelul dialogului şi parteneriatul instituit de către fiecare stat membru cu această instituție europeană, reflectă măsura în care fiecare stat este realmente disponibil să se alinieze la valorile şi standardele europene, pentru a deveni un stat cu adevărat european.

Domeniul de acțiune al statelor membre ale Consiuliului Europei este extins şi complex, implică dezvoltarea unor programe de cooperare care au drept scop progresul democrației inerente, realizarea securității democratice în Europa. Aceste programe reprezintă instrumente operaționale complementare politicii de extindere. Programele de asistență diferă în dependență de specificul statelor unde sunt implementate; pentru noile state membre acestea vizează integrarea completă în cadrul organizației, oferind suport în îndeplinirea obligațiilor statuare (ratificarea Convenției europene a drepturilor omului), şi a celor specifice în perioada de preaderare. Aceste state continuă să beneficieze de programe speciale de asistență în procesul de democratizare vizînd sectoare distincte ale societății, de experiența statelor membre ale Consiliului Europei.

• Pentru statele care aderă la organizație, programele de cooperare au menirea de a pregăti pentru accederea ulterioară şi promovarea reformelor democratice printr-un schimb de experiență şi informații.

Programele de asistență democratică sunt create în dependență de particularitățile şi necesitățile statelor beneficiare, conținutul acestora fiind negociat cu autoritățile instituționale [30, 167]. Acestea includ următoarele tipuri de activități:

• Misiuni ale experților ale Consiliului Europei în vederea asistării autorităților din Europa Centrală şi de Est în probleme administrative sau din domeniul legislației;

• Vizite de studiu ale oficialilor, judecătorilor, funcționarilor în statele membre;

• Seminare de informare, programe de instruire pentru funcționari publici, oficiali, etc.;

• Informare şi documentare prin publicații, traduceri, crearea centrelor de informare;

• Participarea statelor din Europa Centrală şi de Est la conferințe, întruniri;

• Contribuții financiare în cadrul inițiativelor realizate de instituții guvernamentale şi non-guvernamentale din Europa Centrală şi de Est.

Au fost create trei programe distincte: Demosthenes (aplicabil noilor state membre), Themis şi Lode. Demosthenes, aplicabil noilor state membre acoperă toate domeniile de activitate ale Consiliului Europei şi are drept scop expertiza legislativă şi instituțională, vizînd sistemul politic la nivel local şi național, funcționari publici, judecători, avocați, lideri ai ONG, jurnalişti, etc. Themis este un program special dedicat în integritate cooperării juridice, destinat instrurii judecătorilor, procurorilor, polițiştilor şi funcționarilor publici din sistemul juridic. Acest program se axează pe reorganizarea sistemelor penitenciare, rolul poliției şi judecătorului într-o societate democratică, elaborarea legilor, etc. La nivel local urmează să fie consolidate cele trei principii fundamentale: pluralismul politic, statul de drept şi drepturile omului, principii care reprezintă esența prog-

ramului Lode - democrație locală [30, 170]. Acest program implementat de Congresul Autorităților Locale şi Regionale din Europa tinde să consolideze autonomia locală şi cooperarea transfrontalieră.

Adunarea Parlamentară a Consiliului Europei a lansat în 1991 un program de asistență specific - Demo-Parl, oportun parlamentelor din statele Europei Centrale şi de Est, ce vizează informarea şi instruirea parlamentarilor, coperarea în domeniul legislativ, asistență, documentare, traduceri, organizarea întîlnilor.

Cel mai important domeniu de acțiune al Consiliului Europei vizează drepturile omului. Fiecare stat are obligația politică să ratifice Convenția europeană a drepturilor omului, Carta Socială europeană, convenția-cadru a protecției minorităților. În acest sens, Consiliul Europei inițiază o serie de programe în domeniul drepturilor omului, minorităților naționale. Astfel, Consiliul Europei a contribuit la elaborarea actelor constituționale, legislative în vederea soluționării unor probleme ale minorităților naționale, în particular în problema găgăuză din Republica Moldova; aceste programe vizează şi stabilirea măsurilor de încredere, dialog intercultural. Un rol aparte revine Comisiei pentru democrație prin drept, alcătuită din experți independenți care oferă asistență legislativă statelor europene.

Spre deosebire de sistemul de monitorizare al Uniunii Europene, cel al Consiliului Europei este mult mai sofisticat şi bine determinat. Monitorizarea din partea Consiliului Europei este foarte importantă pentru Uniunea Europeană în condițiile realizării obligațiilor de către noile state membre, în special în domeniul protecției drepturilor omului, dar şi pentru statele care intenționează să adere la Uniunea Europeană.

Ținînd cont de varietatea domeniilor care sunt supuse monitorizării şi structura funcțională a Consiliului, competența de control a respectării angajamentelor a fost distribuită gradual şi sub diverse forme între organele Organizației. Exercitarea acestei funcții de către fiecare organ statutar creează, la rîndul său, anumite particularități şi ramificări.

Din momentul lansării procedurii de monitorizare de către **Comitetul de Miniştri,** au fost identificate zece teme de monitorizare: libertatea de exprimare; funcționarea şi protecția instituțiilor democratice; funcționarea sistemului judiciar; democrația locală; pedeapsa cu moartea; poliția şi forțele de securitate; eficiența căilor de recurs judiciare; nediscriminarea, în special lupta contra intoleranței şi rasismului; libertatea conştiinței şi a religiei; egalitatea între femei şi bărbați. Prin urmare, monitorizarea tematică aplicată în 1994 de Comitetul Miniştrilor [2, 134] este o procedură bazată pe un dialog constructiv şi confidențial, precum şi pe o strînsă cooperare între statele membre şi Comitet.

Dacă mecanismul de monitorizare aplicat de Adunarea Parlamentară are drept obiect anumite state, Comitetul Miniştrilor selectează anumite principii şi verifică modalitățile în care statele membre ale Organizației le implementează.

Devenind membru cu drepturi depline al Consiliului Europei, Republica Moldova participă la cooperarea interguvernamentală din cadrul Organizației, şi anume:

- în cadrul Programului interguvernamental de activitate, care acoperă probleme precum: democrația pluralistă şi drepturile omului, mass-media şi comunicațiile, democrația locală şi cooperarea transfrontalieră, cooperarea juridică şi statul de drept, drepturile sociale, problemele societății, sănătății, mediului şi amenajării teritoriului, educației, culturii şi patrimoniului, sportului şi tineretului;
- în cadrul programelor de cooperare şi de asistență elaborate pentru a sprijini țările din Europa Centrală şi de Est;
- sub forma unor acțiuni de cooperare mai restrînsă privind subiecte speciale, la nivelul unor acorduri parțiale cu participarea unui număr limitat de state, fie că sunt sau nu sunt membri ai Organizației.

În virtutea art.14 al Statutului Consiliului Europei, Republica Moldova are un reprezentant în Comitetul de Miniştri, care dispune de un vot. Acesta este Ministrul Afacerilor Externe al Republicii Moldova. În cazul în care Ministrul Afacerilor Externe nu este în măsură să participe la lucrările Comitetului de Miniştri, în calitate de supleant acționează un Viceministru al Afacerilor Externe.

La nivelul Delegaților Comitetului de Miniştri, din partea Republicii Moldova participă un Reprezentant Permanent. Reprezentanța Permanentă a Republicii Moldova pe lîngă Consiliul Europei a fost instituită prin Hotarîrea Guvernului nr.606 din 1 septembrie 1995, are sediul la Strasbourg şi patru funcționari diplomatici. În general, acesta exercită, atribuțiile membrului Comitetului de Miniştri, ajustate la funcționarea cotidiană a instituției europene.

În plus, Republica Moldova participă prin intermediul experților desemnați în organele de lucru ale Comitetului de Ministri, care examinează probleme mai înguste şi specifice unui anumit domeniu. Astăzi, Republica Moldova, fiind membru al Consiliului Europei din 1995, este reprezentată de experții săi în peste 75 de organe de lucru ale Comitetului de Miniştri. Evenimentele care au loc în Republica Moldova sunt discutate în cadrul Grupului de Raportori pentru Stabilitate Democratică (GR-EDS) al Comitetului de Miniştri al Consiliului Europei [8].

Republica Moldova a devenit în anul 2002 una din puținele țări invitate să prezinte un astfel de raport-evaluare a politicii şi practicii de aplicare a mai multor dispoziții din Convenție: decizia de suspendare a unui partid politic, educația şi studierea limbilor, a istoriei şi a autonomiei locale. Aplicarea Art.52 față de țara noastră este dovada unei îngrijorări serioase pentru derapajele alarmante in domeniile citate. Acest fapt vorbeşte despre disfuncții la nivel de politici şi instituțiile care le aplică şi alimentează temerile şi suspiciunile despre reversibilitatea reformelor democratice în țară.

În urma protestelor stradale şi înrăutățirii situației politice în țară, Comitetul de Miniştri a sprijinit la 20 octombrie 2002 propunerea secretarului general al Consiliului Europei de a institui şi trimite la Chişinău pe o durată mai lungă un reprezentant special. Inițial, termenul acestei misiuni urma să fie limitat, iar mandatul presupunea în principal facilitarea dialogului în cadrul meselor rotunde permanente ale partidelor politice, funcţii de legătură între Consiliul Europei şi Chişinău, coordonarea implementării Programului-pilot de cooperare şi a Programului comun Consiliul Europei / Uniunea Europeană. Astăzi, Chişinăul găzduieşte al 8-lea an Oficiul Reprezentantului Special al Secretarului General al Consiliului Europei, al cărui mandat s-a extins şi include deja şi subiecte politice, inclusiv referitoare la îndeplinirea obligațiilor şi angajamentelor de aderare.

Preluarea Preşedinției în cadrul Comitetului de Miniştri al Consiliului Europei pentru perioada 15 mai – 6 noiembrie 2003 sub genericul „Unitate prin Diversitate" [4], a fost şi rămîne a fi un eveniment de importanță majoră pentru Republica Moldova, ea fiind primul stat din CSI care a exercitat această funcţie, responsabilitate. Preşedinția Republicii Moldova la Comitetul de Miniştri al Consiliului Europei a culminat prin desfăşurarea celei de-a 113-a Sesiuni Ministeriale a Organizației la Chişinau în perioada 5-6 noiembrie 2003.

În 1993, **Adunarea Parlamentară** a creat primul mecanism de control al respectării angajamentelor asumate la momentul aderării la Consiliul Europei de către statele recent admise. După cum am remarcat anterior, dacă sistemul instituit de Adunarea Parlamentară vizează situația generală a unui singur stat, cel creat de Comitetul Miniştrilor ține în vizor întreg ansamblul statelor membre ale Consiliului Europei.

Mecanismul de monitorizare a fost inițiat de Adunarea Parlamentară prin conferirea comisiei pentru probleme politice şi comisiei pentru probleme juridice şi drepturile omului competența de a "verifica respectarea angajamentelor asumate de autoritățile noilor state membre şi de a înainta Biroului său un raport la fiecare şase luni pînă la îndeplinirea tuturor angajamentelor" [7]. Procedura de monitorizare a Consiliului Europei nu presupune doar aspectul funcţiei de control asociată cu compararea stării actuale a lucrurilor dintr-un stat cu ordinea cerută, dar şi un rezultat al funcției de control care constă în aplicarea sancțiunilor, ce sporeste notorietatea şi importanța acestei proceduri [31].

Astfel, din 1990, o parte foarte importantă din activitățile Consiliului sunt, în realitate, orientate spre programele de cooperare şi asistență pentru țările Europei Centrale şi de Est. Obiectivul acestor acțiuni constă în punerea la dispoziția acestor țări a expertizei Organizației în toate aspectele funcționării instituțiilor şi societății democratice. Această activitate de "inginerie democratică" [6, 45] nu are scopul de a impune careva modele prestabilite, dar de a împărtăşi cu state partenere experiența şi cunoştințele sale în vederea instaurării unui regim al democrației pluraliste, respectul pentru drepturile omului şi principiile statului de drept.

Aceste programe de cooperare şi asistenţă a Consiliului Europei se manifestă pe plan triplu:

- *sensibilizare, informare, dialog politic* cu privire la principiile fundamentale ale democraţiei, drepturilor omului şi viitoarea arhitectură politică a Europei, precum şi o mai bună *cunoaştere reciprocă*, ca o condiţie a unei cooperări reuşite;

- *asistenţă şi cooperare* pentru consolidarea evoluţiilor democratice şi promovarea democraţiei pluraliste, drepturilor omului şi statului de drept în toate elementele de funcţionare a societăţii, primele iniţiative la acest capitol fiind programele „Demostene", „For East" şi „Lode";

- *integrare*, care a permis de a insera, în mod progresiv, ţările Europei Centrale şi de Est în programele şi activităţile Consiliului Europei, pentru a le face să participe la procesul de cooperare europeană, în încercarea lor de posibilă aderare cu drepturi depline la Organizaţie.

Aşa cum prevede Adunarea Parlamentară:

a) scopul monitorizării este de a susţine toate statele în stabilirea şi consolidarea într-un cadru politic şi juridic comun a statului de drept, a democraţiei parlamentare şi a protecţiei drepturilor omului în concordanţă cu standardele Consiliului Europei;

Monitorizarea este un element indispensabil în orice strategie a drepturilor omului, alături de suportul societăţii civile, a comunităţii în vederea promovării şi protecţiei drepturilor omului, în special a grupurilor vulnerabile.

Dimensiunea parlamentară reprezintă cel mai vechi aspect al cooperării Republicii Moldova cu Consiliul Europei, Parlamentul Moldovei obţinînd, încă la 5 februarie 1993, statutul de "invitat special" în cadrul Adunării Parlamentare a Organizaţiei. Am putea menţiona că delegaţia naţională la APCE a fost un „pioner" în crearea relaţiilor Republicii Moldova cu Consiliul Europei în general, aducînd la cunoştinţa lumii europene existenţa unui nou stat cu aspiraţii democratice şi deschizînd calea aderării acestei ţări la Organizaţie. Republica Moldova este reprezentată în Adunarea Parlamentară a Consiliului Europei de o delegaţie formată din cinci membri, care reprezintă fracţiunile parlamentare din actualul legislativ.

Monitorizarea obligaţiilor şi angajamentelor asumate cu prilejul aderării se efectuează de APCE [29] şi se desfăşoară conform unei proceduri stabilite prin Declaraţia Comitetului de Miniştri din 10 noiembrie 1994 şi adoptată de Comitetul de Miniştri al Consiliului Europei (CMCE, *Deputies*) la Reuniunea 535 din 20 aprilie 1995. Rezoluţiile şi recomandările APCE adoptate în acest context poartă o încărcătură politică şi reflectă voinţă generală a instituţiei, dar nu sunt obligatorii din punct de vedere juridic pentru statele membre. Totuşi, în cadrul procedurii de monitorizare a angajamentelor de aderare, acestea trebuie privite ca linii directoare, în raport cu care vor fi evaluate reformele interne.

În pofida faptului că multe din obligaţiunile şi angajamentele asumate sunt asortate cu un termen de executare, nici după 15 ani de la aderare acestea nu sunt implementate. Republica Moldova este astăzi ţara cu cea mai lungă „istorie” de implementare a angajamentelor de aderare!

Atenţia Consiliului Europei faţă de Republica Moldova a fost consolidată prin propunerea Secretarului General de a acorda o asistenţă specială ţării noastre, asigurînd prezenţa unui **reprezentant special al său la Chişinău**. Această decizie a fost adoptată de către Comitetul de Miniştri la 20 octombrie 2002 şi formalizată printr-un schimb de scrisori care a pus bazele unui acord între Guvernul Republicii Moldova şi Consiliul Europei cu privire la statutul Reprezentantului Special al Secretarului General. Pe plan naţional, Reprezentantul Special apare deseori şi în calitate de mediator, cum ar fi în rîndul partidelor politice, în cadrul diverselor contacte cu autorităţile din partea de Est a Republicii Moldova. În prezent Reprezentant Special al Secretarului General al Consiliului Europei în Republica Moldova este Birute Abraitiene.

Reieşind din angajamentele generale de aderare ale statelor la Consiliul Europei, Organizaţia urmăreşte, în mod constant, evoluţiile democratice din Republica Moldova. Astfel, prin diverse contacte cu autorităţile moldoveneşti (vizite de evaluare, rapoarte cu privire la diferite subiecte şi în baza diferitor proceduri, inclusive cele de monitorizare tematică, adresări la Consiliul Europei etc.) sunt identificate dificultăţi specifice ţării noastre care impiedică avansarea reformelor democratice. Consiliul Europei evidenţiază aceste lacune în cadrul mai multor proceduri de monitorizare ale sale. Am putea exemplifica cu Rezoluţia APCE 1280 [26] şi 1303 [27], 1465 [28], precum şi Recomandarea APCE 1554, 1721 [23] cu privire la funcţionarea instituţiilor democratice în Republica Moldova, prin care organizaţia cere ţării să realizeze progrese decisive, exhaustive şi ireversibile la implementarea normelor şi practicilor democratice pentru concretizarea aspiraţiilor europene.

Evenimentele din ţară sunt evaluate în rapoarte periodice ale Secretarului General şi examinate în cadrul reuniunilor Grupului de Raportori pentru Stabilitate Democratică (GR-EDS) al Comitetului de Miniştri al Consiliului Europei. Secretariatul Consiliului Europei a decis efectuarea unei vizite de documentare în Republica Moldova în perioada 29-30 septembrie. În acelaşi context, precum şi cu ocazia desfaşurării alegerilor parlamentare, Republica Moldova a fost vizitată în ianuarie 2005 de către Terry Davis, Secretarul General al Consiliului Europei, în luna martie – de Adam Rotfeld, Preşedintele Comitetului de Miniştri, Ministrul Afacerilor Externe al Poloniei, în luna mai – de Josette Durrieu, Raportorul APCE pentru Republica Moldova. Urmare a vizitei a fost elaborat Raportul SG/Inf (2004)29 „Moldova: evaluarea cooperării cu Consiliul Europei” [18].

Raportul SG/Inf (2005)20 „Moldova: bilanţ de cooperare cu Consiliul Europei” [19], elaborat de secretariat după vizita din 27-30 septembrie 2005 vizează

alegerile parlamentare care au avut loc, implementarea Planului de Acțiune Uniunea Europeană - Republica Moldova, desfăşurarea Programului Comun Uniunea Europeană - Consiliul Europei pentru 2004-2006. Totodată se relevă importanța realizării reformei juridice, a sectorului audiovizual, lupta contra corupției şi crimei organizate, etc.

Raportul SG/Inf (2007)1 „Moldova: bilanț de cooperare cu Consiliul Europei în vederea îndeplinirii angajamentelor" [20], elaborat de secretariat după vizita din 29 noiembrie - 1 decembrie 2006. Se menționează monitorizarea alegerilor başcanului în UTA Găgăuzia din 3 decembrie 2006 de către Congresul Puterilor Locale şi Regionale a Consiliului Europei. Alte teme de interes au fost referendumul din Transnistria din 17 septembrie şi alegerile „prezidențiale" din 10 decembrie, extinderea mandatului EUBAM, etc.

În cadrul programului GRECO a fost elaborat o strategie națională anti-corupție sub egida Consiliului Europei împreună cu Centrul pentru Combaterea Corupției şi Crimelor Economice. Republica Moldova a fost prima țară care a ratificat Convenția –acțiune împotriva traficului de ființe umane la 19 mai 2006.

Consiliul Europei a acordat asistență în vederea problemei studierii istoriei în şcoală, Republica Moldova a particpat la Anul Cetățeniei prin Educație 2005, continuă să organizeze acțiuni cu caracter cultural, educațional, în domeniul tineretului şi sportului în dependență de tematica anuală propusă de organizație. În acest context, Republica Moldova este membră a procesului de la Bologna.

Raportul SG/Inf (2008)05 „Moldova: bilanț de cooperare cu Consiliul Europei" [21], elaborat de secretariat după vizita din 10-12 decembrie 2007. Acest raport menționează alegerile locale desfăşurate, monitorizarea acestora de către Congresul Puterilor Locale şi Regionale. În această perioadă cooperarea Consiliului Europei cu Republica Moldova s-a axat pe următoarele domenii prioritare: lupta împotriva corupției şi independența justiției. Au fost adoptate Rezoluția 1572 [33] şi Recomandarea 1810 cu privire la funcționarea democrației în Republica Moldova [34]. În cadrul proiectului MOLICO Comisia de la Veneția a acordat asistență legislativă la elaborarea Legii privind partidele politice. Rezoluția 1572 APCE recomandă Republicii Moldova să colaboreze cu Consiliul Europei în vederea revizuirii legislației UTA Găgăuzia în conformitate cu Constituția Republicii Moldova şi alte acte legislative.

Raportul SG/Inf (2009)1 „Moldova: bilanț de cooperare cu Consiliul Europei" [21], elaborat de secretariat după vizita din 20-24 octombrie 2008. Acest raport se axează pe continuarea programelor cu Consiliul Europei, implementarea recomandărilor GRECO şi MONEYVAL cu privire la lupta împotriva corupției şi crimei organizate, a spălării banilor. Consiliul Europei a aprobat un plan referitor la alegerile din 2009 [5]. În acest context, Comisia de la Veneția a avizat Codul Electoral şi a desfăşurat seminare pe tematica electorală, inclusiv rolul massmediei în campania electorală. Comitetul de Miniştri al Consiliului Europei a ap-

robat un plan de consolidare a măsurilor de încredere în domeniul media, educațional şi electoral pentru Transnistria. S-au realizat şi vizite a persoanelor oficiale ale Consiliului Europei la Tiraspol. În contextul programelor de reformare a justiției, numeroase activități au fost desfăşurate sub egida Convenției Europene a Drepturilor Omului, în contextul programelor comune Comunitatea Europeană - Consiliul Europei în Republica Moldova. Un program comun al acestor două organizații cu rezonanță în țara noastră prevede şi consolidarea societății civile; este axat în special pe ONG şi pe implicarea societății civile în acțiunile comunității la nivel local [32].

La începutul anului 2010, Comitetul Ministrilor a aprobat un set nou de programe de cooperare cu Republica Moldova, care include un nou Program Comun cu Uniunea Europeană cunoscut ca “pachetul democrație”, mai multe Măsuri de Consolidare a Încrederii pentru regiunea transnitreană a Republicii Moldova şi proiecte în sectorul autonomiei locale [22]. În lumina concluziilor trasate de prezentul raport, cooperarea Consiliului Europei cu Republica Moldova poate fi în continuare extinsă în special în domeniul reformei constituționale (inclusiv acordarea asistenței pre-electorale pentru viitoarele alegeri), şi continuarea reformei sistemului judiciar.

Problema principală rămâne a fi blocajul politic şi profundul clivaj între coaliția majoritară şi opoziția. Tranziția politică a Republicii Moldova poate fi realizată numai prin promovarea unui dialog politic constructiv. Toate instituțiile relevante şi partenerii vizați trebuie să utilizeze la maxim asistența acordată de Consiliul Europei la capitolul expertiză şi consultații.

Ca urmare a procedurilor de monitorizare aplicate, derivă **asistența** acordată de Consiliului Europei, care ține de strategia sa de post-aderare, şi anume, de a oferi noilor state membre ajutorul necesar în dezvoltarea reformelor democratice şi ajustarea cadrului politic, juridic, economic şi social la valorile Organizației. În virtutea acestor acțiuni, Republica Moldova a beneficiat de mai multe programe de asistență ale Consiliului Europei atît generale, orientate spre mai multe direcții, cît şi speciale, axate pe un anumit domeniu.

Republica Moldova, fiind membru al Comisiei de la Veneția din 25 iunie 1996, a beneficiat de suportul acesteia, şi anume, prin expertizarea proiectului Legii cu privire la modificarea Constituției referitor la statutul Gagauziei [16], proiectului Legii cu privire la Curtea Constituțională, proiectului Legii cu privire la partidele politice [17], Codului electoral [12], Legii cu privire la statutul deputatului [13] şi altor legi. În plus, Comisia de la Veneția şi-a anunțat deja disponibilitatea de a asista țara noastră în procesul de reformă constituțională în vederea federalizării țării şi creării statului integrat Republica Moldova.

Pe această bază, experții europeni au evaluat peste 50 de acte normative ale Republicii Moldova, printre care: Codul Muncii, proiectul Legii cu privire la administrarea publică locală, proiectul Legii cu privire la instituția publică a audio-

vizualului, Codul Penal, Codul de Procedură Penală, Codul Civil şi altele. Un rol aparte i-a revenit Comisiei de la Veneția în cadrul soluționării crizei constituționale din Republica Moldova după alegerile din 2009.

În procesul aderării la Consiliul Europei, Republica Moldova a accentuat în permanență că amenințarea majoră pentru suveranitate provine din partea „mişcării secesioniste din Transnistria”, iar soluționarea conflictului trebuie să fie însoțită de retragerea Armatei a 14-a a Rusiei, conform acordului semnat la 21 octombrie 1994 la Moscova şi care încă urma să fie ratificat de Federația Rusă. Această poziție a găsit susținere în Comitetul Miniştrilor Consiliului Europei şi APCE [1].

În iulie 2004, CEDO adoptă cea decizia „Ilaşcu şi alții împotriva Federației Ruse şi Republicii Moldova” [11], stabilind responsabilitatea Federației Ruse pentru violarea drepturilor fundamentale în această regiune, pornind de la exercițiul efectiv al jurisdicției sale pe acest teritoriu, pentru ajutorul militar, economic şi de altă natură pe care Federația Rusă îl acordă regimului separatist, care altfel nu ar supraviețui.

O delegație a Comitetului pentru Prevenirea Torturii şi Tratamentelor sau Pedepselor Inumane sau Degradante al Consiliului Europei a realizat o vizită în regiunea transnistreană a Republicii Moldova la 21 iulie 2010. În contextul rapoartelor CPT privind vizitele precedente în regiune din 2000, 2003 şi 2006, delegația intenționa să examineze situația persoanelor private de libertate în comisariatele de poliție şi penitenciare [3].

Strategii de promovare a democrației [15, 143] din partea Consiliului Europei în Republica Moldova inițial au fost orientate pe socializare; s-a focusat pe instruirea elitei naționale prin intermediul programelor de asistență în vederea acceptării normelor democratice. Dacă e să analizăm impactul Consiliului Europei, remarcăm că, cu diverse ocazii acesta a aplicat strategii de promovare a democrației cu un suport de stimulare, de încurajare. Aceste includ: alocarea ajutoarelor suplimentare, evaluarea progreselor înregistrate, totalizări, rapoarte periodice, fixarea termenilor de acțiune, dialog intens şi interacțiune. Consiliul Europei acționează prin numeroase vizite de lucru, de documentare, rapoarte şi comunicate. Or, calitatea de membru al Consiliului Europei a Republicii Moldova urma să „consolideze democrația şi statul de drept, să îmbunătățească protecția drepturilor şi libertăților omului, să sporească stabilitatea politică şi economică a țării” [14].

Prin programele de cooperare „Demo-Droit” şi „Themis”, Consiliul Europei sprijină noile democrații în efectuarea reformelor pînă şi după aderare. Anumite proiecte sunt elaborate împreună cu Uniunea Europeană, fapt care constituie un exemplu excelent de cooperare între instituțiile internaționale [9, 122]. Programele de cooperare juridică au fost lansate în 1989: programul „Demosthene” şi diviziunea sa juridică „Demo-Droit”; în 1993 - programul „Themis”. Programe-

le de cooperare juridică promovate în toate statele membre ale Consiliului Europei şi ţările candidate, au fost elaborate în cadrul activităţilor pentru dezvoltarea şi consolidarea stabilităţii democratice (ADACS).

Acţiunile întreprinse către anul 2000 în vederea promovării strategiilor democratice au fost insuficiente, justificate prin lipsa legislaţiei ce ar garanta libertatea de exprimare şi informare, a unui nou cod penal. Această situaţie a continuat să se agraveze în special după 2001, odată cu profunde modificări ale sistemului politic autohton. În aceste condiţii, Consiliul Europei a utilizat în locul strategiilor persuasive, normative unele strategii de influenţare a politicii guvernamentale în domeniul drepturilor omului. Principalul impediment a fost condiţionat de instabilitatea politică, de lipsa de dialog politic dintre putere şi opoziţie în februarie-martie 2002. Această perioadă a fost monitorizată intens, Consiliul Europe a îndeplinit rolul de mediator, şi a intervenit în cazul Teleradio Moldova. Totodată, organizaţia continua să monitorizeze situaţia cu privire la libertatea de opinie [25]. Adunarea Parlamentară a Consiliului Europei a recomandat Comitetului de Miniştri să permită o asistenţă mai mare inclusiv o expertiză juridică şi iniţierea unor noi programe de cooperare [24]. În consecinţă, a fost lansat un program comun de cooperare dintre Comisia Europeană şi Consiliul Europei în vederea consolidării stabilităţii democraţiei în Republica Moldova, una din temele principale ale acestuia constituia susţinerea independenţei mass-media.

Într-o notă informativă privind evoluţiile recente din Moldova, făcută publică de către Comisia de monitorizare la 22 iunie, 2010 coraportorii J.Durrieu (Franţa, SOC) şi E.Vareikis (Lituania, EPP/CD) au subliniat în mod repetat faptul că "este imperativ de a soluţiona cât mai repede criza instituţională actuală" [35]. Consiliul Europei este unica organizaţie internaţională care a monitorizat îndeaproape desfăşurarea referendumului constituţional din 5 septembrie 2010.

În concluzie menţionăm că monitorizarea şi programele de asistenţă oferite de către Consiliul Europei sunt relevante şi impetuos necesare în cadrul procesului de democratizare a Republicii Moldova, îndeosebi în contextul urmării vectorului de integrare europeană. Totodată, considerăm că Republica Moldova trebuie să întreprindă mai eficient o serie de reforme în vederea scoaterii de sub monitorizare, proces care durează prea mult şi care afectează imaginea ţării în plan extern, care erodează gradul de responsabilitate şi legitimitate a guvernării în asumarea angajamentelor faţă de Consiliul Europei.

Bibliografie:

1. Avizul APCE 188 (1995).
2. Benoit R., Klebes H. Cadrul juridic al Consiliului Europei. Spre un spaţiu juridic pan-european. - Chişinău, 2007.

3. Comitetul împotriva torturii al Consiliului Europei îşi întrerupe vizita în regiunea transnistreană a Republicii Moldova www.coe.md (accesat 2 august 2010)
4. CM/Inf(2003)19 15 mai 2003, Priorités de la présidence moldave du Comité des Ministres du Conseil de l'Europe (15 mai – 7 novembre 2003).
5. CM/Del/Dec(2008)1029/2.1aE/13 June 2008
6. De Vel G. Comité des Ministres du Conseil de l'Europe. – Strasbourg, 1995.
7. Directiva nr.058 din 1995
8. Documentul SG/Inf 2004 29 „Moldova: evaluarea cooperării sale cu Consiliul Europei".
9. Dumbravă L. Cooperarea Republicii Moldova în cadrul Consiliului Europei. // Administrarea publică. 2002, Nr.3, p.121-127.
10. Hawkins D. Protecting Democracy in Europe and the Americas. // International Organization, nr.62, Summer 2008, p.373-403.
11. Hotărîrea CEDO Ilaşcu şi alții contra Moldovei şi Rusiei, din 8 iulie 2004. // Monitor Oficial, ediție Specială, 21 septembrie 2004.
12. Opinia Comisiei de la Veneția CDL-AD (2003)1 din 16 ianuarie 2003 asupra legislației electorale din Republica Moldova.
13. Opinia Comisiei de la Veneția CDL-AD (2002)223 din 8 octombrie 2002 pe marginea Legii Republicii Moldova cu privire la statutul deputatului.
14. Opinion No.188 on the Application by Moldova for Membership of the Council of Europe, Parliamentary Assembly of the Council of Europe, adopted on 27 June 1995, available at http://assembly.coe.int/main.asp?Linkj/documents/adoptedtext/ta95/eopi188.htm
15. McDonagh E. Is Democracy Promotion Effective in Moldova? The Impact of European Institutions on Development of Civil and Political Rights in Moldova. // Democratization. Vol.15, No.1, February 2008, p.142-161.
16. Raportul Comisiei de la Veneția CDL (2002)40 din 12 martie 2002 cu privire la statutul Găgăuziei.
17. Raportul Comisiei de la Veneția CDL (2003)9 din 5 februarie 2003 pe marginea proiectului de Lege a Republicii Moldova cu privire la partidele politice.
18. Raportul SG/Inf (2004)29 „Moldova: evaluarea cooperării cu Consiliul Europei"
19. Raportul SG/Inf (2005)20 „Moldova: bilanț de cooperare cu Consiliul Europei"
20. Raportul SG/Inf (2007)1 „Moldova: bilanț de cooperare cu Consiliul Europei în vederea îndeplinirii angajamentelor"
21. Raportul SG/Inf (2008)05 „Moldova: bilanț de cooperare cu Consiliul Europei"

22. Raportul SG/Inf (2010)10 „Moldova: bilanț de cooperare cu Consiliul Europei”
23. Recomandarea 1721 (2005) a APCE cu privire la funcționarea instituțiilor democratice în Republica Moldova adoptată la 4 octombrie 2005.
24. Recommendation 1554 (2002) by the PACE to the Committee of Ministers, April 2002, available at http://assembly.coe.int/Documents/AdoptedText/ ta02/EREC1554.htm.
25. Resolution 1280 (2002) of the Parliamentary Assembly of the COE, 24 April 2002, available at http://assembly.coe.int/Documents/AdoptedText/ta02/ ERES1280.htm.
26. Rezoluția 1280(2002) a APCE cu privire la funcționarea instituțiilor democratice în Republica Moldova, adoptată la 24 aprilie 2002.
27. Rezoluția 1303(2002) a APCE cu privire la funcționarea instituțiilor democratice în Republica Moldova adoptată la 26 septembrie 2002.
28. Rezoluția 1465 (2005) a APCE cu privire la funcționarea instituțiilor democratice în Republica Moldova adoptată la 4 octombrie 2005.
29. Rezoluția APCE 1155 (1998) privind evoluția procedurilor de supraveghere a Adunării (aprilie 1997 - aprilie 1998), adoptată la Reuniunea APCE din 21 aprilie 1998.
30. Rosenstiel F. Assisting the Development and Consolidation of Democratic Security. // Gasparini P. (ed.) Increasing Acces to information Technology for International Security: forging cooperation among research institutes, 1997, p.163-179. www.unidir.org/pdf/articles/pdf-art990.pdf (accesat 21 august 2010)
31. Statutul Consiliului Europei. // Tratate internaționale. – Chisinau, 1998, vol.IX. art.7-9.
32. The CoE/EC Joint Programme in the field of civil society (01/01/2008-31/12/2009) http://www.jp.coe.int/inc/
33. http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta07/ERES1572.htm
34. http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta07/EREC1810.htm
35. www.coe.md

Prezentat la redactie
la 1 octombrie 2010

Recenzent – **Valentina TEOSA**, profesor, doctor habilitat in stiinte politice

ФОРМИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Геннадий СЛОБОДЕНЮК
Республика Молдова, Кишинев, Академия Наук Молдовы, управление международного сотрудничества
Консультант, докторанд Молдавского Государственного Университета
e-mail: slobodeniucgh@yahoo.com

Артем СЛОБОДЕНЮК
Республика Молдова, Кишинев, Академия Экономических Знаний
докторанд

Abstract: *In this article, we present our modest contribution to conduct the correlation analysis between two independent but interdependent social processes: the formation of a global culture of tolerance and development of human potential. We believe that the dialogue between "different" if it is based on recognition of basic human needs. Thus, a dialogue based on principles of tolerance, could guarantee the development of individual or collective human potential.*

В начале XXI века, под влиянием интенсивных исторических изменений связанных с процессом глобализации мира, развитие человека и человечества зависит от нового смыслового содержания социально-политических ценностях. В этой связи формирование глобальной культуры толерантности становится одной из ключевых и остро обсуждаемой темой в современных гуманитарных знаниях. При серьезном намерении углубить знания о вопросе толерантности можно свободно прочитать в библиотеках или скачать в интернете огромное количество качественного методического пособия, которое напечатано видными учеными. По этому, наш скромный вклад в изучении вопроса толерантности в современном обществе, состоит в проведении корреляционного анализа двух независимых, но взаимодополняющих социальных процесса: формирование глобальной культуры толерантности и развития человеческого потенциала.

На сегодняшнем этапе развития, толерантность претендует стать неотъемлемой частью современной культуры каждого гражданина, общества и государства. В условиях глобализации, формируется глобальная культура толерантности. Так как, глобальная культура толерантности *кем-то* должна развиваться и *где-то* применяется. Субъектами глобальной культуры

толерантности можно считать: отдельного гражданина, группу или общество, государства. Глобальную культуру толерантности можно и нужно применять: в межличностном диалоге (в кругу семьи, с друзьями) и в межгосударственных отношениях. В тоже время следует принимать во внимание, что среди субъектов глобальной культуры толерантности существуют различные мнения по поводу прикладного характера в бытовой жизни толерантности, как социального и политического принципа развития современного общества. Безусловно, уровень развития глобальной культуры толерантности определяет способность субъектов социально-политических отношении к диалогу между цивилизациями, обществами и личностями различных мировоззрении и культурных традиции. Таким образом, на наш взгляд, формирование глобальной культуры толерантности в сознании отдельного гражданина и общества способствует качественному скачку-переходу от культуры войны к культуре мира.

Толерантность, как социальный феномен в современных международных отношениях, претерпевает смысловое переосмысление и рассматривается главными субъектами транснациональных отношении уже как вопрос о том, как жить вместе, не утрачивая идентичность различий [1]. Новый смысл толерантности, в глобальном менее агрессивном мире, заключается в необходимости проявления многогранности современного общества и личности.

С точки зрения науки о международных отношениях, толерантность можно рассматривать в качестве базовой политической ценностью в процессе формирования глобального мира. Таким образом, происходит пересмотр политических приоритетов и переход от «международной политики борьбы за выживание» (основанной на культуре конфликта), к формированию «международной политики развития» (основанной на мирном сосуществовании и толерантном взаимоотношении между гражданами, обществами и государствами).

Одним из толчков направленным на формирование глобальной культуры толерантности можно считать инициативу выдвижения этого вопроса на повестку дня развития современного международного сообщества. Таким образом, на 28-й сессии генеральной конференции ЮНЕСКО была утверждена Декларация Принципов Толерантности (резолюция 5.61 от 16 ноября 1995 года). Принимая во внимание множество различных принятых ранее международных актов, государства-члены ООН, выразили свою готовность сделать *все необходимое для утверждения идеалов толерантности в современных обществах, поскольку толерантность является не только важнейшим принципом, но и НЕОБХОДИМЫМ условием мира и социально-экономического развития всех народов* [2].

Суть «нового глобального облика» культуры толерантности, в процес-

се формирования, состоит в признании многообразия форм самовыражения человеческой природы и, что каждый человек обладает правом жить, развиваться и сохранять свою индивидуальность. *Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, и правовая потребность* (статья 1.1 из Декларации принципов толерантности). Субъекты глобальной культуры толерантности призываются, тем самым отказаться от догматизма и абсолютизации истины.

Толерантность должна занять свое место в системе политических ценностей, которые определяют функциональность политической системы, и предоставляет каждому человеку возможности для социального и экономического развития. В этой связи, проблема толерантности в межэтнических или межконфессиональных отношениях должна рассматривается не только как терпимость к чужим мнениям, верованиям и поведению [3].

В общественно-прикладном применении глобальной культуры толерантности, в межэтническом, межконфессиональном и цивилизационном диалоге с «чужими» возможно, перебороть смысловой барьер, основанный на «терплю чужой образ жизни, поведение, обычаи, верования», если проявлять уважение и открытость к ценностям другой культурной самобытности.

В нашем понимании, формирование глобальной культуры толерантности возможно, при условии, что её субъекты готовы к диалогу и открытому познанию культурного многообразия современного общества. Это реализовать трудно, но возможно. Главное, не допустить пролития человеческой крови ради поддержания мира. К этому призывает человечество самих себя, через современное искусство, музыку и науку в рамках различных международных событиях (экспозиции, фестивали, форумы и симпозиумы).

Не исключено что, применение глобальной культуры толерантности способствует выходу современного общества на качественно новое содержание глобальных человеческих и межгосударственных отношениях, основанных на уважении достоинства и потребности самореализации каждого субъекта международных отношений. Тем самым доводя до минимума проявление форм агрессии, содержащаяся в человеческой природе и которая исследуется философией и наукой о зле.

На наш взгляд, проявление глобальной культуры толерантности или ее не проявление зависят от той концептуальной платформы, с которой рассматривается природа и сущность человека. Оптимисты считают, что формирование социально неагрессивного человека возможно через воспитание, а его хорошее общественное поведение естественно как для разумного существа. Пессимисты, последователи английского философа Т.Гоббса, утверждают, что укоренившая веками культура «войны всех против всех»,

развила у людей глубокое чувство страха и эгоистического стремления к удовлетворению базовых потребностей для самосохранения. Видимо, оптимистический взглядне питает чувства страха собственной смерти, а пессимисты – борются за свою жизнь. Возможно, глобальную культуру толерантности можно воспринимать как связующим звеном между оптимистическим и пессимистическим подходами о сути и природе человека.

Даже если, среди ученых не существует общепринятого единого мнения о природе человека, мы считаем, что человек как биологическое и социальное существо не хороший и не плохой. Главный недостаток современного человека, что он отдалился от древней истины «Познавать себя». Поэтому, современный человек попал в ловушку собственного творения – государства-нации. Практически, человек находится в постоянной борьбе с самим собой и теми «общественными правилами и институтами», которые создавал на протяжении веков.

В современных условиях, к сожалению, индивиды вынуждены объединятся в ассоциации или общественные движения для того чтоб бороться за соблюдение своих прав с институтами государства. Теми институтами которые изначально создавались для того чтоб защищать права и интересы граждан. Следует отметить, одну из новых обязанностей государственных институтов, которая появилась в контексте международной миграции – защита и обеспечение прав граждан других стран, которые обладают статусом беженца или трудового мигранта.

После, некоторых теоретических измышлений следует прикладной вопрос: возможно ли, современному человеку в условиях глобализации мира, проявлять культуру толерантности к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям и верованиям? На наш взгляд, проявлять толерантность между отдельными гражданами и обществами в целом является императивом времени в условиях глобальной нестабильности. Формирование и проявление глобальной культуры толерантности каждым индивидом и обществом актуально и необходимо. В этом контексте, человека необходимо рассматривать в ракурсе, как существо способное к толерантным (не агрессивным) или не толерантным (агрессивным) социальным действиям по отношениям к индивидам, представителям других этнических, расовых или религиозных групп. А когда, человеческое существо проявляет свои агрессивные инстинкты необходимо применить механизмы воспитательного (не карательного в целях воспитания) характера.

На наш взгляд, главными элементами механизма формирования глобальной культуры мира и толерантности являются: образование, путешествие и профессиональная мобильность, диалог цивилизации «на кухне» и заключение межэтнических или межконфессиональных браков.

В мире, формирование глобальной культуры ненасилия происходит

через уроки толерантности в неформальной и формальной системе образования [4]. Вклад образования в формировании глобальной культуры толерантности огромен и направлен в развитие социально-психологических качеств у участников (школьников, студентов, добровольцев) необходимых для позитивного взаимодействия с людьми носителями иных систем ценностей. Вопрос толерантности легко дается индивидуальному изучению или других в качестве преподавателя или координатора программы. По этой теме, опубликовано множество научной и публицистической литературы. Вопрос толерантности является темой множества публичных дискуссий, в которых пока не выявился победитель, обладающий правом на разъяснение истиной роли толерантности и перспектив глобальной культуры ненасилия в обществе настоящего и будущего. Поэтому, вопрос является ли толерантность пороком или добродетелью для современного человека, остался открытым. Тем более, что культуру толерантности еще труднее применить в повседневной рутине межличностных социальных отношениях.

В тоже время, стимулирующим факторов формирования глобальной культуры толерантности можно считать потребность людей различных профессии к мобильности (стажировки и программы обучения). Мы можем отнести к числу воспитательных мер способствующих формированию глобальной культуры толерантности - международный туризм. Ни для кого не является секретом, случаи возникновения конфликтных ситуаций во время отдыха за рубежом. Однако, способов избежать конфликтные ситуации не изучены научным методом, или не получили необходимого отражения в международных СМИ из-за отсутствия диалога между наукой и средствами массовой информации.

Безусловно, из-за отсутствия толерантности конфликтные ситуации появляются и внутри страны. К примеру, в одном интервью высокопоставленное лицо аппарата президента России в Северо-Кавказском федеральном округе, рассказывая журналистам о молодежи из северокавказских республик, отмечал, что она «демонстрирует свои традиции, не особо считаясь с мнением окружающих», приезжая в другие регионы на отдых. В этой связи, была предпринята инициатива, разработать кодексы поведения призванные разъяснять приезжим местные правила. Эти документы будут распространяться в учебных заведениях.

Вопрос толерантности включен в повестку дня правительственных программах России. К примеру, по инициативе губернатора В.И.Матвиенко была разработана программа действий Правительства по обеспечению мира и согласия в культурной столице России городе Санкт-Петербург – «Программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявления ксенофобии, укрепления толерантности в

Санкт-Петербурге (2006-2010 гг.)» [5]. При разработке Программы учитывался опыт реализации федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 гг.)». Программа направлена на укрепление в Санкт-Петербурге толерантной среды на основе принципов мультикультурализма, ценностей многонационального российского общества, соблюдения прав и свобод человека, поддержание межнационального мира и согласия [6].

Люди призывались объединить усилия для развития культуры мира через искусство, музыку и литературу. Авторы видео-клипа о программе «Толерантность» формируют позитивное общественное мнение призванное укрепить толерантность: «Все люди рождаются с одинаковым взглядом на мир. Но когда они об этом забывают, в дом приходит беда. Люди разных этносов и культур сами в силах, чтоб жить в мире и согласии друг с другом». Одной из целей принятой правительственной программы, как утверждают сами авторы, способствует взращиванию у людей новых социальных качеств, необходимые для проявления уважения и выражения интереса к другим культурам, соблюдать закон и порядок.

Также, был задействован научно-образовательный потенциал для разработки концептуальных основ правительственной программы «Толерантность». Согласно, 8-го раздела документа, научными задачами являлись изучение *позитивного* опыта этнокультурной толерантности между петербуржцами, реализация стратегии формирования толерантности в сознании и поведении граждан различных групп и слоев населения Санкт-Петербурга. Выводы и рекомендации были заложены в управленческие механизмы политики толерантности направленных на решение социальных проблем возникающие из-за ксенофобии и нетерпимости к другим мнениям.

Вопрос толерантности распространяется в рамках различных международных общественных компаниях, по-разному в странах мира [7, 8, 9].

В подтверждение сказанного о роли диалога национальной кухни в формировании глобальной культуры толерантности можно привести инициативу проведения фестиваля «Культуры приглашают к столу», организованного Международным общественным форумом «Диалог Цивилизации» в Венском парке имени З.Фрейда в июне 2010 года.

Точно, высказался посол Монголии в Австрии, Дж.Енхасаихан, по поводу культурного мероприятия «Путь к толерантному общению лежит через желудок. Это мероприятие должно, проводится чаще, чтобы перепробовать много разных блюд и лучше узнать друг друга» [10].

На культурном мероприятии, была выдвинута инициатива, издать межкультурную кулинарную книгу «Культуры из кулинарной книги». Сама идея издать книгу кулинарных рецептов стара, так как кулинарные бро-

шюры издаются в любой стране мира [11]. Однако, оригинальность этой инициативы состоит в том, чтобы гурманы и национальные кухни активно способствовали формированию глобальной культуры мира и толерантности.

Синтез глобальной культуры толерантности и развития человеческого потенциала являются базовыми элементами в процессе формирования транснациональных отношений. Исследование концептуальной корреляции может быть расширенно за счет анализа взаимодействия «толерантности» и «развития человеческого потенциала», которое тоже можно отнести в ряд социально-политических ценностей современного глобального общества. К примеру, в социальном аспекте применение принципа толерантности в отношениях между людьми, в рамках общественных отношениях (в учебных заведениях, на работе, в семье, и т.д.) предполагает *укрепление духа толерантности и формирование отношении открытости, внимания друг к другу и солидарности.*

Мы смеем выдвинуть предположение, что закрепление ценности толерантности в индивидуальном или коллективном сознании и практическое ее использование в различных индивидуальных, общественных или межгосударственных отношениях, возможно, если все субъекты глобальной культуры толерантности примут за основу общую базовую потребность человеческой природы – самореализация или развитии человеческого потенциала. Таким образом, глобальную культуру толерантности можно рассматривать в качестве необходимого условия мира для развития индивидуального или общего человеческого потенциала, в контексте устойчивого социально-экономического развития каждого общества.

Рассмотрим некоторые политические измерения, способствующие развитию человеческого потенциала. Развитие человеческого потенциала является предметом исследования различных социальных наук и религиозных верований. Также, вопрос развития человеческого потенциала можно включить в список глобальных современных проблем. Это становится выразительным при более глубоком изучении человеческой природы, современного общества и сути политики в глобализирующемся мире, как основ науки о международных отношениях и политической теории. Рассмотрение вопросов культуры толерантности и развития человеческого потенциала становятся необходимым в контексте формирующейся глобальной реальности или пост-вестфальской системы международных отношениях.

В истории науки, толчок для изучения человеческого потенциала был дан ученым У.Джеймсом, основателем американского прагматизма. В начале XX-го века в своих наблюдениях он отмечал что «средний человек» использует всего лишь 4-10% своих способностей в течении жизни. В связи с глобальными беспорядками в первой половине XX-го века (экономи-

ческий кризис и мировые войны), ученые не занимались систематически проблемой человеческого потенциала.

Только позже, знаменитый американский ученый А.Маслоу, представил обществу теорию мотивации и человеческих потребностей. Он утверждал, что каждое человеческое существо обладает огромным потенциалом, но только некоторые его развивают и реализовывают. Каждый индивид обладает способностями к творчеству, любознательностью, интересуется жизнью других, но только в разной степени. А.Маслоу уточнил, что главной человеческой потребностью является – самореализация. Самореализация является высшей формой реализации своих способностей, талантов и возможностей. Потребность к самореализации выражает влияние индивида на самого себя. Способность к самореализации включает все таланты и возможности проявить человеческий потенциал в рамках социального действия. Потребность к самореализации генерирует потребность к реализации человеческого потенциала.

Концепция «человеческого потенциала» занимает ключевую позицию в парадигме человеческого развития, которую разработали экономисты М. уль Хак (Пакистан) и А.Сен (Индия, лауреат нобелевской премии по экономике (1998 г.) [12]. Ученые разрабатывали возможные решения для Программы Развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) необходимых для преодоления социальной несправедливости между богатыми и бедными. В подходе ПРООН, человеческое развитие является главной целью устойчивого социального развития. Человеческое развитие, в определении ПРООН означает «процесс расширения возможностей для человеческого выбора и повышение благосостояния населения» [13]. Главное послание ПРООН по поводу человеческого развития, основано на том, что люди являются богатством нации, в то время как образование и здоровье являются приоритетными в политики человеческого развития.

Концепция «человеческого потенциала» применяется в качестве инструмента измерения уровня человеческого и социального развития в разных странах мира [14]. С начала 1990 годов, ПРООН публикует Ежегодные Отчеты о Человеческом развитии. Измерение человеческого развития основано на Индексе Развития Человеческого Потенциала (ИРЧП). ИРЧП основано на трех элементах: продолжительность жизни, уровень образования и ВВП. Следует отметить, что данный индекс не является совершенным инструментом для измерения развития человеческого потенциала. Недостатком количественного подхода в отражении развития человеческого потенциала состоит в том, что не принимаются в расчет другие главные составляющие: культурный потенциал, творческий и интеллектуальный потенциал, соблюдение прав человека в стране или за рубежом (к примеру, для трудовых мигрантов).

На примере Республики Молдова, можно выделить необходимость развития культуры толерантности основанной на «гармонии - в многообразии». На наш взгляд, в этой маленькой стране с богатым человеческим потенциалом, «экономическое чудо» не свершается не от того что, отсутствуют природные ресурсы или выход к морю, а потому что в культуре многонационального общества, толерантность как ценность не нашло необходимой «почвы» для применения. О необходимости быть толерантным достаточно много говорят, но применять не хватает воли и силы духа, так как можно «проиграть в борьбе за выживание» в обществе. Современное общество, которое продолжает борьбу со своим прошлым. Общество, в котором человеческий потенциал деградирует, потому что не востребован и отсутствует коллективное видение возможного будущего. Будущего не обязательно, светлого, но в котором каждый гражданин нашел возможность развить и реализовать человеческий потенциал. Будущего мирного и основанного на принципах толерантности. Так как, причины приднестровского конфликта не устранены, а угроза возникновения военных действий существует. Представители политических партии (левых–правых идеологии) и гражданское общество все чаще призывают друг друга к толерантности, осознавая, что на сегодняшнем этапе исторического развития, общество Республики Молдова – разобщено по этническому и политическому признакам. Все-таки в нестабильной и неопределенной ситуации развития, наблюдается процесс формирования глобальной культуры толерантности у граждан Республики Молдова. Около 10% граждан страны являются участниками международной трудовой миграции (легальной или нелегальной, временной или постоянной). Международная трудовая миграция и ее последствия являются факторами, стимулирующие культурный обмен и развитие глобальной культуры толерантности, на опыте которой происходит цивилизованный диалог. Трудовые мигранты из Республики Молдова, объединяются в сообщества и регистрируют неправительственные организации в разных странах мира: Россия, Италия, Португалия, Греция, Канада, Испания, и другие. Эти ассоциации приглашаются для участия в различных культурных и социальных мероприятиях организованные странами Европейского Союза в рамках политики межкультурного диалога. На Форумах, ассоциации представляют богатство национальных песен и танцев, искусства и особенности кухни. В современных международных отношениях мы наблюдаем становление диаспоры, как нового негосударственного субъекта международных отношений, который способствует формированию глобальной культуры мира и толерантности, а также развитию человеческого потенциала.

В заключении сформулируем следующие выводы относительно формирования глобальной культуры толерантности и развития человеческого

потенциала. Во-первых, на глобальном уровне предприняты усилия для продвижения толерантности как ценности и ее укрепления в поведении людей. Во-вторых, применение толерантности преподносит многочисленные трудности в современном обществе, в котором преобладает основной закон выживания «борьба всех против всех». Вопрос о том, является ли толерантность пороком или добродетелью остается открытым, пока ответ не сформулирует победившая сторона в соревновании между «человеческими отношениями с животным лицом» или «человеческими отношениями в обществе живых людей». В-третьих, проблема толерантности необходимо рассматривать во взаимосвязи с базовыми человеческими потребностями. На наш взгляд, проявить терпимость к чужим мнениям, верованиям и поведению, возможно если знать и понимать основные потребности людей различных этнических групп, рас или вероисповеданию. Мы считаем, что диалог между «разными» возможен, если в основе лежит общее признание человеческой потребности к развитию и самореализации. Таким образом, диалог на основе принципов толерантности, может стать гарантом для развития индивидуального или коллективного человеческого потенциала. В то время, как смысл развития и реализация человеческого потенциала состоит в том, чтобы достичь повышения благосостояния населения и предотвратить глобальные угрозы способные повлиять на выживание человечества.

Литература:

1. Толерантность / Общ. ред. М.П.Мчедлова. - Москва: Республика, 2004. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/toler/index.php
2. Декларация принципов толерантности, утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года.
3. Определение «толерантности» http://lib.deport.ru/slovar/bes/t/tolerantnost.html
4. Погодина А.А. Толерантность: термин, позиция, смысл, программа. http://his.1september.ru/2002/11/2.htm
5. Программа Правительства Санкт-Петербурга «Толерантность» http://www.spbtolerance.ru/
6. Программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявления ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006-2010 годы. http://spbtolerance.ru/wp-content/uploads/2010/06/программа.doc
7. Общественная компания «Толерантность» http://www.tolerance.hrworld.ru/index.html
8. http://globaltolerance.com/who-we-are/
9. http://www.tole-rants.com/

10. Дипломатический стол ради диалога и толерантности. http://www.rhodosyouthforum.org
11. Серия кулинарных брошюр «50 рецептов плова», «50 рецептов оригинальных салатов», «50 рецептов грузинской кухни», «50 рецептов пиццы» и др. – сост. Е.С.Рзаева. – Москва: Санкт-Петербург: «Полигон», «АСТ», 2005.
12. Mahbub ul Haq. Human Development in a Changing World, www.hdr.org.
13. Human Development Report, 1990.
14. http://www.hdr.undp.org

Статья представлена в редакцию
30 августа 2010 года

Рецензент – **Валентина ТЕОСА**, доктор хабилитат политических наук, профессор

COMPARTIMENTUL
DIASPORA ŞTIINŢIFICĂ MOLDOVENEASCĂ

MULTILATERAL DIPLOMACY OF THE SLOVAK REPUBLIC IN 2001-2008: INSTITUTIONS, LEGISLATION AND ACTIONS

Svetlana PINZARI,
Republic of Slovakia, Banska Bystrica, Matej Bel University, Faculty of Political Science and International Relations, International Relations and Diplomacy Department,
PhD student

The author explains the phenomenon of multilateral diplomacy and introduces into the academic language the term "multilateral diplomacy of a state". A special attention is paid to the multilateral diplomacy of the Slovak Republic in years 2001-2008. The mechanism of the Slovak multilateral diplomacy is described, the structures and institutions involved in multilateral diplomacy are presented, national and international legislation as well actions of the Slovak Republic in international organizations are considered.

Introduction

Multilateral diplomacy is the most used concept dealing with the modern practice of international organizations and international conferences, which are functioning on the base of the multilateralism principle. Multlateralism today represents a key instrument of contemporary statecraft for dealing with the consequences of both integration and fragmentation. Multilateral diplomacy understood as the conduct of international activities by three or more states in accordance with shared general rules with the purpose to solve one or another international problem, is one of the concepts used in diplomatic theory and practice.

We will analyse multilateral diplomacy as an instrument of foreign policy, presenting some theoretical aspects on multilateral diplomacy of a state and its mechanism. We will pay a special attention to the mechanism of multilateral diplomacy of the Slovak Republic in 2001-2008, pointing out the main institutions and actors of that kind of activity, analysing some legislation and giving examples of the Slovak multilateral diplomacy.

Theoretical aspects of multilateral diplomacy analysis

In classic diplomatic theory the concept of "multilateral diplomacy" means cooperation by three or more state. The choice of partners depends on the fore-

ign policy of each of the states and does not entail maintaining relations with all of them [15, 31]. According to the opinion of many researchers, multilateral diplomacy represents joint activity of three and more states within international conferences and organizations with the goal to solve one or another problem of general interest. In the "Dictionary of Diplomacy" (2001), published by the well-known scientists in the field of diplomacy G.Berridge and A.James, the following definition of the term is contained: "Multilateral diplomacy is a diplomacy conducted by three and more states via conferences; it is a special kind of diplomacy which is distinct from bilateral one conducted on the basis of interstate contacts" [3, 160].

American professor Scott in his article «The Evolution of Conference Diplomacy» defines multilateral diplomacy like any decision or joint action, carried out by a number of the sovereign states, with the purpose to maintain the safety or the collective prosperity. In his mind, for multilateral diplomacy are absolutely necessary both: full independence of the states and pluralism of opinions [35, 17].

In spite of the fact that the phenomenon of multilateral diplomacy exists for a long time, its theoretical analysis has begun much more lately. This fact has been caused by both expansion of multilateral diplomatic practice and by the development of various forms of multilateral diplomacy, including organizations of the United Nations system and regional organizations.

Explaining the necessity to differentiate the traditional and new diplomacy, M.Hardy in his work "The Modern Diplomatic Law" wrote that while in the past diplomacy mainly concerned the relations between the separate states, with development of the international organizations new diplomacy became multilateral by the form and collective by the aspirations. M.Hardy argued that such kind of diplomacy was based in a greater degree on a number of agreements which gave to the international organization as that, certain and independent status. At the same time it did not mean, in his opinion, that traditional diplomacy has disappeared. Moreover the bilateral diplomacy became only a part of the whole and its role would be deformed, if we did not take into consideration the whole system of diplomacy [36].

In the following paragraphs we will speak mostly about multilateral diplomacy of the state. Multilateral diplomacy of a state is defined as "a diplomatic activity of one state within a number international multilateral conferences, meetings and international organizations"[36].

The whole mechanism of multilateral diplomacy of a state could be composed of three main elements of analysis: 1) state institutions and other actors participating and influencing multilateral activity of the state; 2) international and national legislation and documentary base (strategies, concepts, policy paper

orientations etc.) for such kind of activity; 3) possible actions and activities of the state in the sphere of multilateral diplomacy.

Multilateral diplomacy of the state, being a significant part of its foreign policy, implies the involvement of a number of *national actors (institutions)* in the defining, coordination and realization of such kind of the policy. State institutions of foreign relations could be classified in two main categories: internal and external organs. To internal bodies, which act in the multilateral diplomacy contexts, we can attribute the following: the head of state, the legislative power (parliament) and executive branch (government and its head, ministry of foreign affairs and its head). To the external organs of the state are referred: diplomatic and consular missions, the permanent missions of the state to international organizations, special missions and delegations of the states to both international conferences and organizations. In the case of multilateral diplomacy the main external bodies are: permanent missions to the international organizations, delegations to different multilateral events as well diplomatic missions in the case when these missions represent the state at an international organization or conference.

The second element of this mechanism – *the documentary (legislative) base of multilateral diplomacy of the state* - can be conditionally divided in two main groups: international legislation and national laws and rules. International legislation is represented by different kinds of documents. The main type of international documents are international treaties (Constitutional acts of international organizations of the universal and regional characters; different conventions regulating both relations between states and international organizations and relations among states in different domains, regional treaties and conventions of multilateral character; rules of procedure of different international organizations` organs and institutions etc.). Resolutions and recommendations of international organizations` organs represent another type of international documents dealing with multilateral diplomacy.

As regard to the national documents, it is worth mentioning the following: Constitution (which is the main law of the country); Foreign Policy Orientation Documents (they could be entitled in different ways, e.g. “Slovak Foreign Policy Orientation” or “Concept of the Foreign Policy of the Republic of Moldova”); Law on Public and Diplomatic Service; Rules of Functioning of Diplomatic Missions; internal regulations of the public organs and institutions involved in multilateral diplomacy; annual state budget (where the figures on diplomatic service budget as well membership fees to international organizations are stipulated) and some other.

The third element of the state’s multilateral diplomacy mechanism is – *the possible actions and activities of the state* in the multilateral context. To such kind of actions and activities we refer: 1) establishment by the state of the first

contacts with international organizations (if the state wishes to enter this organizations); 2) signing the Constitutional Acts of the international organizations; 3) participation in multilateral negotiations and signing, approving and ratifycations or denouncement of international treaties of multilateral character; 4) participation in the work of different international organizations bodies and structures; 5) making statements, declarations and proposals within international conferences and organizations; 6) sponsoring and participation in the international organizations operations and actions; 7) organizing of visits between the states officials and the representatives of international organizations; 8) establishment of permanent missions and delegations to international organizations, conferences and their bodies; 9) written communication between the state institutions and the bodies of the international conference and organizations and some other actions.

Multilateral diplomacy of the Slovak Republic in years 2001-2008

The new impact to the all-round development of the Slovak Republic has been given by the national and international events and transformations in 1990-s. The political analysts mention among those considerable events change of the international situation, end of the Cold War, dissolution of the Soviet Union, the unification of two German states, dissolution of the Czechoslovak Federation Republic as well political changes in the Eastern Europe and the democratization process in the former socialist world.

In these circumstances the whole politics of the Slovak Republic has been changed. Political, economic, social and other transformations took place. As regard foreign policy of Slovakia, it has changed enormously, too. Slovakia has developed its strong cooperation with the West; has signed a great number of cooperation agreements with different partners; has established so called "new relations" with the partners from Eastern and Central Europe; has increased its presence in different regional and universal international structures and institutions.

Multilateral diplomacy of the Slovak Republic is a significant part of the Slovak foreign policy. As Jan Kubis, the Minister of Foreign Affairs of the Slovak Republic mentioned in the Annual Report 2007: "The main features of Slovak foreign policy can be found in its continuity, transparency and, the stability of its fundamental basic and strategic direction. Slovak foreign policy clearly defined its objectives after the establishment of the Slovak Republic in 1993: the integration of the country into the European and Euro-Atlantic structures and the active participation of Slovakia in significant world economic institutions" [2, 5].

As it is proclaimed in the Slovak Republic Government's Manifesto in 2006, the foreign policy is based on the Slovak national interests and so has to

"safeguard the necessary international conditions for strengthening of security, economic prosperity of the State and the improvement of the standard of living of Slovak citizens" [33, 56]. The Government considers that these objectives could be achieved within international organizations through the active participation of Slovakia in the whole system. Within the priorities of international cooperation the Slovak Government has established the "further deepening of the European process of integration and consolidation of the EU with the objective to strengthen the democratic, secure, economically dynamic and prosperous, and featuring social stability and solidarity within an educated and cultural Europe" [33, 56-57].

Another priority in the Slovak foreign policy is the strengthening of transatlantic links and partnership between the members of the NATO and the further development of its relations with the USA. The third priority dealing with international multilateral cooperation of the Slovak Government is the development of relations at the regional level, first within the Visegrad Group, by focusing on implementation of regional projects in the field of infrastructure, energy, environment and culture [33, 58].

Today Slovakia participates in a plenty of international organizations, proposing different projects and initiatives, sponsoring development assistance etc. Slovakia is an active member of international community, try to pursue its own political and economic goals, assuring its national interests and the interests of its own citizens. Slovakia is a full-pledged member of the United Nations, European Union, NATO, OSCE, OECD and other regional and sub-regional structures (the Visegrad Four, Central European Initiative, Regional Partnership).

The main state institutions which participate or/and influence the decision-making process on multilateral activities in Slovakia are: the President of the Republic of Slovakia, the Government of the Slovak Republic and its Head – the Prime Minister, the National Council of the Slovak Republic and its Head as well some parliamentary committees involved in multilateral cooperation, the Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic and the Minister of Foreign Affairs, diplomatic and permanent missions, delegations of Slovakia to international conferences and organizations.

The President of the Slovak Republic is the representative of the Slovak executive branch and the head of the state. He represents the Slovak Republic in external and internal relations. The President's main duties in the sphere of foreign affairs are described in the Article 102 of the Slovak Constitution of 1992: "President: a) shall represent the Slovak Republic in international relations, negotiate and ratify international agreements; he can delegate the power to the Government or, with the consent of the Government, to individual members of the Government to negotiate those international agreements for which no consent by the National Council of the Slovak Republic is required; b) shall receive and

accredit ambassadors… e) shall sign laws … k) shall declare, by the recommendation of the Government of the Slovak Republic, a state of war, and declare war by a resolution of the National Council of the Slovak Republic in the event of aggression by parties hostile to the Slovak Republic or in the event that obligations under international agreements requiring the joint defense against aggression must be fulfilled … o) shall inform the National Council of the Slovak Republic of the state of the Slovak Republic and of major political issues, and submit proposals and other measures" [32].

The National Council of the Slovak Republic is the sole legislative body of the Slovak Republic, which consists of 150 members elected for a four-year period. The main function of the Slovak Legislative power is to adopt laws, including those which regulate the functioning of state's bodies, special spheres and domain of public life, financial and budget issues. As regard to international legislation and treaties, the National Council "give consent, prior to ratification, on international political treaties, international economic agreements in general and any international agreements provided the execution thereof shall require legislation" [32]. The Slovak Parliament also shall "debate on basic issues relating to domestic, international, economic, social and other policies" and "declare war in the event of an act of aggression by parties hostile to the Slovak Republic or in the event that obligations under international joint defense treaties must be fulfilled, and give consent for a contingent of troops to be sent outside the Slovak Republic" [32].

Another possibility for the Slovak Parliament to take part in fulfillment of multilateral diplomacy actions is the parliament diplomacy within different international organizations which have the parliamentary assemblies (e.g., the Organization for Security and Cooperation in Europe, the European Union or the Council of Europe). At these events members of the National Council of the Slovak Republic may express opinions on different international issues, propose plans of actions, vote resolutions and make declarations.

The next constitutional organ which takes part in the multilateral diplomacy, is the ***Slovak Government*** headed by the ***Prime Minister***. The Slovak Government represents "the supreme executive body" [32] and in accordance with the Article 119 of the Slovak Constitution of 1992, "shall decide collectively on: a) bills; b) regulations passed by the Government; c) its policy and implementation … f) international treaties entered into by the Slovak Republic; g) crucial issues in domestic and international affairs; h) the introduction of bills to the National Council of the Slovak Republic and initiation of public discussion on other major measures" [32].

The Slovak Government is composed of the Prime Minister, Deputy Prime Ministers and Ministers; members of the Government are not allowed by the Constitution to hold legislative or judicial office as well to hold other paid posi-

tion in a profession, business or on the executive board of a corporation (Art. 109).

One of the Members of the Slovak Government is the Minister of Foreign Affairs, considered to be one of the main officials responsible for the state's foreign policy. His position and duties generally are described in the national acts. Like the President and the Prime Minister of the Slovak Republic, the Minister of Foreign Affairs may make declarations and statements on the foreign policy issues, sign agreements and treaties as well represent the country in foreign relations.

The Minister of Foreign Affairs conducts the whole activity of the Slovak MFA, aimed at maintenance of official relations of the Slovak Republic with other states and international organizations, at representation and protection of interests of the state and Slovak citizens and legal persons abroad, at cooperation with Slovaks living abroad and promotion of the Slovak Republic abroad.

As presented in an official statement placed at the official web-page of the Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic, this body "forms a part of the executive power in the Slovak Republic. It is responsible for the development of relations with other states and co-operation with multi-national and international organizations, in particular in the area of foreign and security policy, bilateral relations, economic co-operation, culture, science, technology, and education". Further it is described the role of the MFA: "The Ministry co-ordinates activities of state authorities oriented on the Slovak Republic's integration into the European Union and the North-Atlantic Alliance. It is responsible for conducting the foreign policy itself and the fulfillment of the Government's Policy Statement in the field of foreign policy, the priorities of which include Slovakia integration into the OECD, NATO and the EU, development of relations with neighboring countries and regional co-operation… In recent years, the Ministry also operates in areas such as conflict prevention and peacekeeping in crisis regions. Not least, the Ministry looks after the observance of the rights of Slovak citizens abroad and presents and spreads information about Slovakia abroad".

Within strategic priorities of the Slovak foreign service are the following: 1) Slovakia in a safe and democratic world; 2) Prospering Slovakia and sustainable development; 3) Slovakia's interests in an effective EU; 4) Service to citizens and Slovakia opened up to the world; 5) Modern Slovak diplomacy [1].

The Minister of Foreign Affairs of the Slovak Republic as a member of the Government is responsible for foreign affairs administration and is the head of the Slovak diplomatic service. The Minister establishes foreign missions, including permanent representations to international organizations, coordinates activities of other state institutions and bodies acting in the field of international relations with foreign partners.

The Minister of Foreign Affairs in his work is assisted by the State Secretaries and the General Secretary. Regarding ministerial departments involving in the preparing and doing multilateral diplomacy, we can mention the following Directorates General (DG) and Departments: 1) Directorate General for European Affairs within which functions Department for General Affairs and Relations with EU Institutions; 2) Directorate General for Economic Cooperation and ODA within which functions the International Economic Organizations Department; 3) Directorate General for Global Challenges, Human Rights, UN and International Organizations under which are Departments as follow: UNO and UN Agencies Department, Arms Control, Disarmament and Global Challenges Department and Human Rights, CE, OSCE and Minorities Department; 4) Directorate General for Legal Affairs with the International Law Department and EU Law Department; 5) Directorate General for Political Affairs with Foreign and Security Policy Department and Security Policy Department; 6) International Organizations Candidatures Management Unit working under the supervision of the Secretary General.

The foreign service of Slovakia is represented also by external bodies – diplomatic missions and permanent missions to international organization. The permanent missions of the Slovak Republic represent the state organs of foreign relations which are created by the state and are accredited at one or another international organization, in order to represent Slovakia in its relations with the organization and other states – members of the respective organization.

These permanent representations have to: 1) ensure the representation of the Slovak Republic to the Organization; 2) to maintain liaison between Slovakia and the Organization; 3) to negotiate with and within the Organization; 4) to ascertain activities in the Organization and to report thereon to the Government of the Slovak Republic; 5) to ensure the participations of Slovakia in the activities of the Organization; 6) to protect the interests of Slovakia in relation to the Organization; 7) to promote the realizations of the purposes and principles of the Organization by cooperation with and within the Organization.

The Slovak Republic has established a number of such permanent missions: the Permanent Representation of the Slovak Republic to the Organization of United Nations; the Permanent Representation of the Slovak Republic to the UN Office in Geneva; the Permanent Representation of the Slovak Republic to the UN Office and other organizations in Vienna; the Permanent Delegation of the Slovak Republic to the European Union in Brussels; the Permanent Delegation of the Slovak Republic to the North Atlantic Treaty Organization in Brussels; the Permanent Delegation of the Slovak Republic to the Organization for Economic Cooperation and Development in Paris; the Permanent Representation of the Slovak Republic to the Council of Europe in Strasbourg.

One of the main features of the Slovak political system is the fact that "the foreign policy of the SR is no longer an agenda of the MFA alone. The President of the SR, the National Council of the SR and the Prime Minister of the SR play a determining role" [2, 5]. Jan Kubis pointed out in 2007, that it was necessary to increase participation of other departments and governing bodies of the state administration as well to involve the private sector, regional and local municipalities, non-governmental sector in the successful foreign policy activities [2, 5].

As regard non-state actors which influence the multilateral diplomacy of the Slovak Republic, we could mention non-governmental and think-tank organizations. Non-governmental organizations play a considerable role in the Slovak multilateral diplomacy, especially within the Official Development Assistance [12; 13; 14; 34].

As example of prominent think tank could serve the Slovak Foreign Policy Association (SFPA), which "was founded in August 1993 as an open discussion forum on international affairs and the Slovak foreign policy without links to any party or movement" [23]. The SFPA is a voluntary association of individuals and bodies corporate with interest in the area of foreign policy. Its main goal is to stimulate free exchange of opinions and ideas on the scope of foreign policy. The SFPA spreads unbiased information about international relations through its programs based on primary sources [23].

Academia also may be considered as an essential factor which influence the multilateral diplomacy of Slovakia. The researches and expertise done by the academia representatives could help and stimulate the elaboration and the fulfillment of the foreign policy in general and multilateral diplomacy in part.

The multilateral diplomacy of Slovakia is executed on the basis of a number of legislative acts of international and national character. These documents determine the structure of participating organs, its functions and activity; the order of fulfillment of the Slovak obligations in international organizations; rules and principles of multilateral activity in general; principles and basis of the state's foreign policy etc.

International legislation to which Slovakia has joined may be conditionally divided in some groups:

1) international conventions which regulate diplomatic sphere of multilateral character (Vienna Convention on Representation of States in their Relations with International Organizations of a Universal Character, 1975; Vienna Convention on Diplomatic Relations, 1961; Convention on the Privileges and Immunities of the United Nations, 1946);

2) international treaties and statutes which establish the existence of international organizations and institutions (the Charter of the United Nations, 1945; Statute of the International Court of Justice, 1945; Statute of the Administrative

Tribunal of the International Labor Organization);

3) international multilateral conventions and technical regulations concluded within international organizations which administrate specific spheres of activity – economy, navigation, communication etc. (e.g. Council of Europe Convention of 2005 on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds of Crime and on the Financing of Terrorism; UN Convention against Corruption of 2003; the Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions (UNESCO) of 2005; Framework Convention on Tobacco Control of 2003 etc.);

4) resolutions and recommendations (especially if those manage and have an impact on multilateral diplomacy of the state).

Regarding the national legislation of the Slovak Republic, first of all it is worth mentioning the Constitution of 1992 which is the main law of the state and represents the superior power in comparisons with other national acts and regulations. Another group of documents which are the basis for the multilateral diplomacy conduct is dealing with the special program document, strategies such as “A Successful Slovakia in a Safe World. Strategy of the Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic”; “Medium-Term Foreign Policy Strategy of the Slovak Republic until 2015”; “The Manifesto of the Government of the Slovak Republic” adopted in 2006; “Medium-Term Strategy for Official Development Assistance: 2003-2008” adopted in 2003; “Slovakia’s Foreign Policy Orientation” and some other. In this kind of documents the general principles and directions of Slovak foreign policy are stipulated.

The functioning of the Slovak Foreign Service is managed by a number of internal acts such as Organizational Rules of the Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic (July 2008) and the Statute of the Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic (March 1998).

One more group of documents which are important in functioning and analysis of multilateral diplomacy of Slovakia is dealing with official statements and declarations done by the high official persons of the Slovak Republic within the multilateral diplomacy contexts – by the President, the Prime-Minister, Minister of Foreign Affairs and others.

As about concrete actions of the Slovak Republic in the field of multilateral diplomacy, we would like to point out that after 1999 the activism has been increased. To our mind, this fact took place due to the internal political changes in Slovakia.

The United Nations as a leading organization holds a special attention of the Slovak Republic. The diplomacy of the country became more evident within the UN once it started the preparation for the candidacy to the non-permanent seat on the UN Security Council for 2006-2007. Having the previous experience in the security and peace maintenance, Slovakia in November 2004 was approved

by the East European Regional Group in the UN as its official candidate for the seat of non-permanent member and till 2005 Slovakia conducted intensive competing campaign.

As points out D.Dacho, the co-worker of the Slovak MFA, "Slovakia is presented as a country with the potential to contribute to world peace and security and with an interest in contributing to a more effective functioning of the Council. We can enrich discussions in the UN SC with our precious experiences from the transformation processes, democratic institution building and strengthening the stability in the region of Central Europe through the development of good neighborly relations and regional cooperation. Our unique features include our mature and active Third Sector" [8, 95].

On 10th of October 2005 the Slovak Republic was elected as a non-permanent member of the UN SC by 185 votes out of the total of 191 UN member countries. During 2006-2007, the Slovak Republic has had "an unique opportunity to show … {it} is a responsible member of the international community capable of contributing to the resolution of both global and regional issues" [6, 27].

Summing up the result of the Slovak membership in the UN SC, it is worth mentioning that the SR proposed a number of initiatives. Within the Working Group on Documentation and Other Procedural Questions as well the UN SC Committee on Mandate Review, Slovakia alongside with some other members "contributed to a significant increase in the activity of the discussion on the reform and efficacy of the UN SC working methods" [6,32]. Slovakia also contributed to the discussion on new threats, e.g. the topic dominated in the speech of President Gasparovic in 2007 was dealing with the issues in Africa or the initiation of the debate on the Security Sector Reform in post-conflict situations in the SC and later the introduction of this topic to the general Assembly. Another issue which Slovakia did during its membership in the SC, is – linking the activities of the specialized international organizations, on the one hand, and the regional, national and non-governmental organization, on the other – for the support of 1540 Resolution implementation [6, 33].

One other important element in multilateral diplomacy of the Slovak Republic was its UN SC Presidency (February 2007), which is considered "the most demanding and the most significant positions in multilateral diplomacy" by diplomats. Peter Burian wrote in his article: "Under our leadership, the UN SC passed 4 resolutions, 2 presidential statements, 8 statements for the press, 3 very important open debates took place (on the Middle East and our two themes), 1 public meeting of the Security Council on Timor-Leste, 8 closed-door consultations, 4 votes on drafts of resolutions, 2 working lunches, and 1 dinner of the UN SC members with UN SG Ban Ki-moon" [6, 36]. After this experience Slovakia continues to be interested in many issues of the UN. Let's put some other successes of the SR in the UN: election to the position of the Vice-Presi-

dent of the Executive Board of the UNDP, election of the Slovakia to the UN Human Rights Council.

Year 2004 was an crucial year in the Slovak foreign policy. Slovakia gained two historical goals – joined the NATO and the European Union. Eduard Kukan at the sixth Evaluation Conference of the Foreign Policy of the Slovakia mentioned: "Slovakia`s position as a fully integrated European country was stabilized. These to steps {gaining the membership in NATO and EU} embody the political responsibility and high responsiveness to the civic society of the state… Membership in the EU was perceived and anticipated as our return to Europe" [17, 87]. About activity of the Slovakia within NATO and EU there are many publications [4; 16; 20; 24; 31].

Slovakia is also the member of the Organizations for Economic Cooperation and Development. In September 2000 the accession process to OECD came to a de facto conclusion [5] and Slovakia signed the Agreement with this organization, thus becoming the thirtieth full-pledged member. The Slovak Republic became a partner of the most economically developed countries of the world. In this organization Slovakia has sought to use the possibilities of the forum to get and exchange experiences in the maximum possible way. It is interested in support of its own economic reforms (e.g. tax policy, health care, education), in active participation of the OECD reform (especially in changing the decision-making mechanism of the organization), in further cooperation with non-member countries and in the enlargement of the OECD.

The Slovak Republic is active in sub-regional cooperation, especially in Central Europe. Within regional grouping and structures, in which it takes part, the most significant are Visegrad Four, Central European Initiative and Regional Partnership [21; 28; 29; 30].

Conclusion

Multilateral diplomacy as a social and political phenomenon may be considered and analyzed in two aspects: multilateral diplomacy as activity of three and more states within multilateral institutions with the goal to solve a common problem and multilateral diplomacy of the state defined as "the efforts and actions of one state to protect its interests within the plenty of international organizations, conferences and multilateral meetings". The mechanism of multilateral diplomacy of the state could presented by three main elements: state institutions and other actors within the state which play some kind of roles in the fulfillment of multilateral diplomacy actions; international and national legislation; as well possible actions and activities of the state in a plenty of international conferences, meetings and organizations.

Slovak multilateral diplomacy is fulfilled by a number of state and non-state actors. Accordingly to the Constitutions of 1992 which is the main document of

the Slovak Republic, there are three bodies which cooperatively participate in defining and realization of the foreign policy – the President, the Government and the National Council of the Slovak Republic.

Slovakia participates in a number of international organizations both of universal and regional character. As truly wrote the above-mentioned D.Dacho "the Slovak Republic shows that it is fully informed about the seriousness of the magnitude of the challenges the international community faces in the 21st century. As a small country, Slovakia is aware of the fact that the only way to solve global tasks is through effective multilateralism realized via international organizations" [8, 98].

Bibliography:

1. A Successful Slovakia in a Safe World. Strategy of the Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic. // The official web-page of the Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic: http://www.mzv.sk [Accessed on 21st of March 2009]
2. Annual Report. Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic. Foreign Policy in 2007. - Bratislava, 2008.
3. Berridge G.R., Alan J. A Dictionary of Diplomacy. – Hampshire and New York, 2001.
4. Bilcik V. Slovak Priorities in the European Union. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2007. - Bratislava, 2008.
5. Bruncko M. Political and technical conditionality in Slovakia`s accession into the OECD. // Slovak Foreign Policy Affairs. Fall, 2000, Vol.I, No.II.
6. Burian P. The Slovak Republic's Performance in the UN Security Council (2006-2007). // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2007. - Bratislava, 2008.
7. Buzek R. International Organizations and Slovakia. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2000. - Bratislava, 2001.
8. Dacho D. The Slovak Republic and International Organizations. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2004. - Bratislava, 2005.
9. Duleba A. Relations with the Eastern Neighbours in 2007. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2007. - Bratislava, 2008.
10. Gabelova B. Europe Old and New: Neighbors, Friends and Allies. // Slovak Foreign Policy Affairs, Vol.V, No.1 (Spring 2004).
11. Hamberger J. The main attributes of the independent Czech and independent Slovak foreign policy. // Foreign Policy Review, 2002, No.1.
12. Havelkova E., Benakova N. Slovakia`s Official Development Assistance in 2007. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2007. – Bratislava, 2008.
13. Hulenyi P. Assistance under the Brand Slovak Aid. // Yearbook of Foreign

Policy of the Slovak Republic. 2005. - Bratislava, 2006.
14. Hulenyi P. Slovak Development Assistance in 2004 – from Development Policy to Projects. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2004. - Bratislava, 2005.
15. Jasinski F., Kacperczyk K. Multilateralism in EU-UN Relations. // The Polish Quarterly of International Affaires, 2005, nr.2.
16. Korba M. NATO and Slovakia. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2006. - Bratislava, 2007.
17. Kukan E. Contribution read n April 28th 2005 at the 6. Evaluation Conference of Foreign Policy of the SR under the title "Foreign Policy of the Slovak Republic after the EU and NATO Accession" organized by the Research Centre of the Slovak Foreign Policy Association. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2004. - Bratislava, 2005.
18. Lizak P. Slovakia Shares OSCE Values Strengthening Democracy and Security. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2005. – Bratislava, 2006.
19. Lorincz J. Assisting the Painful Process of Coming to terms with the Past. // International Issues and Slovak Foreign Policy Affairs. Vol.XVII, 2008, No.3.
20. Marton I. The EU Constitution: Discussion in the Slovak Republic. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2004. - Bratislava, 2005.
21. Marusiak J. Slovak Presidency – Second Breath of Visegrad? // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2006. - Bratislava, 2007.
22. Meseznikov G. Domestic Development as a Prerequisite of Successful Integration. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2002. – Bratislava, 2003.
23. Official web-page of the Slovak Foreign Policy Association. // Internet: http://www.sfpa.sk/en/onas/SFPA/poslanie/
24. Pridham G. Slovakia`s Relations with the European Union 1998-2002: Political Conditionality, its Effects and its Limitations. // Slovak Foreign Policy Affaires. Fall, 2002, Vol.III, No.II.
25. Samson I. Preparation of the Slovak Republic for Non-Permanent Membership in the UN Security Council. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2005. - Bratislava, 2006.
26. Samson I. The Performance of the SR in the UN Security Council. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2006. - Bratislava, 2007.
27. Soth J. The External Energy Security of Slovakia – Reflection in the Activities of the MFA SR. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2007. - Bratislava, 2008.
28. Strazay T. How Much Further in Central Europe? Slovakia and the Prospects of Regional Cooperation. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak

Republic. 2004. - Bratislava, 2005.
29. Strazay T. Regional Initiatives in Central Europe in 2005 – from Topical Specialization to Complementarity of Approaches. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2005. - Bratislava, 2006.
30. Strazay T. Visegrad Four in 2007: Revitalization after the Post-Enlargement Fatigue. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2007. – Bratislava, 2008.
31. Tarasovic V. The Development of NATO and the EU Security Policy in 2005 in the Context of the Security and Defence Policy of the Slovak Republic. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2005. – Bratislava, 2006.
32. The Constitution of the Slovak Republic from September 3, 1992 (including the Amendments from July 14th, 1998 and January 14th, 1999). // The official web-page of the Slovak Government: http://www-8.vlada.gov.sk/index.php?ID=1376 [accessed on 21st of March 2009].
33. The Manifesto of the Government of the Slovak Republic. August 2006. // Internet: http://www-8.vlada.gov.sk/data/files/1902.pdf [Accessed on 1st of March 2009]
34. Vajdova K. Activities of Slovak Non-governmental Organizations and Development Assistance. // Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic. 2004. - Bratislava, 2005.
35. Исраэлян В.Л. Дипломаты лицом к лицу. – Москва, 1990.
36. Пынзарь С.Н. Многосторонняя дипломатия вчера и сегодня: теоретические подходы. // Anuar ştiinţific al IRIM. Vol.IV. - Chişinău, 2006.

Prezentat la redactie
la 1 octombrie 2010.

VALUE-BASED LEADERSHIP: THEORETICAL APPROACH

Alexandra TARASENCO
Canada, Montreal,
Independent Researcher, Master in Leadership and Management in International Context

The present article is a study of concepts and notions underlying the phenomena of value-based leadership as well as of particularities and challenges of it in transition societies.

The necessity of this study was dictated by global trends of movement towards flatter organizations, with less hierarchy, built on trust and commitment rather than on control and compliance; the growing importance of the knowledge heavy sector and therefore of the human factor; the increasing awareness of stakeholders demand special attention towards the issues of values and morality.

The study tries to look first at the leadership paradigms that are more value-friendly as it is said that initially leadership paradigms have specific values ingrained into them. These are determined to be the transformational and dispersed leadership paradigms, the one gradually evolving into the other.

As reality is complex and full of contradictions it is hard to make choices having as a reference point purely values. Integrity thus is treated as a central virtue that helps people and organizations align their behavior to certain values and principles. The present study tackles issues of personal and organizational integrity as basis of personal and organizational value-based leadership respectively.

Evolution of leadership theories

As the purpose in this study has been to look for the value-based leadership sprouts in the transition societies particularly, I have tried to identify which would be the most ‘value-friendly’ leadership paradigms.

Leadership definitions are indeed almost as many as there are persons who have attempted to define the concept. “Leadership has been conceived as the focus of group processes, as a matter of personality, as a matter of inducing compliance, as the exercise of influence, as particular behaviors, as a form of persuasion, as a power relation, as an instrument to achieve goals, as an effect of interaction, as a differentiated role, as initiation of structure, and as many combinations of these definitions” [24, 38]. There is still sufficient similarity among those definitions that allowed scholars to classify them in categories of trait, style, contingency, New Leadership and Super Leadership or dispersed leadership approach.

The definitions provided by Bass, Roach & Behling deserve a special attention in our study. While Bass brings up the transformational leadership paradigm where the leader, with its distinct role, gets to influence and inspire the followers to go for the goals Roach & Behling expand the definition by viewing leadership as a social influence process shared among all members of a group. Therefore leadership is not restricted to the influence exerted by someone in a particular position or role and followers become part of the leadership process too (see Table 1).

The two definitions mentioned fall under the categories of Visionary Hero and SuperLeader in the Table 1 and relate to the New Leadership and Dispersed Leadership paradigms respectively. The table represents a simplified historical perspective on leadership approaches and displays the leader attributes in such a comparable way, that the concepts evolution can be easily seen.

The practical importance of the historical perspective presented above is to support the arguments for value-based leadership necessity, showing that premises have been built throughout history in an organic way. It is not someone's odd idea or a fashion that will fade away, but rather a perspective for future.

The need for 'value-friendly' leadership paradigms

Applied to transition societies particularly the need for the transformational and dispersed leadership paradigms on the one hand is justified by the extent to which values and principles are ingrained in them. Values are badly needed in emerging markets as "when nothing is stable – when they have no fixed points, dependable principles, or stable benchmarks – people tend to make up their own rules. They make sense of the ambiguity and chaos they experience by deciding for themselves what is real and what is appropriate" [22, 187]. On the other hand, the time imperatives demand the societies in transition to invite new leadership perspectives that cannot be perceived outside values. Among the most influential trends P.Pruzan mentions the following:

- ✓ Flatter, less hierarchical organizations. New forms of organization and communication characterize these flatter organizations. There is a greater use of self-organizing project-teams. Communication is far more dialogical than earlier, where it was dominated by top-down communication in form of orders to be carried out.
- ✓ New types of production and production processes. The major sources of both wealth and employment are now service industries and, in particular, so-called knowledge-heavy sectors, e.g. IT. Considerable evidence indicates that in this so-called 'knowledge society' younger people strongly emphasize their own personal development in their choice of workplace, while such matters as title, income and opportunities for leadership roles are of lesser importance.

✓ Demands from the rather new social creation, the 'stakeholder'. Stakeholders are those groups who affect and/or are affected by an organization's decisions. The organization is conceived of as an arena for interplay between its diverse stakeholders [26, 20].

To these trends it is important to add one more:

✓ The blurring out of country borders for economic and social exchange in a cosmopolitan world. Special attention deserves here the internationalization of business, which is believed to become, less accountable, "since it is spread across the world and no longer rooted in a single community and is held to be responsible to no single jurisdiction" [16, 9].

J.Lozano & R.Ribera give their own perspective on the need for a value-based leadership: "It is quite true that 'a more inclusive, holistic and peaceful approach to management is needed if business and political leaders are to uplift the environmentally degrading and socially disintegrating world of our age.' And we believe we should add at least a third reason. Our leaders, business and political, can also become personally 'debased' or 'atomized', and this makes them bad leaders. But, business and politics have become too crucial for the survival and proper functioning of life on this planet to be left in the hands of debased or atomized people. We need consistent people as leaders and spirituality has a potential role to play in constructing this consistency. We need a new business paradigm, but it can hardly be built without a new personal paradigm" [26, 183]

Transformational and dispersed leadership

For emergent economies values should first of all come through transformational leadership. Most adults are at the second level of cognitive moral development, meaning highly susceptible to external influences. They are looking up and looking around for guidance from the leader and their peers and they are likely to follow what they see around them [23, 93]. The role of the leader is of the major importance as he/she serves as an initial source of values for a follower living in a changing values society, being a live example. It is in transformational leadership paradigm that "leaders and led have a relationship not only of power but of mutual needs, aspirations and values. Moral leadership emerges from and always returns to, the fundamental wants and needs, aspirations and values of the followers" [24, 483]

In addition to factors exposed by Pruzan transition itself requires even more than transformational leadership. It requires followers taking leadership to adopt and stand for values, as the increase of moral sensitivity cannot take place when the person is in a passive role. The dispersed leadership (also empowered, shared, leaderful leadership) paradigm comes into picture here, whereby "leaders become 'super' by helping to unleash the abilities of the 'followers' (self-lea-

ders) that surround them" [24, 216-217]. The greatest challenge for the SuperLeader, lies therefore in shifting followers to self-leadership.

This can be accomplished though, only after the leader has himself mastered the art of self-leadership. The Sanskrit dictum says: 'svarat samrat bhavati.' It means that one who can rule or govern oneself can also lead others well. That is, the ideal or model leader exercises leadership on himself or herself first. Chakraborty explains this feature of SuperLeader as follows: "This entails bringing forth the hidden Spirit of the leader's personality. Then the leader becomes empowered to lead others. Such capability is more basic than the professional competence and skills. The latter are essential but secondary" [26, 39-40]. To which Palmer adds: "A leader is a person who has an unusual degree of power to create the conditions under which other people must live and move and have their being, conditions that can either be as heaven or as shadow as hell. A leader must take special responsibility for what's going on inside his or her own self, inside his or her consciousness, lest the act of leadership create more harm than good" [11, 10].

Together with dispersed leadership paradigm, a new concept – of the effective follower – emerged. It has been said that effective followers are just as important in empowered leadership as are effective leaders. The reasons for that have been given by J.Rost: "First, only people who are active in the leadership process are followers.

Second, active people can fall anywhere on a continuum of activity from highly active to minimally active.

Third, followers can become leaders and leaders can become followers in any one leadership relationship.

Fourth, in one group people can be leaders. In other group they can be followers.

Fifth, and most important, followers do not do followership, they do leadership. Both leaders and followers form one relationship that is leadership. In the new paradigm, followers and leaders do leadership. They are in a leadership relationship together. They are the ones who intend real changes that reflect their mutual purposes. Their active activities are two sides of the same coin, the composer and the musician making music. Followers and leaders develop a relationship wherein they influence one another as well as the organization and society, and that is leadership. They do not do the same thing in the relationship, but they are both essential to leadership" [24, 191-192].

Having said that, within the framework of time imperatives mentioned earlier, the most important qualities of effective followers prove to be their ability for self-management and self-organization, a strong sense of commitment to organization, purpose or principle and a continuous effort for ongoing development and education. More than that, as in the 'digital capitalism' era, in an in-

formation society, corporations and governments can no longer rely exclusively on formal, bureaucratic rules to organize their 'subjects', power became decentralized and devolved to self-organizing individuals over whom they have nominal authority. "A precondition for such self-organization is internalized rules and norms of behavior. These norms will play an increasingly important role in the twenty-first century" [12, 32]. This is to reaffirm once again the importance of values in the leadership paradigms of the future and to introduce the next subchapter of this study that will be particularly focused on values importance on both personal and organizational levels.

What is the relationship between values and the leadership style?

Having moved to the issue of values as foundation for value-based leadership paradigms it is important to mention that a common belief in leadership literature is that the leadership style leaders choose has implicit ethical values embedded in it as leadership approaches are not value neutral [18, 234]. Thus the leadership pattern adopted by leaders "reinforces their own moral development and influences the moral development and likely performance outcomes of their followers" [18, 234]. The relationship between the moral development stages and the leadership approach but also the performance outcome is presented in Table 2 (Annex, Table 2).

Looking at the table it is clear that as values and integrity flow from the top down in an organization if a stage 6 person is appointed to lead, his subordinates will increase their level of moral development or stay at the same and vice-versa [23, 100].

The classification of moral development stages has been adopted by Petrick and Quinn who has exposed a theory that through their life people go through different stages of moral development. The first step of the moral development journey is the pre-conventional level, where the moral behavior is based on the reward and punishment approach. This is the stage that can be easily recognized in children, who behave according to their parents' reaction on behavior. Conventional level is an intermediary one where the moral behavior of a person is highly susceptible to the external environment. It would be relevant here to bring the results of a study revealing "that most adult Americans are at the conventional level of cognitive moral development; they look up and around for ethical guidance" [18, 120]. It is likely to believe that these results apply not only to Americans but adults in general.

And the final level, which is the destination level for this study, as it is based on clear values and principles, is the post-conventional one. Regardless of circumstances and external conditions people at this level of cognitive moral development stick to certain values and principles. They possess what is called in-

tegrity – a quality that will be given special attention in the following subchapter of this study.

Looking at the cognitive moral development stages it is hard not to see the reflection of Maslow’s hierarchy of needs originating in physical and security needs (the pre-conventional level), gradually developing into social needs of recognition and acceptance (conventional level) to culminate with the highest needs of self-realization and self-development (post-conventional level). In Maslow’s theory it looks like the completion of a certain level of needs satisfaction automatically assures the movement to the following level of needs. Reality seems to be much more complex. Physical needs are crucial for our survival; therefore it is hard to ignore them as nature carefully provided us, humans with self-preserving instincts. The social and self-realization needs are ingrained in us to the same extent, but their presence is much more subtle, and a more conscious effort is needed to realize them. The higher up the pyramid, the greater is the self-effort. That is, in my opinion, the cause that makes values so difficult to penetrate into everyday life reality. It is especially true for transition societies where the question of pure survival and physical welfare is vital.

Despite the dispersed leadership paradigm that is making its way through the special place is still given to ‘the leader’ in the traditional sense of the word, as the one who promotes and facilitates the value-based climate in an organization. The leader is seen as the one who sets the standards, follows them and helps others align to these standards. As, “when senior management fails to decide what’s ethical, the employees create their own ethic in response to unspoken expectations. All constituents decide what is ethical in an open, democratic, and pluralistic society. This creates a situation which is confusing, conflicting, and constantly changing” [9, 92]

To summarize the main idea of this paragraph, it is about the relationship that exists between the adopted values, the leadership style within the organization and the leader’s personal values. On one hand leadership style reflects existing values, but on the other it has the ability to nurture or on the opposite to discourage the adoption of certain values and virtues.

The values we value

Showing the impact of values at organizational level is an ongoing study of the ‘100 best companies to work for’ in the USA. Fortune magazine assesses corporations based on five dimensions: “credibility / trustworthiness (truth, peace), respect (love), fairness (right-action, non-violation), meaning of work (right action), sense of family / community (love)” [26, 172]

Some may argue that values is a relative term and is therefore difficult to grasp. Well, they may evolve with the times, but every leader must have ‘core invariants’ – those ethics and values that have stood the test of time and are not

flexible. "Understanding these absolutes and contrasting them with those values that may be more flexible – is critical to maintaining a society that experiments and takes risks at the margin, while retaining its ethical base" [22, 78].

Having said that, it is important to set the organizational values and standards high enough, but it is even more important to have the follow through mechanisms that will help people genuinely adopt the organizational values, as to be effective in an organization, "a person's values must be compatible with the organization's values. Otherwise the person will not only be frustrated but will also not produce results" [26, 162].

As the discussion here has been about values, and namely about the ones that stood the time test it would be appropriate to take a closer look at them. Ethicist R.Kidder interviewed 24 'ethical thought leaders' to identify 8 core values that appear to be shared the world over:

1. *love*: spontaneous concern for others; compassion that transcends political and ethnic differences;
2. *truthfulness*: achieving goal through honest means; keeping promises;
3. *fairness*: fair play, equality;
4. *freedom*: the pursuit of liberty, right of free expression and action and accountability;
5. *unity*: seeking the common good; cooperation, community, solidarity;
6. *tolerance*: respect for others and their ideas; empathy; appreciation for variety;
7. *responsibility*: care for self, the seek, the needy, the community and future generations; responsible use of force;
8. *respect for life*: reluctance to kill through war and other means [11, 235].

It is said that altogether values can be reduced to four main principles that persist basically in all scriptures and spiritual writings: absolute honesty, purity, unselfishness and love. All others are viewed as derivatives of them. There are some who even believe that one, love, is enough being described as "compassion, deep reverence for life and empathy with all sentient beings" [26, 4].

It is indeed more about empathy and the ability to understand, to 'walk in the other's shoes' than sympathy – that can so easily become a superficial feeling. It is where the so-called Golden Rule: "Do unto others as you would have them do unto you", so much revered by many ethicists transforms into the so-called Platinum Rule which states: "Do unto others as they themselves would have done to them" [11, 234].

To follow this standard we need to replace sympathy with empathy. Feeling empathic means putting ourselves in the position of another individual and trying to understand what they are thinking and feeling. Sympathy originates from

our perspective, but empathy comes from what we imagine to be the perspective of the other person [11, 234].

Values referred to above were treated in the organizational setting, while nothing was mentioned about the personal values. It is self-explanatory when the work is about integrity, the latter being the consonance of both personal and organizational values.

Personal integrity

Within the framework of leadership theories talked about earlier it can be firmly stated now that transformational leadership or dispersed leadership can only be realized when the leader possesses integrity. It is indeed an interesting virtue worth being explored deeper. For societies in transition, I would say, it is vital, as individuals face moral dilemmas at every step they take. The dilemmas are usually so wicked that it is hard to say which of the choices is better. The classical ethical theories proved ineffective in these situations as they take into consideration a certain aspect of dilemma and not the whole.

Integrity has been stated to bring a solution to the dilemma question as it makes a balanced use of all ethical theories, taking into account the whole: the individual, the context and the past [27, 97].

In a survey professors Kouzes, Posner and Schmidt asked 1500 managers 'What values do you look for and admire in your supervisors?' Integrity (being truthful and trustworthy, and having character and conviction) was the most frequently mentioned characteristic [24, 138]. It is not surprising as in order to create the desired culture of commitment so much talked about nowadays in developed economies it is important to have trust in the leader, while "leaders can gain trust by being predictable, consistent, and persistent, and by making competent decisions" [24, 139]. The same refers to transition societies where trust allows people to find a fixed point in chaos: "Integrity simply means maintaining unfailing values and principles, following through, doing what you say, being consistent, reinforcing a fixed point. And the effects of integrity are obvious. Integrity allows people to trust in something, and to make sense of the situation even in ambiguous, turbulent, chaotic environments. Integrity makes management possible under conditions of change" [22, 187-188].

What is integrity? Integrity can be defined as "the individual and collective process of repeated alignment of moral awareness, judgment, character, and conduct that demonstrates balanced judgment and promotes sustained moral development". This is to say individuals with integrity:

- demonstrate balanced moral judgment in resolving issues;
- routinely align their psychological process of awareness, judgment, character, and conduct (they practice what they preach) in behaving responsibly;

- sustain their development of moral reasoning from narrow self-interest to universal principled regard for others [18, 61].

Stated in simpler terms, a person of integrity possessed the following qualities:

- It is an autonomous thinker; he or she has a stable set of values and norms – complete and consistent, and what he or she promotes is authentic: he or she stands and strives for something that is true to his or her ideals;
- A state of internal integration: the words and deeds of a person of integrity conform;
- A state of external integration: a person of integrity pays attention to social issues and is willing to account for himself or herself [12, 90].

Personal integrity is at the core of this work and the compulsory condition for organizational integrity. It is a complex notion, and as a virtue needs continuous insight and development. That is only when it becomes a solid base for the latter.

Organizational integrity

The idea of organizational integrity is closely connected to notions of personal integrity and leadership. First of all, it is because the leader would always serve as the orientation point for all others. One cannot expect employees to show integrity if their leader lacks it.

"It is important for managers to set a good example in creating an ethical climate. Good examples encourage people to join in; bad examples do not. Leadership involves expressing explicit support for the norms and values for which the organization stands. That means more than just complying or 'living' with them. Leaders need to motivate, encourage, and inspire their employees to act according to these values. In this sense, leadership goes beyond mere management. … It is the ability to help employees discover for themselves the meaning and content of integrity in a manner that corresponds with the corporate virtues, principles and objectives. Leadership also refers to the ability to inspire and secure employee commitment to act with integrity" [12, 267].

This is to say once again: leaders' consistent behavior and integrity build trust of employees; trust builds commitment to organization and its values; and, commitment ensures an ongoing effort for the goals of organization.

The other side of the organizational integrity coin is the demand from leaders to have employees of integrity. Here it would be relevant to state the words of two well-known leaders:

- Warren Buffet, CEO, Berkshire Hathaway: 'In looking for people to hire, you look for three qualities: integrity, intelligence and energy. And if they don't have the first, the other two will kill you. You think about it; it's true. If you hire somebody without the first, you really want them to be dumb and lazy… It

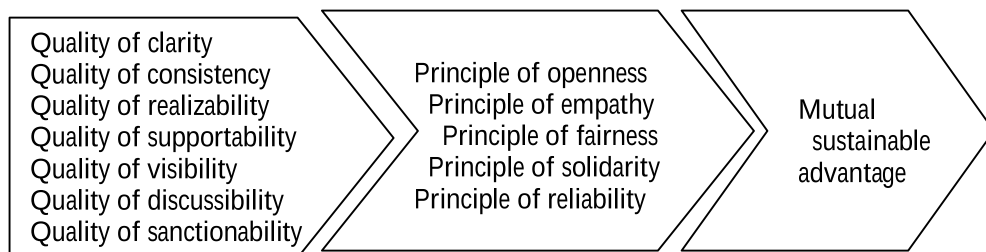
takes 20 years to build a reputation, and five minutes to ruin it. If you think about it, you'll do things differently.'

• Jack Welch, retired CEO, GE: "It's the first and most important of our values. Integrity means always abiding by the law, both the letter and the spirit. But it's not just about the laws; it is at the core of every relationship we have. Inside the company, integrity establishes the trust that is so critical to the human relationships that make our values work. With trust, employees can take risk and believe us when we say a 'miss' doesn't mean career damage. A period of transition is a period of change, and some of our values will be modified to adapt to what the future brings. One will not change: Our commitment to integrity, which is beyond doing everything right, means always doing the right thing" [22, 9].

For the organization taken as a whole integrity means "the extent to which it is equipped to realize mutual sustainable advantage through balancing conflicting values, norms and ideals".

This mutual sustainable advantage can be realized when certain qualities are inherent in the culture of organization. Qualities relate to the organizational context while principles embody the relationships and behavior of the organization. Both influence each other and are interrelated. The organizational qualities create the context within which the principles can be honored.

Figure. The Organizational Integrity Model [27, 258]

The pertinence of this paragraph for the study is that it proposes the solution for world's ambiguousness. Being as complex, it leaves almost no space for value-based leadership if we are to stick exclusively to absolutes and follow each letter of the law. It is practically impossible unless one sits on the top of the mountain in a deep meditation.

The virtue of integrity gives world a chance in the sense that it allows a balanced decision taking, especially for moral dilemmas situations. It is not about abiding the law and principles blindly, but staying true to oneself and taking responsibility for consequences.

Being categorized as personal and organizational, the personal integrity can be perceived beyond an organization, while organizational integrity should have the personal as its foundation.

Developing personal and organizational integrity

As main purpose of this article has been to grasp the seeds of value-based leadership in transition societies, the development dimension of integrity bears special importance where values are in crisis. This is not to say that better off societies have been excluded from this discussion, as "ethical development, like other aspects of leadership development, never ends. We never reach a point that we can say that we have reached the full ethical capacity; that we have 'arrived' as moral leaders. We can always develop further" [11, 41].

Developing personal integrity

How do we develop into human beings capable of moral action and of deciding between right and wrong? If we were to believe Freud's theory moral values are formed when child's personality is formed and therefore moral development is impossible. Then the task of a leader (presuming that he is a moral one) would only be to select the unworthy people among all and leave just the virtueous ones. I must confess this theory leaves no chance at all for transition societies and therefore this study. I was glad to read that the Freudian approach has been refuted and can be disregarded. Thus, even ancient philosophers stated the practical importance of their works: Socrates writes in the Republic that the purpose of his inquiry is to determine how one should live, and Aristotle asserts at the outset of his Nicomachean Ethics that the aim of an inquiry into ethics is not knowledge but action. Apart from that he notes that "virtues do not exist by nature. His key point is that they are not necessary human properties, since clearly we can also acquire vices. However, we are adapted by nature to receive them; in other words, the potential for virtue is a necessary property, and that potential is realized as a result of habituation or practice. He compares the acquisition of virtue to learning to be a builder or a musician" [16, 23].

Plato as well created the figure of the king-philosopher, combining power and wisdom, as the excellent leader. A physical, mental and spiritual training was needed (and provided in Plato's Academia) to reach the enlightenment and to become a good leader. The philosopher-king was the cornerstone of Plato's aristocratic philosophy of governance [26, 51].

I realize that most values and principles that will be important to us in life are found at an early stage in childhood and penetrate our being to the extent of being subconsciously followed. This supports the Freudian theory that our nature cannot be changed, on one hand. On the other hand, with proper effort and support we can reach the state of awareness that will affect those subconscious

levels. It is here where the challenged self-perception or increased self-awareness comes into picture as a key to developing personal integrity. Interesting to note that even Adam Smith, the parent of capitalism, in his Theory of Moral Sentiments, has been talking about self-regulation: "market forces must be corrected in two ways: through government intervention and self-regulation" [12, 28].

To support this affirmation above I would like to quote Zsolnai who once asked a psychologist friend what is the most effective way to change the ethicality of business leaders. The answer was "You should challenge their self-conceptions". "The self of decision-makers is important in determining the ethicality of their decisions. Decisions might be understood as self-expressions of the decision-makers. Spiritual experiences have a vital role in developing the self of managers and therefore in improving the ethicality of their decisions" [26, 3]

Here is where the notion of spirituality and spiritual experiences comes into picture. The importance of spirituality both in private life and at work has been at the center of discussion recently. As empirical evidence suggests, "spiritual experiences help the person transcend his or her own narrow self-conception and enable him or her to exercise genuine empathy with others and to take an all-compassing perspective" [26, 3]. Therefore I felt important to mention about it and that it deserves being tackled in a separate study, going beyond the scope of present research.

Coming back to the question of this paragraph how can we know that we are becoming a person able to manifest more integrity? Johnson suggests the following milestones:

"Greater self-awareness. Feedback and personal reflection (particularly on the inner dimension of leadership) will deepen your self understanding. You'll become more aware of your strengths, weaknesses, and motivations. You should develop a clearer grasp of your mission and your values.

- Greater self-confidence. Participants in leadership development programs often rate self-confidence as the most important outcome of their experiences. They become more self-assured as they master new, difficult situations and are more willing to take on greater leadership challenges. Expect the same benefit from mastering ethical dilemmas. As you resolve moral problems, you should gain the confidence you need to shoulder the heavier ethical burdens that come with greater responsibilities.

- Stronger character. Character consists of displaying admirable qualities in a variety of settings. You can mark your progress by noting if you consistently demonstrate positive traits no matter what context you find yourself in.

- Heightened ethical sensitivity. Expanding you ethical capacity will make you aware of a wider array of ethical problems. You'll become more sensitive to the presence of ethical dilemmas and issues.

- Sounder ethical reasoning. Rejecting faulty assumptions, building arguments, gathering information, and taking a systematic approach to problem solving are all part of reasoned ethical decision making. You should be able to offer a well-reasoned, thorough defense of the conclusions you reach.

- Greater resistance to outside pressures. Resisting group, organizational, and cultural pressures to set aside your personal convictions is an important sign of growth.

- Better follow-through. There is a gap between believing and doing. Holding the right values and making reasoned choices are not enough; you must follow through by implementing your choices. Acting on what you think and believe is a significant indication that you're making ethical progress.

- Healthier ethical climate. Progress comes from reshaping the ethical environment in addition to resisting external pressures. Expanding ethical capacity means working to change the climate of your small group, organization, and community" [11, 41-42].

As far as concerns the personal integrity matter, the important point is that the person possessing it can manifest himself as an agent of change and be able to shape his/her environment, which is an act of leadership in itself.

Developing organizational integrity

"To gain commitment, the key lies in helping individuals gain greater clarity of their own personal values rather than their corporate values. But in my experience most organizations start by creating a set of values and then selling those values to employees" [26, 161].

The affirmation above sounds so true if I am to think of organizations I have been part of – the workplace most often. Whenever you come to work, you are given the internal regulations or the company code that you have to read and sign. At the same time, referring to company conduct codes, how much has been said not about the importance of codes as final products as such, but the process of their creation! As culture of integrity is a process in itself and never a final product, one cannot expect a set of papers handed out to be read to produce the integrity effect.

It doesn't apply of course to all organizations as it was mentioned before that different leadership styles reflect values that are ingrained in a particular style, the tendency of organization to develop integrity will highly depend on the style of conduct adopted within it. Ethical improvement is continuous and once again, the leadership style of the organization will also determine the readiness for continuous learning.

The role of the leader remains essential, especially for societies in transition. By his/her personal example leader inspires other members of organization to grow. At the same time, we should not be too optimistic about the extraordi-

nary influence of leader's personalities as people are different. Empirical research indicates that principled managers make a positive difference in group work moral development but that many employees and groups will remain at the conventional level of morality unless supportively challenged to morally mature. Petrick & Quinn state that for this a supporting infrastructure is necessary as commitment work cultures emerge by design, not by accident while system development skills of managers are pivotal in creating a committed rather than a conniving or conforming work culture.

The bricks that need to be there in order to build an organization of integrity are the following:

❖ sensible, clearly communicated values and commitments;

❖ leaders committed to act on values;

❖ values as part of the routine decision-making process that are factored into every important organizational activity;

❖ systems and structures that support and reinforce organizational commitments;

❖ leaders throughout the organization have the knowledge and skills they need to make ethical decisions [11, 191-192].

In tackling organizational integrity literature says very little about employees, the followers who are in fact just as important as the leader and organizational infrastructure. A certain maturity and readiness to manifest dispersed leadership is necessary for followers to become part of the organizational culture of integrity as despite all favorable conditions it may never happen. The task of the leader then is to stimulate moral imagination of followers, to help raise their ethical sensitivity and follow through on ethical decisions.

This is not an easy task and doesn't happen overnight. Rather it shall always be a journey, never a final destination point.

Bibliography

1. Andrews K.R., David D.K. Ethics in practice: managing the moral corporation. - Boston, Harward Business School Press, 1989.
2. Carasciuc L. et al. Corruption and tax evasion: Economic dimensions. - Chisinau, Transparency International Moldova, 2003
3. Carasciuc L. et al. An honest business – the key to success. - Chisinau, Transparency International Moldova, 2006.
4. Carasciuc L. et al. Small business and corruption. A guide for entrepreneurs. - Chisinau, Transparency International Moldova, 2003.
5. Carroll A., Buchholtz A. Business and Society: Ethics and Stakeholder Management. - Thomson, 2003.
6. Craciun D. Business and morality – a short introduction. - Bucharest, ASE, 2003.

7. Cunningham J.B. Researching organizational values and beliefs. – Connecticut, Quorum Books, 2001.
8. Daudi Ph. Power in organization: Discourse of power in managerial practice. – Oxford, Basic Blackwell, 1986.
9. Denzin N.K., Lincoln Y.S. (eds) The sage handbook of qualitative research. - Thousand Oaks, Sage, 2005.
10. Foreign Investors Association. The White Book: Proposals for investment climate improvement in Moldova. - Chisinau, FIA, 2005.
11. Government of the Republic of Moldova. Economic growth and poverty reduction strategy paper 2004-2006. - Chisinau, 2004
12. Griffin D. The emergence of leadership: Linking self-organization and ethics. - London, Routledge, 2001.
13. Henderson V.E. What's ethical in business? - New-York, McGraw-Hill, 1992.
14. Hosmer L.T. Moral leadership in business. - Sydney, Irwin and Dorsey, 1994.
15. Johnson C.E. Meeting the ethical challenges of leadership: Casting light or shadow. - Thousand Oaks, Sage, 2001.
16. Kaptein M., Wempe J. The balanced company: A theory of corporate integrity. - Oxford, Oxford university press, 2002.
17. Koestenbaum P. The heart of business: Ethics, power and philosophy. - San Francisco, Saybrook, 1987.
18. Landsberg M. Tools of leadership: Vision, Inspiration and Momentum. – Moscow, Eksmo Education, 2004.
19. Lean G. Frank Buchman: A life. - London, Found Paperbacks, 1988.
20. Megone C., Robinson S.J. Case histories in business ethics. - New York, Routledge, 2002.
21. Maxwell J.C. There's no such thing as 'business' ethics. - New York, Warner Books, 2003.
22. Petrick J.A., Quinn J.F. Management ethics: Integrity at work. - Thousand Oaks, Sage., 1997.
23. Parry K.W., Meindl J.R. (eds) Grounding leadership theory and research. - Connecticut, IAP, 2002.
24. Pinzari S., Carasciuc L., Spinei I. Diagnosis of bribery in business. – Chisinau, Transparrency International Moldova, 2005.
25. Ranjit K.Research Methodology: A step-by-step guide for beginners. - London, Sage Publications, 1999.
26. Raelin J.A. Creating Leaderful Organizations. - San Francisco, Berrett-Koehler Publishers, 2003.
27. Tichy N.M., McGill A.R. The ethical challenge: How to lead with unyielding integrity. - San Francisco, 2003.

28. Trevino L., Nelson K.A. Managing business ethics: Straight talk about how to do it right - New-York, John Wiley & Sons, 1995.
29. Weeks J., Cornia J., et al. Republic of Moldova: Economic policies for growth, employment and poverty reduction. - Chisinau, UNDP Moldova, Art Grup, 2005.
30. Wren Th.J. (ed.) Leader's companion: Insights on leadership through the ages. - New-York, The Three Press, 1995.
31. Zinbarg E.D. Faith, morals and money: What the world's religions tell us about money in the marketplace. - New York-London, Continuum, 2001.
32. Zsolnai L. Spirituality and Ethics in Management. - Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 2004.
33. Muel P., Wempe J. The balanced company: A theory of corporate integrity. - Oxford, Oxford university press, 2002

Prezentat la redactie
la 16 ianuarie 2010.

ANNEX

Table 1: Four types of leaders [30, 215]

	Strong Man	*Transactor*	*Visionary Hero*	*SuperLeader*
Focus	Commands	Rewards	Visions	Self-leadership
Type of power	*Position authority*	*Rewards*	*Relational / inspirational*	*Shared*
Source of leader's wisdom and direction	Leader	Leader	Leader	Mostly followers (self-leaders) and then leaders
Followers' response	Fear-based compliance	Calculative compliance	Emotional commitment based on leader's vision	Commitment based on ownership
Typical leader behaviors	Direction command Assigned goals Intimidation Reprimand	Interactive goal setting Contingent personal reward Contingent material reward Contingent reprimand	Communication of leader's vision Emphasis on leader's values Exhortation Inspirational persuasion	Becoming an effective self-leader Modeling self-leadership Creating positive thought patterns Developing self-leadership through reward & constructive reprimand Promoting self-leading teams Facilitating a self-leadership culture

Table 2: Relationships among Individual and Organizational moral development stages, Patterns of leadership approaches and performance outcomes [22, 235]

Moral Developmental Stages	*Leadership approaches*	*Likely performance outcomes*
PRECONVENTIONAL	PRECONVENTIONAL	PRECONVENTIONAL
1. Obedience and punishment orientation/Social Darwinism 2. Instrumental purpose / Machiavellianism	1. Autocratic, coercive power leadership 2. Path-Goal/Transactional leadership	1. Positive task accomplishment to keep job out of fear. Regular on-time attendance out of fear. 2. Following formal paths and informal paths to career success. Efficient use of resources to pursue future career options. Mutual manipulation at work for personal career advancement.
CONVENTIONAL	CONVENTIONAL	CONVENTIONAL
3. Interpersonal accord, conformity, and mutual expectations/Popular conformity 4. Social accord and authority maintenance/Allegiance to authority	3. Leader-member exchange and interpersonal consideration leadership 4. Institutional, transactional compliance leadership and Fiedler's contingency leadership	3. Developing group cohesiveness and competence. Sharing information, tools, and other resources. Socialization of newcomers. Assisting those with heavy workloads. 4. Respecting the internal chain of command. Obedience to authority figures. Complying with external legal and regulatory standards. Maintain contingency settings that enhance the control and authority of the leader.
POSTCONVENTIONAL	POSTCONVENTIONAL	POSTCONVENTIONAL
5. Majority agreement and due process/Democratic participation 6. Ethical principle-based orientation/Principled integrity	5. Participative, servant leadership. 6. Total quality, transforming leadership; empowered team leadership.	5. Serving constituency needs. Democratic participation to arrive at majority agreements. Keeping informed about current issues of organizational importance. Attending non-required meetings and providing constructive input. Giving decision makers timely, accurate information. Providing reasoned arguments in ethics dialogues for proposed work changes. Tolerance of others' points of view. 6. Challenging authority and majority to respectfully with the facts. Providing for principled, systemic moral development and team empowerment. Consensual decision-making preferred to majority vote. Dedicated to character improvement.

MOLDOSCOPIE
(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.3 (L), 2010

REVISTĂ ŞTIINŢIFICĂ TRIMESTRIALĂ

Bun de tipar 15.10.2010. Formatul 70x100 $^{1}/_{16}$.
Coli de tipar 16,5. Coli editoriale 13,6.
Comanda 77. Tirajul 50 ex.

Centrul Editorial-Poligrafic al USM
str. Al.Mateevici, 60, Chişinău, MD 2009